

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью управления и различных управленческих структур на международном, страновом, региональном и местном уровне, ролью политико-экономических институтов в развитии государства и общества, государственной политикой в различных сферах, деятельностью исполнительной ветви власти, развитием электронного правительства, взаимодействием органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, включая политические партии, межэлитными отношениями и вопросами идентичности, стратегированием и планированием, государственным регулированием экономики и налогообложением, проблемами моногородов, территориальной организацией населения, агломерированием и рядом других.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анимца, чл.-корр. РАЕ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Юрий Васильевич Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Ольга Федоровна Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, д-р экон. наук, проф., ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Краков, Польша

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Блусь, канд. геогр. наук, доц., проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Надежда Владимировна Борисова, канд. полит. наук, доц., проф. кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукович, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры социальной географии Географического института «Иован Цвиич» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Белград, Сербия

Виктор Антонович Ковалев, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры социально-политических наук и международных отношений Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Ольга Анатольевна Козлова, д-р экон. наук, проф., зав. Центром исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН, проф. кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург

Наталья Сергеевна Козырь, канд. экон. наук, доц. кафедры мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, д-р полит. наук, проф., проректор по общим вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

Жанна Аркадьевна Мингалева, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского государственного исследовательского политехнического университета, проф. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – главный редактор

Елизавета Александровна Троицкая, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

Андрей Геннадьевич Шеломенцев, д-р экон. наук, проф., зав. отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Станислав Николаевич Шкель, д-р полит. наук, доц., проф. кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия

Главный редактор журнала –
Жанна Аркадьевна Мингалева,
д-р экон. наук, проф., проф. кафедры
экономики и управления промышленным
производством Пермского
национального исследовательского
политехнического университета,
проф. кафедры государственного
и муниципального управления
Пермского государственного
национального исследовательского
университета
ORCID: 0000-0001-7674-7846
ResearcherID: E-8001-2016
E-mail: mingal1@psu.ru

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41047

Адрес учредителя и издателя
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного
и муниципального управления
Тел. (342) 239-66-89

Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Редакционная коллегия, 2020

Publisher: Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory, history and practices of state and municipal government, economics and political sciences. A special emphasis is placed on the issues of management efficiency and structures as used at various levels – international, national, regional and local; the role of political and economic institutions in the development of the state and society; state policy in various spheres; activities of executive bodies; digital government; interaction between the governmental bodies, local governments and non-governmental organizations, including political parties; relations between elites and identity issues; strategy planning, state regulation in economy and taxation; mono-industrial cities, organization of territories; agglomerations, etc.

Editor-in-Chief

Zhanna A. Mingaleva

Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Economics and Management of Industrial
Production of Perm National Research Polytechnic University, Professor of Department of State
and Municipal Government of Perm State University, Perm, Russia
ORCID: 0000-0001-7674-7846, ResearcherID: E-8001-2016, e-mail: mingal1@psu.ru

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member
of Russian Natural History Academy, Honoured Scholar
of the Russian Federation, Doctor of Geography, Professor,
Head of Regional, Municipal Economics and Management
Department, Ural State Economic University, Yekaterinburg,
Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of Political Science Department, The Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration; Professor of Theoretical and Applied
Political Science Department, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor,
Head of Department for Economic Issues in Social Policy,
Institute of Industrial Economics at the Ukrainian National
Academy of Sciences, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head
of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political
Science and International Relations, the Jagiellonian
University, Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Professor,
Rector of Ural State University of Economics, Ekaterinburg,
Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman
of the Perm Region Legislative Assembly, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Ph.D. (Geography), Associate Professor,
Professor of State and Municipal Government Department,
Perm State University, Perm, Russia

Nadezhda V. Borisova, Ph.D. (Political Science), Asso-
ciate Professor, Professor of Political Sciences Department,
Perm State University, Perm, Russia

Victor A. Kovalev, Doctor of Political Science,
Associate Professor, Professor of Socio-Political Processes

and International Relations Department, Syktyvkar State
University, Syktyvkar, Russia

Olga A. Kozlova, Doctor of Economics, Professor,
Head of Center for Socioeconomic Dynamics Research,
Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian
Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Natalia S. Kozyr, Ph.D. (Economics), Associate Pro-
fessor of World Economy and Management Department,
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science,
Professor, Vice-Rector for General Issues, Head of State
and Municipal Government Department, Perm State Uni-
versity; Chairman of the Perm Regional Civic Chamber,
Perm, Russia

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Pro-
fessor, Professor of Economics and Industrial Pro-
duction Management Department, Perm National Research
Polytechnic University; Professor of State and Municipal
Government Department, Perm State University, Perm,
Russia – Editor-in-Chief

Andrey G. Shelomentsev, Doctor of Economics, Pro-
fessor, Head of Regional Socio-Economic Systems Research
Department, Institute of Economics at the Urals Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Science, Asso-
ciate Professor, Professor of Political Science, Sociology
and Public Relations Department, Ufa State Petroleum
Technological University, Ufa, Russia

Elizaveta A. Troitskaya, Ph.D. (Political Science),
Associate Professor of State and Municipal Government
Department, Perm State University, Perm, Russia – Man-
aging Editor

Darko Vuković, Doctor of Economics, Professor,
Full Professor of Social Geography Department, Geo-
graphical Institute “Jovan Cvijić” of the Serbian Academy
of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia

The journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher
Attestation Commission at the Russian Ministry of Education and Science for the following groups of research
specialties: 23.00.01 – Theory of a policy, history and methodology of a political science (Political Science);
23.00.02 – Political institutes, political processes and technologies (Political Science);
23.00.05 – Political Regional Studies. Ethnopolitics (Political Science).

Published by State and Municipal Government Department of Perm State University

Distributed within the Russian Federation and abroad

Subscription index in the “Press of Russia” catalogue (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047

Publisher Address: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Editorial Board Address: State and Municipal Government Department, Perm State University, 15 Bukirev str.,
Perm, 614990, Russia

Tel. +7(342)239-66-89. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Editorial Board, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Солдатова А. С., Семушенкова А. С.** Особенности конструирования
уровней идентичности в проектной деятельности российских
некоммерческих организаций 176
- Десяев Д. Г., Напалкова И. Г.** Республика Мордовия:
стратегический анализ имиджеобразующих факторов 203

II. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

- Ситкевич Д. А.** Анализ государственных мер по накоплению
социального капитала и поддержке коллективных действий 231

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

- Васюков Е. А.** Сравнительный анализ факторов привлекательности
национальных экономик для трансграничных сделок слияний
и поглощений 253
- Иванов П. А.** Оценка вклада сектора домашних хозяйств
в социально-экономическое развитие территорий различной
стадиальной принадлежности 270
- Коровкин В. В., Кузнецова Г. В.** Перспективы цифровой
трансформации российского машиностроения 291

IV. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

- Ковин В. С., Петрова Р. И.** Соотношение формальных
и неформальных практик взаимодействия муниципальных депутатов
(на примере представительных органов власти малых городов
Удмуртской республики) 314

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Емельянов А. И., Варнацкая Я. В.** Основы прямой демократии
в Латинской Америке 342

CONTENTS

I. STATE POLICY AND POLITICAL INSTITUTIONS: HISTORIC AND PRESENTDAY ISSUES

- Soldatova A. S., Semushenkova A. S.** The specificity of identity formation in project activities of Russian non-profit organizations 176
- Desyaev D. G., Napalkova I. G.** Republic of Mordovia: strategic analysis of image-forming factors. 203

II. ISSUES IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Sitkevich D. A.** Analysis of building social capital and supporting collective action policies 231

III. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Vasyukov E. A.** Comparative analysis of national economies attractiveness factors for cross-border mergers and acquisitions 253
- Ivanov P. A.** Assessment of the household sector contribution to the social and economic development in the territories of various stadial affiliation 270
- Korovkin V. V., Kuznetsova G. V.** Prospects for digital transformation in Russian machine building industry. 291

IV. LOCAL SELF-GOVERNMENT AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES

- Kovin V. S., Petrova R. I.** Correlation of formal and informal interaction practices between municipal deputies (based on the example of representative authorities of the Udmurt Republic small towns) 314

V. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Emelyanov A. I., Varnatskaya Ya. V.** Basics of direct democracy in Latin America. 342

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо направить научную статью на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru. В тестовом режиме организована подача статей online на сайте <http://press.psu.ru>, в разделе «Ars Administrandi (Искусство управления)» (платформа OJS).

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) являет(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале считается акцептом, т. е. согласием автора (соавтора) на опубликование статьи

в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 323.212

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-176-202

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ УРОВНЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А. С. СОЛДАТОВА

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия

А. С. СЕМУШЕНКОВА

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия
Колледж Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске,
г. Саранск, Россия

Для цитирования:

Солдатова А. С., Семушенкова А. С. Особенности конструирования уровней идентичности в проектной деятельности российских некоммерческих организаций // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 176–202. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-176-202.

Введение: В результате внедрения новых механизмов поддержки некоммерческих организаций в виде президентских грантов резко увеличилась интенсивность и масштабы деятельности третьего сектора по таким конкурсным направлениям, как «сохранение исторической памяти», «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» и пр. В этой связи и в контексте дискурса о формировании государственно-гражданской идентичности актуально осмыслить деятельность российских некоммерческих организаций по формированию территориальной идентичности в регионах.

Цель: анализ социального проектирования некоммерческих организаций Республики Татарстан и Республики Мордовия в сфере формирования территориальной идентичности и определение соотношения ее уровней в проектах и практиках указанных организаций.

Методы: концепции «многоуровневой идентичности» З. А. Жаде и «сложносоставной идентичности» Е. В. Морозовой, разработки И. С. Семененко в области категоризации института «активного гражданства», концепции гражданского лидерства Ч. Брукса и других

исследователей, интернет-мониторинг практик и проектов некоммерческих организаций, анализ данных Фонда президентских грантов.

Результаты: в ходе исследования были проанализированы особенности социального проектирования ряда некоммерческих организаций Республики Татарстан и Республики Мордовия по направлениям: сохранение исторической памяти, укрепление межнационального и межрелигиозного согласия и пр. Выявлены различные стратегии формирования уровней территориальной идентичности.

Выводы: в социальном проектировании некоммерческих организаций можно обнаружить основные линии позиционирования каждого уровня территориальной самоидентификации и соответствующих общностей, в том числе в регионах со сложносоставной идентичностью (республиках). Некоммерческие организации выступают агентами конструирования идентичности. Однако этот ресурс во многом остается недооцененным.

Ключевые слова: территориальная идентичность; этничность; символический капитал; политика идентичности; некоммерческий сектор; некоммерческая организация (НКО); Республика Мордовия; Республика Татарстан

ВВЕДЕНИЕ

В российском государстве развернулся (преимущественно «сверху») полноформатный дискурс о поиске новых оснований для преодоления проблемы «идеологического вакуума» и формирования государственно-гражданской идентичности с актуальным набором свойств и качеств. Он был подхвачен региональными элитами, общественными деятелями на местах.

Фокусирование на позиции последних представляется интересным и важным в связи с тем, что роль некоммерческого сектора в России постепенно возрастает, чему способствуют события внутри страны и за ее пределами. Процесс его развития сравнивают с полетом в космос – такое преобразование претерпел общественный институт¹.

Своеобразным водоразделом можно считать 2012 год: стартовала новая кампания применения системных правил для функционирования некоммерческих организаций (НКО)². По сути, появились два политико-инструментальных поля взаимоотношений по линии «власть – некоммерческий сектор». Первое – для организаций, работающих с экономическими инструментами, одобряемыми на государственном уровне, и второе – для структур, действующих вне принятого порядка.

В качестве противовеса усилению контроля со стороны государства была значительно увеличена поддержка НКО первого «списка» – активистского ядра социально-ориентированных НКО (СО НКО) как агента изменений (Милованова, 2019). В качестве такого рода поддержки можно рассматривать повышение объемов финансирования в рамках конкурсов Фонда пре-

¹ Юсупова Д. «Что за зверь такой НКО»? Интервью с И. В. Мерсияновой [Электронный ресурс] // Милосердие.ru. 2015. 23 марта. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/> (дата обращения: 15.03.2020).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс]: Федер. закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#ds100022 (дата обращения: 14.03.2020).

зидентских грантов. Система распределения грантов была коренным образом модернизирована. Поэтапно за два года полностью пересмотрена вся система отбора: от порядка подачи заявки (теперь ее можно подать исключительно в электронной форме) до принципа распределения средств между НКО различных субъектов Федерации. На проведение конкурсов в 2017 году было выделено 6,7 млрд руб., в 2018 году – 7,8 млрд руб.³

Такой объем финансирования резко увеличил интенсивность и масштабы деятельности некоммерческого сектора, в том числе в рамках направлений «сохранение исторической памяти», «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия», «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», по которым Фонд президентских грантов проводит конкурсы среди НКО. Однако до сих пор эта тенденция не получила должного внимания со стороны научного сообщества.

На наш взгляд, актуальным является изучение потенциала некоммерческих организаций в разрезе их возможностей выступать в качестве агентов формирования территориальной идентичности. Это особенно важно в регионах со сложноставной системой самоидентификации – многоуровневой идентичностью (Жаде и Кумпилов, 2019). Такими территориями, например, являются республики Поволжья, где существует историческая традиция совместного проживания представителей разнообразных народностей и конфессий.

Тем более любопытно оценить это явление на примере различных типов региональных процессов самоидентификации и политик идентичности – Республики Татарстан и Республики Мордовия.

Во-первых, в рассматриваемых регионах сложилась противоположная социально-экономическая ситуация. Если Мордовия является высокودотационным субъектом Федерации, то Татарстан лидирует по многим показателям. Безусловно, это отражается на самостоятельности принимаемых решений и выборе направлений политики идентичности.

Во-вторых, различия между регионами проявляются при формулировке целей, основных направлений, приоритетов, доминирующих ориентаций конструирования различных уровней территориальной идентичности. Татарстан можно отнести к регионам, которые стремятся укрепить государственность субъекта Федерации, упрочить региональную гражданскую идентичность, Мордовия действует в рамках сохранения прочного гражданского мира, взаимопонимания и согласия (Попков и Тюгашев, 2013).

В-третьих, количественно и качественно различается некоммерческий сектор этих двух республик. В Мордовии достаточно много некоммерческих структур, но только небольшой процент из них являются работоспособными и занимаются социальным проектированием. Вызывает сомнение субъектность гражданских лидеров и их непосредственное влияние на принятие политических решений. В Татарстане зарегистрировано самое большое количество НКО в Приволжском федеральном округе. Большая часть из них

³ Хазиев Д. Илья Чукалин: «8 миллиардов рублей на следующий год должно быть достаточно» [Электронный ресурс] // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. 2018. 14 нояб. URL: <https://philanthropy.ru/intervyu/2018/11/14/68854/> (дата обращения: 15.03.2020).

характеризуется профессиональным составом кадров. Отдельные организации известны на общероссийском уровне. В регионе развита система поддержки некоммерческого сектора. Соответственно, НКО республики имеют возможность выстраивать и предлагать собственные специфические механизмы работы.

Авторы предполагают, что перечисленные факторы вносят существенные коррективы в деятельность третьего сектора и определяют их уровень и объем политического участия. Целью данной статьи является анализ социального проектирования некоммерческих организаций Республики Татарстан и Республики Мордовия в сфере формирования территориальной идентичности и определение соотношения ее уровней в проектах и практиках указанных организаций.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметная область исследований территориальной идентичности представлена довольно широким спектром трудов политологов, социологов и антропологов. В нашей стране проблематика формирования государственно-гражданской идентичности не теряет своей актуальности уже несколько десятилетий. Наиболее интересные выводы содержат работы исследователей, которые предлагают использовать для описания российского случая категории «многоуровневая идентичность» (Жаде и Кумпилов, 2019), «сложно-составная идентичность» (Морозова, 2012), «биокультурная идентичность» (Назукина и Подвинцев, 2013). В рамках данной терминологии общероссийская, региональная, локальная, этническая и другие идентичности увязываются в одном комплексе социальных и психоментальных чувств и проявлений человека. Такой подход позволяет относить себя одновременно к нескольким сообществам без противоречий для целостности психики. Каждый подобный уровень наполняется собственными ценностными ориентациями, смыслами. Для построения каждого из них существует свой комплект инструментов, так как многообразным является и состав символического капитала (Назукина, 2019). На этом знании основывается политика идентичности. В различных интерпретациях она встречается у агентов формирования самосознания, которыми выступают региональные элиты, СМИ, система образования, различные структуры гражданского общества и институт «активного гражданства» (Семененко, 2016).

Реже встречаются работы, в которых анализируется потенциал некоммерческих организаций в конструировании территориальной идентичности. В целом наблюдается спад активности в изучении тематик, связанных с третьим сектором. В настоящий момент внимание российских ученых сосредоточено на сетевой публичной политике и политической активности в Интернете и пр. У иностранных коллег закрепился тренд объединения формальных и неформальных участников некоммерческого сектора в понятие «гражданское лидерство» (Hambleton, 2020; Brooks et al., 2016).

В немногочисленных исследованиях, где некоммерческие организации являются предметно разграниченным феноменом, превалирует подход,

согласно которому они относятся к социальному капиталу регионального пространства (Панченко, 2019). В частности, он строится на представлении о том, что между «последователями» и НКО устанавливается особый тип взаимоотношений, который позволяет последним воздействовать на членов сообщества и производить социальный продукт с целевым эффектом (Muterera et al., 2018; Kam van der et al., 2015). Подобные концепции дают методологические инструменты для рассмотрения социального проектирования в контексте его дискурсивного значения.

Попытки оценить политическую роль третьего сектора были предприняты в рамках изучения институтов гражданского общества в целом (Молокова, 2018; Немцев, 2018). Думается, что в свете появления нового механизма государственной поддержки НКО требуется, во-первых, уточнение значения президентских грантов для динамики качества жизни российских НКО (трансформировалась ли сфера, каким образом); во-вторых, осмысление влияния НКО на различные сферы общественной жизни в рамках нового формата социального проектирования.

Для получения эмпирических данных с целью выявления специфики влияния НКО на изучаемые региональные сообщества в качестве агентов формирования территориальной идентичности был проведен интернет-мониторинг. Анализировались сайты и профили некоммерческих организаций в социальных сетях, в частности информация об их социально значимых проектах и практиках.

Кроме того, была осуществлена системная проработка проектной активности НКО Республики Татарстан и Республики Мордовия на конкурсах президентских грантов. Был изучен весь массив данных социального проектирования организаций в официальной системе Фонда президентских грантов за последние четыре года по следующим направлениям:

- укрепление межнационального и межрелигиозного согласия;
- сохранение исторической памяти;
- развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников;
- поддержка проектов в области культуры и искусства;
- поддержка проектов в области науки, образования, просвещения.

Анализировались как количественные показатели – динамика подачи заявок, так и содержательная часть проектов, направленных на конкурсы Фонда президентских грантов: название, краткое описание, цель, задачи, обоснование социальной значимости, география проекта, целевые группы. Контент изучался на предмет выявления особенностей по следующим категориям:

- актуальная тематика контента: сферы и направления политики идентичности;
- проблемы, которые актуализированы в обсуждении;
- контекст упоминания вопросов идентичности и самоидентификации;
- характер дискурса в обосновании проблематики;
- проявления государственной идентичности (символы, мифы, образы, концепты);
- проявления этнической идентичности (символы, мифы, образы, концепты);

- проявления региональной идентичности (символы, мифы, образы, концепты);
- проявления локальной идентичности (символы, мифы, образы, концепты);
- механизмы реализации политики идентичности.

Полученные данные были интерпретированы для каждого из уровней идентичности: общероссийский, региональный, локальный, этнический и пр.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кейс Республики Мордовия

Конструирование идентичности в регионе определяется особенностями социально-экономического и общественно-политического развития. Как отмечалось выше, Мордовия является высокодотационным субъектом Федерации. Дотации центра в течение трех последних отчетных лет составляли от 10 до 40 % от объема собственных доходов⁴. Здесь в 2019 году был зафиксирован самый высокий дефицит бюджета (24,5 % доходов)⁵. В этом же году республика получила самую крупную правительственную дотацию из всех регионов России⁶.

Сообразно этому региональная элита старается оставаться ретранслятором политических решений федерального центра. Одна из основных идей политики идентичности – акцентуализация нахождения в лоне общенациональной идентичности (Солдатов и Ширманов, 2015). Наиболее ярким примером выбранной позиции служит организация масштабного праздника, посвященного 1000-летию единения мордовского народа с народами России, на который были приглашены первые лица России и стран финно-угорского мира. Таким образом, Мордовия пыталась преодолеть и угрозу возможной перекройки административных границ региона, которая ранее активно обсуждалась в Москве в рамках процесса укрупнения субъектов Федерации.

Этническая идентичность на официальном уровне вплетена в концепцию гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений (Бахлов и Бахлова, 2020). Региональная элита предлагает формат единения регио-

⁴ Перечень субъектов Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс]: приложение 3 к Приказу М-ва финансов Рос. Федерации от 15.11.2019 № 1032 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации». URL: http://www.garant.ru/files/3/8/1304783/15_11_2019_1032.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

⁵ Фейнберг А. Объем дотаций регионам поставил рекорд. 70 субъектов федерации закончили 2018 год с профицитом бюджета [Электронный ресурс] // РБК газета. 2019. 20 февр. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/02/20/5c6c085e9a7947758c7d6d23> (дата обращения: 26.04.2020).

⁶ Мордовия получила самую крупную дотацию в РФ на сбалансированность бюджета [Электронный ресурс] // REGNUM. 2019. 4 дек. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2798152.html> (дата обращения: 26.04.2020).

нальной полиэтнической общности⁷, куда мордва входит наравне с представителями других национальностей.

Интенсивнее используется финно-угорская тематика. Мордовия позиционирует себя как один из центров финно-угорской культуры в России (Kowalev, 2016). В Саранске расположилась большая часть административных структур соответствующих общественных организаций. Здесь проходят всероссийские и международные культурные и политические мероприятия. Примечательно, что экс-глава Республики Мордовия (и Самарской области) был назначен специальным представителем Президента Российской Федерации по взаимодействию с Всемирным конгрессом финно-угорских народов.

Традиции устойчивой модели межнациональных отношений фактически заменили символический потенциал региональной идентичности (Богатова, 2017). Ее конструированию уделяется мало внимания. В рамках проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году была активизирована линия о лидерстве Мордовии по благоустройству (Напалкова и Курочкина, 2018; Гусева, 2017). Однако экологический кризис лета 2018 года (проблема зловонного запаха из неизвестного источника) и обновление статистики распространенности злокачественных новообразований по регионам России в 2019 году, по которой Мордовия оказалась на втором месте⁸, нейтрализовали ее во внутрирегиональном пространстве.

Некоммерческий сектор Мордовии насчитывает на 31 декабря 2019 года 1427 организаций⁹, что позволяет ей оставаться регионом с самым «плотным» некоммерческим сектором в Поволжье. По количеству НКО на душу населения регион занимает девятое место среди всех субъектов Федерации. Показатель составляет 16,5 на 10 тыс. чел.¹⁰

В целом структура некоммерческого сектора республики говорит о слабой включенности и низком уровне активности местных НКО. Несмотря на значительное количество НКО, только небольшой процент из них является работоспособным, т. е. имеет оформленные отношения с целевой группой, обладает компетенциями в сфере социального проектирования

⁷ Об утверждении государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 18.11.2013 № 507. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 26.04.2020).

⁸ Рыкова А. Названы регионы России с высокой распространенностью рака [Электронный ресурс] // RT на русском. 2019. 17 июня. URL: <https://ru.rt.com/dr4p> (дата обращения: 27.04.2020).

⁹ Минэкономразвития России. Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (дата обращения: 11.04.2020).

¹⁰ Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2018 г. (таблица) [Электронный ресурс]: приложение к письму зам. Министра экон. развития Рос. Федерации от 01.10.2019 № 33112-ИТ/ДО1и. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/6bd6ea6dfed00d673dfe8e6f9911504d/rezultaty_reytinga_zh_2018.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

или социального предпринимательства. Можно констатировать полное отсутствие субъектности гражданских структур в регионе. Фактически не наработан опыт включения некоммерческого потенциала в процесс принятия политико-управленческих решений. Соответствующий статус НКО во многом формируется с подачи региональной элиты. Представителями властных структур декларируется ориентация на социальные инновации «снизу», по факту – гражданское лидерство воспринимается как «лишнее звено», НКО – как иждивенцы (Семушенкова, 2019).

В Мордовии не реализуются многие практики, которые уже зарекомендовали себя в других регионах России. Отсутствуют специализированные структуры по вопросам поддержки гражданских инициатив. Редки случаи привлечения представителей НКО в качестве экспертов или исполнителей решения местных проблем. Межсекторальное взаимодействие осуществляется исключительно в рамках работы Общественной палаты Республики Мордовия, в которую слабо включены сами НКО. Усилия властей по поддержке некоммерческого сектора являются достаточно скромными. Вследствие этого практически невозможно говорить о внегрантовой деятельности НКО.

С 2017 по 2020 год от Мордовии было подано 543 заявки¹¹ на получение поддержки Фонда президентских грантов, которые подготовили 156 местных организаций. Учитывая общее количество организаций в республике, всего 11 % местных НКО оказались проектно активными. Запрашиваемый бюджет в заявках за 4 года составил 815 703 966 руб. Из общего количества заявленных проектов выиграли 87, или 16 %. Финансирование получили всего 60 организаций (часть дважды-трижды). Общая сумма грантов составила 83 117 246, 92 руб.

В рамках грантовой статистики количество проектов по направлению «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» составляет чуть более 5 % от общего числа заявок мордовских организаций. Из 543 – всего 28 проектов. В 1,5 раза чаще разработчики проектов выбирали направление «сохранение исторической памяти» (43 заявки, 8 %).

Частично проблематика затрагивалась в проектах в области науки, образования, просвещения. Здесь оказались популярными такие темы, как этножурналистика, языковые образовательные курсы, патриотическое образование и воспитание и пр. В основном мероприятия были направлены на детей и студентов.

Проведенный анализ позволил выделить четыре символических оси в социальном проектировании местных НКО (табл. 1).

Первая ось – общероссийская идентичность. Проекты по ее формированию чаще всего оформлены в канве военно-исторического наследия. Особую актуализацию получили герои Советского Союза, в частности М. П. Девятаев. Мероприятия направлены на воспитание чувства патриотизма, утверждение ценностей государственности и пр.

¹¹ Фонд президентских грантов. Проекты. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН [Электронный ресурс]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards> (дата обращения: 04.04.2020).

Таблица 1 / Table 1

**Соотношение вопросов идентичности в проектах НКО Республики Мордовия /
Correlation of identity issues in NPOs projects, the Republic of Mordovia**

Смысловой блок проекта	Годы					Победители
	2017	2018	2019	2020	2017–2020	
Общероссийская идентичность	4	5	22	8	39	5
Региональная идентичность	1	6	14	6	27	3
Локальная идентичность	2	6	10	2	20	5
Этническая идентичность	10	15	16	15	56	8
Поволжская идентичность	1	0	0	0	1	0

Вторую ось составляет пространство межнационального созидания, которая является своеобразной альтернативой этнической идентичности. Здесь представлены проекты, концептуально вписанные в установку на гармонизацию межнационального и межконфессионального взаимодействия. Формы и инструменты конструирования идентичности разнообразны: от «классических» лекториев и бесед, спортивных соревнований до коллабораций творческих кластеров, разработки специализированных игр и пр. Например, среди последних можно отметить проект «Интерактивная игра для детей дошкольного возраста “Одень национальную куклу”». Он направлен на ознакомление детей с культурным многообразием народов через их национальные костюмы.

В списке целей подобных проектов обозначены:

- создание новых востребованных культурных продуктов и услуг;
- демонстрация решений проблем межнационального взаимодействия при воссоздании детьми своих позитивных творческих работ;
- формирование культуры совместного творчества как основы межнационального созидания;
- обобщение позитивного исторического опыта мирного сосуществования и консолидации народов в рамках единого российского государства;
- развитие нарративной медиации как эффективного средства предотвращения и профилактики межнациональных и межрелигиозных конфликтов и пр.

Используемые в описании формулировки позволяют говорить об императиве совмещения общероссийского и этнического – формировании этнокультурного кода как основы нациестроительства.

Третья ось связана с финно-угорским символическим капиталом. Этот уровень является надэтническим самосознанием. В основном проекты некоммерческого сектора призваны способствовать сближению родственных народов, сохранению культурного многообразия, созданию единого информационного пространства и др. Встречаются заявки, в которых заметен запрос на идентификацию самости народов финно-угорского мира как отдельного субъекта социального действия. Несколько из них посвящены совершенствованию механизмов, обеспечивающих правовой и социально-экономический статус финно-угорских народов России. В одном из проектов делается акцент на повышение гражданского самосознания лидеров финно-угорских народов и активистов среди молодежи.

Этническая идентичность составила символический капитал четвертой оси проектов. Однако, несмотря на титульность мордвы, наиболее активными в республике оказались представители татарской народности. Из совокупности проектов, заявленных на конкурсы президентских грантов, можно составить целый комплекс разнообразных мероприятий. Наиболее актуальными для общественников стали меры по сохранению и развитию татарского языка, в том числе его различных диалектов. В целом представленные проекты татар демонстрируют смелость выбора форм реализации целей. Например, в рамках одного из проектов планировалось создание онлайн-школы татарского языка.

Помимо названных проблематик, можно выделить еще две темы, которые, однако, достаточно редко встречаются в дискурсе гражданских лидеров:

- формирование локального уровня идентичности через возрождение традиций и популяризацию культурного наследия отдельных сел;
- активизация уровня поволжской идентичности в контексте сближения представителей различных наций, вероисповеданий и социальных слоев.

В целом за четыре года в рамках президентских грантов был реализован 21 проект, отражающий тематику конструирования различных уровней территориальной идентичности. Из них два победителя – в рамках направления «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» (2017 и 2018 годы), 11 – «сохранение исторической памяти» (в основном в 2019 и 2020 годах), 8 – в сфере образования и культуры (в разные периоды).

Проекты можно классифицировать по целям, которые были заявлены представителями некоммерческих организаций.

1. В рамках формирования общероссийской идентичности:
 - повышение общеобразовательного и культурного уровня российского общества средствами литературы;
 - формирование грамотного письма и популяризация русской классической литературы;
 - нравственно-патриотическое воспитание молодежи и ее подготовка к службе в армии.
2. В рамках сопряжения общероссийской и региональной идентичностей:
 - патриотическое воспитание молодежи через участие в поисковой деятельности;
 - распространение исторических знаний о родном крае и России;
 - сохранение исторической памяти о героях Советского Союза, Российской Федерации и Республики Мордовия;
 - благоустройство захоронений участников Великой Отечественной войны из Мордовии;
 - интерактивизация исторических фактов о Великой Отечественной войне и героях Мордовии.
3. В рамках этнического самосознания, в данном случае проблематики гармонизации межнациональных отношений:
 - взаимообогащение культур различных наций и народностей;
 - популяризация традиций казачества.

4. В рамках формирования локальной идентичности:
 - сохранение межпоколенческой преемственности в малочисленных селах Мордовии;
 - популяризация музыкального фольклора и традиций сельской местности;
 - музеефикация сельских территорий;
 - возрождение исторического промысла в сельской местности.
5. В рамках формирования финно-угорской компоненты этнической идентичности:
 - укрепление межнациональных отношений финно-угорских народов.
6. В рамках формирования гражданской идентичности:
 - формирование ценности гражданской солидарности и гражданской идентичности.

Подобных заявок на конкурсы Фонда президентских грантов было не более 5 за весь изучаемый период. Победил всего один проект.

Кейс Республики Татарстан

Идентификационные процессы Республики Татарстан отличаются еще большим своеобразием. Только в рамках новейшей истории политика идентичности здесь меняла направление несколько раз. От актуализации региональной идентичности в 90-е годы XX века на фоне децентрализации российского государства (Татарстан выступал «пионером» борьбы за суверенитет (Паин, 1995, с. 72) до изменения ее соотношения с общероссийской идентичностью в пользу последней (Макарова, 2017) и обратно.

На современном этапе Татарстан – одна из немногих республик, этнические ценности, культура и язык которой не перестали быть актуальными для представителей этноса. Политолог К. Уильямс применительно к Татарстану использовал выражение «этническая мобилизация» (Williams, 2011). Консолидация здесь – не просто декларируемая властной элитой категория, а стратегия, поддерживаемая среди жителей региона (Поцелуев и Цибенко, 2019).

Постановка вопроса о языковой политике – тема знаковая для республики. Она является неотъемлемой частью региональной политической повестки, предметом обсуждений с федеральным центром. По мнению экспертов, ассиметричный федерализм стал действенным ответом на требования Татарстана о самостоятельном решении вопросов, касающихся своего языка (Cashaback, 2008; Napauer, 1996). Аналогичная ситуация наблюдается и с вплетением в региональный дискурс ислама и его символов в качестве инструмента для легитимизации привилегированных позиций региона (Yusupova, 2016). На опыте Татарстана формируется концепт позитивного многовекового опыта интеграции ислама в российское общество по татарстанской модели (Суслова, 2012).

Вероятно, фактор конкуренции между федеральной и республиканской властью за первенство в иерархии территориальной идентичности будет оказывать перманентное влияние на разворачивающиеся в Татарстане процессы самоидентификации и соответствующую региональную политику.

Эксклюзивный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан¹² регион имеет благодаря наличию определенного комплекса политических и экономических рычагов влияния (Nizamova, 2016). К первым можно отнести сплоченность элиты и внутренний консенсус относительно приоритетов развития республики (Yakovlev et al., 2019), ко вторым – наличие на территории полезных ископаемых (27,1 % в ВРП в 2018 году)¹³, лидерство по многим показателям социально-экономического развития: шестое место среди субъектов Федерации по объему ВРП (2018 год)¹⁴; четвертое место по качеству жизни населения (2019 год)¹⁵; четвертое место по инвестиционной привлекательности (2019 г.)¹⁶ и пр.

Высокую позицию Татарстан занимает в комплексном рейтинге субъектов Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, составленном Минэкономразвития России. В 2018 году республика заняла 25-е место в блоке «регионы – кандидаты на лидерство»¹⁷.

Здесь зарегистрировано самое большое количество НКО в Приволжском федеральном округе. По состоянию на 1 января 2019 года – 5 787¹⁸, или 13,4 на 10 тыс. человек, что позволяет республике оставаться на 18-м месте по плотности некоммерческого сектора.

Для Татарстана характерна большая численность религиозных объединений (1 955 по данным на 2019 год¹⁹). Здесь больше, чем в любом другом регионе Поволжья, мусульманских организаций. Всего на территории субъекта зарегистрировано 20 конфессий.

Некоммерческий сектор Татарстана преимущественно состоит из НКО муниципальных районов. Здесь на 1 тыс. чел. приходится 1,4 НКО (Носаненко,

¹² Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан [Электронный ресурс]: Федер. закон от 24.07.2007 № 199-ФЗ. URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/191570/> (дата обращения: 11.04.2020).

¹³ Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2018 году [Электронный ресурс]: офиц. сайт М-ва экономики Республики Татарстан. 2019. URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766102.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁴ Татарстан по объему валового регионального продукта занимает 6 место среди субъектов РФ. [Электронный ресурс]. офиц. сайт М-ва экономики Республики Татарстан. 2020. 4 марта. URL: <https://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1697556.htm> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁵ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2019 [Электронный ресурс]: РИА Новости. 2020. 3 марта. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁶ VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019. М.: Нац. рейтинговое агентство (НРА), 2019. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁷ Результаты расчета рейтинга...

¹⁸ Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2018 год и задачах на 2019 год и на период до 2024 года [Электронный ресурс]: офиц. сайт М-ва экономики Республики Татарстан. 2019. С. 83. URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766110.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁹ Там же.

2014а, с. 105). Причем каждая третья из них была сформирована еще в 1990-е годы. Деятельность некоммерческого сектора имеет чаще всего локальный характер и находится в тесной связке с работой муниципалитетов (Носаненко, 2017).

В отчете о деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2014–2018 годы указаны следующие объемы финансирования НКО в рамках соответствующих программ развития: из средств бюджета Республики Татарстан – 1,9 млрд руб., средств федерального бюджета – 42,2 млн руб., из средств местных бюджетов – 5,4 млн руб. и внебюджетных источников – 533,8 млн руб.²⁰ Помимо этого в регионе ведутся реестры получателей поддержки, где фиксируется любая помощь НКО Татарстана, в том числе от бизнес-структур. В 2019 году они содержали сведения о 814 организациях, которые получили финансирование на общую сумму в несколько миллиардов рублей. Причем 6,5 млрд руб. приходится на муниципальные образования республики²¹. Развита в регионе и система грантовых конкурсов. Например, ежегодно в рамках конкурса «Общественная инициатива» подают свои заявки около 1 тыс. организаций.

Структура некоммерческого сектора Татарстана также характеризуется профессиональным составом кадров. Согласно исследованию Г. Ю. Носаненко примерно 19 % организаций имеют от 1 до 5 штатных сотрудников на постоянной основе, 13 % – 6–10 сотрудников, 5 % – 31 и более (Носаненко, 2014, с. 229). По данным на 2017 год численность задействованных работников в НКО исчисляется сотнями тыс. человек, вовлечены в работу общественных организаций свыше 50 тыс. добровольцев. Услугами местных НКО пользуется более 876 тыс. чел.²²

Активизм представителей НКО Татарстана не раз отмечался на федеральном уровне. В частности, в рамках рейтингования Общественной палаты Российской Федерации Казань входил в десятку лидеров²³. Многие НКО, осуществляющие деятельность на территории Татарстана, также известны и за его пределами. К таковым относятся автономная благотворительная некоммерческая организация «Новый век», арт-резиденция Константина Хабенского «Артхаб», исламский благотворительный фонд «Ярдэм» и др.

Работу некоммерческих структур республики сопровождают более 10 ресурсных центров и учреждений повышения компетенций.

Развито межсекторное партнерство. В частности, первые лица Татарстана заявляют о необходимости более широкого использования потенциала некоммерческих организаций в работе профильных структур управления регионом, в том числе по патриотическому воспитанию детей. Акцентируется

²⁰ Об итогах деятельности Министерства экономики... С. 84.

²¹ Там же. С. 85.

²² *Лучшие практики социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Татарстан* / Авт.-сост. Е. Р. Белякова, Э. Ф. Шайхлисламова, Г. Х. Усманова. Казань: Orange-K, 2018. Т. 1. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://ieml.ru/podrazdeleniya-universiteta/kafedra-instituty-grazhdanskogo-obshchestva/publications/Sbornik-luchshikh-praktik-sotsialno-orientirovannykh-nekommercheskikh-organizatsii-Respubliki-Tatarstan-Tom-1.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

²³ *Общественная палата РФ назвала 10 самых добрых городов страны* [Электронный ресурс] // офиц. сайт Обществ. палаты Рос. Федерации. 2017. 9 июня. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/40820> (дата обращения: 13.04.2020).

роль локальных гражданских инициатив по формированию сплоченности местного сообщества и развития «новой» идентичности²⁴.

В рамках регионального финансирования и на общественных началах организациями Татарстана были проведены сотни социально значимых мероприятий, направленных на актуализацию различных уровней идентичности. Они отражены в сборнике лучших практик некоммерческого сектора Республики Татарстан²⁵. Однако наиболее масштабными и заметными являются проекты, разрабатываемые и реализуемые в рамках президентских грантов.

Регион в целом является лидером Поволжья по результативности в конкурсах Фонда президентских грантов. Ежегодно НКО республики становятся получателями около 180 млн руб. Причем, как справедливо замечает С. Сергеев, «гранты больше выделяют “креативным НКО”, которые реализуют “позитивные” и патриотические проекты, не связанные с политикой»²⁶.

На высоком уровне поддержки находятся проекты по направлению «сохранение исторической памяти» – третье место по количеству победителей внутри региона. В рамках этого направления местные организации за четыре года подали 257 проектов, выиграли – 48. А направление «укрепление межрелигиозного и межнационального согласия» для республики оказалось менее результативным. Из 127 заявок эксперты отметили только 11²⁷.

Таблица 2 / Table 2

**Соотношение вопросов идентичности в проектах НКО Республики Татарстан /
Correlation of identity issues in the NPOs projects, the Republic of Tatarstan**

Смысловой блок проекта	Годы					Победители
	2017	2018	2019	2020	2017–2020	
Общероссийская идентичность	32	41	47	55	175	33
Региональная идентичность	25	37	34	31	127	20
Локальная идентичность	25	29	18	23	95	17
Этническая идентичность	32	42	35	33	142	19
Поволжская идентичность	8	12	15	7	42	6

Проекты имеют разнообразное содержание и отражают разный уровень идентичности (табл. 2). Можно выделить аналогичные пространству Республики Мордовии символические оси. Их основной тематической линией является наследие Великой Отечественной войны. Военный мотив призван вырабатывать патриотичное отношение к своей стране и республике.

²⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Республике Татарстан за 2018 год: материалы общественно-политической газеты «Республика Татарстан» [Электронный ресурс] // Республика Татарстан. 2019. 25 янв. URL: <http://rt-online.ru/doklad-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-respublike-tatarstan-za-2018-god/> (дата обращения: 16.04.2020).

²⁵ Лучшие практики социально ориентированных некоммерческих организаций... С. 18–146.

²⁶ Антонов К. Президентский грант на позитив. Татарстанские НКО получают поддержку в размере 95 млн рублей [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (Казань). 2018. 2 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3787701> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁷ Фонд президентских грантов...

Примечательно, что в формулировках проектов патриотической направленности чаще всего оказывается размытым предмет формирования идентичности. Широко употребляется слово «Родина». Не всегда представляется возможным точно определить, что понимается под этим словом – страна, регион, муниципальный район или иной территориальный уровень.

Большое внимание в проектах уделено героическому прошлому. Общественники Татарстана используют как образы советских героев, так и биографии выдающихся земляков, например Мусы Джалиля. В каждом подобном проекте стоит задача популяризации истории республики, в том числе осмысления вклада жителей региона в достижение победы в Великой Отечественной войне. Помимо этого, ресурсом формирования региональной идентичности выступают военные – участники боевых действий в Чечне и Афганистане. Формат живого общения с целевыми группами призван усилить социальный эффект.

Символический капитал «войны» задействован в заявках, посвященных популяризации российской армии. Анализ описаний проектов показывает, что именно в связке с термином «служба» употребляются категории «гражданская позиция» и «нравственные качества».

Спецификой разработок НКО Татарстана является перенесение фокуса внимания на развитие туристско-рекреационного потенциала республики. В 2019–2020 годах была активизирована тематика брендов Татарстана в связи с празднованием 100-летия со дня образования Татарской АССР, что нашло отражение в проектах НКО. Подобные проекты посвящены восстановлению, развитию и популяризации туристических и исторических объектов и территорий республики. Они предлагаются как столичными организациями, так и некоммерческими структурами муниципальных районов. Наиболее символичной является следующая формулировка проекта местной НКО: «возрождение бережного отношения к исторической памяти о событиях, личностях, местах, оказавших значимое влияние на формирование богатого культурного наследия Республики Татарстан как неотъемлемой части культуры России в целом».

Туристическая маршрутизация популярна даже в проектах с выраженными религиозными и этническими компонентами. Например, в одном из них осуществляется постановка задачи раскрыть принципы исторически сложившегося мирного сосуществования представителей православного и исламского вероисповедания. В подобный маршрут включены знаковые исторические объекты и сооружения, тематически относящиеся к этим конфессиям.

Весьма широко представлены проекты конфессиональной направленности по сохранению и популяризации истории христианства, научному осмыслению редких и ценных изданий старообрядческого книжного фонда, сохранению исторической памяти у татарстанских немцев и лютеран, популяризации исламских захоронений в качестве памятника истории и культуры и пр.

В зоне пересечения религиозного и национального многообразия происходит расширение символических границ деятельности по конструированию региональной идентичности. Территориями-благополучателями становятся «Казанская губерния», «Вятская губерния», «Симбирская губерния», «Среднее Поволжье», «Закамье», «Волжская Булгария» и т. д.

Источником ценностно-смысловых основ региональной идентичности становится феномен «малых родин» жителей Татарстана. Причудливым образом они переплетены с традициями татарского народа и семейно-родовой истории и позитивных примеров уклада семьи. В целом знаковым является посыл осмысления судеб своих предков как части собственной биографии. Примером тому могут служить идеи создания музея выдающихся личностей села, издания книги «Дрожжановская энциклопедия» о многовековой жизнедеятельности односельчан, разработки туристического маршрута, связанного с именем просветителя Каюма Насыри на направленное на воссоздание основ народных ремесел и пр.

Заметное влияние на выбор проблематики некоммерческими организациями оказали миграционные проблемы Республики Татарстан. Отдельными организациями разрабатывается комплекс мероприятий по включению мигрантов в единое политико-правовое пространство региона, ведутся работы по созданию ресурсного центра для социальной адаптации приезжающих в Татарстан граждан других стран.

Как и в случае с организациями Мордовии, главным механизмом формирования этнической идентичности здесь является гармонизация межнациональных отношений. Развитие культуры татарского народа сопрягается с ее интеграцией в межэтнический культурный процесс по своеобразному «пути Тукая». Проблематика получила широкое распространение у представителей общественности. Отдельные проекты посвящены популяризации культуры и истории татар, марийцев, чувашей, дагестанцев, грузин, украинцев.

Сообразно специфике многоконфессиональности Татарстана, межнациональная интеграция дополняется духовным единством. Проекты, посвященные вопросам религий и профилактики нетерпимости в отношениях между их представителями, можно выделить в отдельный блок с несколькими тематическими направлениями:

- повышение грамотности населения в вопросах религии;
- удовлетворение духовных потребностей соотечественников;
- профилактика экстремизма и национально-религиозной нетерпимости;
- формирование положительного образа верующего человека;
- формирование положительного отношения к мусульманам и исламу;
- знакомство с антитеррористическими и антиэкстремистскими программами российского государства;
- экспертирование контента о религии, в частности исламе;
- профилактика молодежной агрессии в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Следует отметить деятельностный подход некоммерческих организаций Татарстана: они разрабатывают и рекомендуют к внедрению конкретные инструменты ведения диалога и мирного выхода из конфликтных ситуаций. Среди ярких примеров можно выделить проект интерактивной компьютерной игры «Булгария», которая должна демонстрировать возможные пути разрешения конфликтных межнациональных ситуаций на примере исторических фактов.

Немалое внимание НКО уделяют региональной идентичности. Процесс ее конструирования решает сразу несколько задач – на внешнем и внутреннем

уровнях. Внутрирегиональное пространство формируется для самих татар-станцев из маркеров уникальности истории и многообразия укладов жизни и национальных культур, сочетаемых на одной территории. Позиционируется приоритетность позитивного социально-культурного самочувствия всех жителей Татарстана. Внешний уровень определяется туристической привлекательностью, которая достигается через формирование устойчивого интереса жителей России и иностранцев к историко-культурному и событийному потенциалу территории.

Заметной линией политики идентичности Татарстана является осмысление своих лидирующих позиций в Приволжском федеральном округе. НКО региона активно включены в процесс расширения географии миссии по сохранению культурного наследия представителей различных национальностей и конфессий до границ Поволжья. Несколько десятков масштабных проектов концентрируются на целях сохранения национальной идентичности народов Поволжья, формирования у жителей этого макрорегиона осознания общности ценностей христианской и исламской культур, снижения уровня социальной напряженности путем развития добрососедских отношений между народами и т. д.

Затрагивается и проблематика сохранения билингвизма народов Поволжья. В целом языковая политика занимает весомое место в социальном проектировании структур некоммерческого сектора. Однако, помимо продвижения татарского языка, встречаются проекты, популяризирующие русский и английский – в основном в рамках образовательного направления.

Проекты в области культуры и искусства повторяют общий контур конструирования уровней идентичности ресурсами некоммерческого сектора (актуализируются тематики общероссийского, регионального и иных уровней самосознания). Это дополняется деятельностью по объединению соотечественников (татар, проживающих вне границ Татарстана), укреплению дружеских и культурных связей между тюркскими народами и пр.

В целом за четыре года в рамках «президентских» грантов было реализовано не менее 95 проектов, отражающих тематику конструирования различных уровней идентичности. Они разнообразны по проблематикам и средствам достижения целей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Некоммерческие организации Республики Мордовия можно назвать агентами формирования территориальной идентичности. В целом их позиции в регионе слабы, но они в некоторой степени влияют на контекст информационного фона. Содержание их проектов дублирует позиционные линии политики идентичности региональной элиты. Преобладает проектная деятельность, актуализирующая скрепы общероссийской идентичности. В качестве инструментов местные НКО чаще используют символическую систему героического прошлого и литературного наследия России. Компоненты региональной идентичности находятся в сцепке с общероссийской – осмысление «себя» через национальное целое.

В республике выбран путь отказа от этнической самости в пользу системы бесконфликтного национального многообразия. Эта тенденция наблюдается в рамках проектной активности некоммерческого сектора. Практически отсутствуют кейсы на основе атрибутов мордовской идентичности. Подавляющее большинство проектов строится на раскрытии уникального соседства. «Мордовское» (эрзянское, мокшанское) используется через запятую, в комплексе с народами, населяющими Мордовию.

Более активны, но пока не результативны представители татарской общности. Их проекты строятся на субъектности этнической идентичности татар. Однако по сравнению с опытом Татарстана здесь присутствует значительное ограничение выбора тематик – в зоне региональной тематической допустимости. Возможно, этот тренд формируется по причине сдерживания любого из видов самости в рамках выбранной региональной элитой модели развития территориальных идентичностей. Несмотря на низкий уровень компетенций в области социального проектирования, в рамках проектов предлагаются инновационные форматы реализации мероприятий.

Финно-угорская тема занимает особое место в иерархии уровней территориальной идентичности Мордовии. Проекты НКО, посвященные укреплению финно-угорской самоидентификации, – самые масштабные, дорогостоящие и массовые. В каждом из них – запрос на укрепление статуса мордвы и повышение значения ее вклада в развитие финно-угорской общности.

Профессиональными являются некоммерческие организации, которые работают в сфере развития культуры на селе. Знаковые проекты были реализованы в двух районах Мордовии. Их структура задействует символический капитал локальной идентичности, частично этнической. Разработчиками были подняты вопросы преемственности культурно-бытовых основ, доступности благ цивилизации на селе. Однако пока нет предпосылок для тиражирования и масштабирования положительных практик в силу слабых позиций и малочисленности районных некоммерческих структур.

Фрагментарно в социальном проектировании некоммерческого сектора Республики Мордовия представлена поволжская идентичность. Основа построения скелета проектов «классическая» – единство своеобразия культур народов, населяющих регионы Поволжья.

Структуры некоммерческого сектора Республики Татарстан – полноценные агенты формирования территориальной идентичности. Их проектное присутствие заметно и значимо как во внутрирегиональном пространстве, так и в решении политических задач на внешнем уровне. Наиболее авторитетные и крупные организации обладают субъектностью в рамках широкой географии. Физической – страны Европы, Азии (где проживают татары), Россия, Приволжский федеральный округ и пр. И метафизической (символической) – «Казанская губерния», «Вятская губерния», «Симбирская губерния», «Волжская Булгария» и т. д.

Наиболее интенсивно формируется линия бесконфликтного соседства представителей различных национальностей. Это, однако, не исключает активного позиционирования каждой этнической общности, прежде всего популяризации истории, культуры и традиций татар. Их этническая идентичность

имеет несколько уникальных маркеров. Она формируется поэтапно: из биографии в семью, из семьи в село, из села в район, из района в республику. Каждый подобный уровень самоидентификации отражен в социальном проектировании некоммерческого сектора Татарстана и представлен в виде конкретных заявок на конкурс Фонда президентских грантов. Общероссийская идентичность в целом остается устойчивым символическим фоном целеполагания каждого проекта.

Особое внимание уделяется религиозной идентичности. С одной стороны, предпринимается ряд мер по унификации условий для развития всех конфессий. С другой стороны, активно формируется позитивный образ верующего человека – мусульманина. Заметны попытки разграничения информационного пространства на «допустимый» и «нежелательный» контент посредством повышения общей грамотности в сфере вопросов религии.

Проектная деятельность НКО Татарстана развивается в контексте социально значимых проблем и вызовов, стоящих перед региональным сообществом. Активны общественники в разрешении вопросов проявления экстремизма, адаптации мигрантов и пр. Большинство организаций участвуют в реализации потенциала региона как туристического места. Это пространство формируется за счет вклада отдельных историко-культурных композиций. Они затрагивают и религиозную, и территориальную (общероссийскую, региональную, локальную), и этническую идентичность. Авторы насчитали более 250 уникальных брендинговых наименований известных мест, сооружений, персон и пр.

В контексте развития туристической привлекательности Татарстана фиксируется особый интерес к повышению компетенций местных жителей относительно владения различными языками, в частности английским, как средства международной коммуникации.

В исследуемом регионе актуализирована поволжская идентичность. Здесь она представляется как макромодель самого Татарстана – сложная, многоуровневая, многообразная и многоформатная. Посвященные ее формированию проекты фокусируются как на бытовом и духовно-культурном уровнях (воссоздание ремесел, популяризация укладов жизни), так и на коммуникативном (укрепление связей).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональная среда определяет дизайн некоммерческого сектора. От территориальных условий развития зависит, как будут устанавливаться базовые параметры деятельности – доступ к целевым группам, возможности масштабирования деятельности, расширения специализации, наращивания ресурсов и пр.

Однако, проанализировав выбранные кейсы, мы пришли к выводу, что верно и обратное: структуры третьего сектора значительным образом трансформируют внутрирегиональное пространство. Они выступают в качестве агентов формирования территориальной идентичности, часто даже не подозревая об этом. Это может выражаться как в Татарстане, где НКО являются субъектными и реализуют комплекс тематических мероприятий,

привлекая к ним внимание широкой общественности, или как в Мордовии – на уровне осмысления проблем идентичности гражданскими лидерами.

Оба случая характеризуются сложносоставной идентичностью. Представители НКО выстраивают свою ценностно-смысловую иерархию уровней проектного пространства в зависимости от того, насколько регион интегрирован в единый социокультурный процесс нациестроительства, осознается и используется ли его потенциал в региональном брендинге, насколько устойчив локальный уровень самоидентификации и пр.

Социальное проектирование – своеобразный дискурс представителей некоммерческих организаций. В нем можно обнаружить основные линии позиционирования каждого из территориальных уровней самоидентификации и соответствующих общностей: «мы – россияне», «мы – жители Поволжья», «мы – жители региона», «мы – жители района», «мы – жители села» и пр. Образы формируются с различной степенью интенсивности, масштабности. Каждому из уровней подбираются свои инструменты и форматы некоммерческой деятельности.

Представители НКО, на наш взгляд, являясь хорошими ретрансляторами, продуктивно работают с запросами – ими могут быть инициативы «снизу» или установки «сверху». В условиях ограниченных региональных условий, как в Мордовии, организации вынуждены действовать в тех сферах, где государство и республика размещают свой «заказ». На примере Татарстана можно наблюдать проектное разнообразие и представленность различных тематик и целевых групп.

Безусловно, поданные некоммерческими организациями заявки на конкурс президентских грантов проходят отбор и не все из них будут реализованы на практике. Однако само по себе социальное проектирование является дискурсивным конструированием идентичности. Думается, ресурс некоммерческого сектора – «мягкая сила» – недооценен именно в контексте диагностики специфичности и проблематичности процессов самоидентификации на той или иной территории.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00364 А «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи».

Библиографический список

Бахлов И. В., Бахлова О. В. Этнополитические вызовы: отражение в теоретическом дискурсе и инструментарии государственной национальной политики [Электронный ресурс] // Право и управление. XXI век. Электронное издание. 2020. Т. 16, № 1. С. 42–50. DOI: 10.24833/2073-8420-2020-1-54-42-50. URL: <https://mgimopravo.elpub.ru/jour/article/view/169/169> (дата обращения: 05.03.2020).

Богатова О. А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // Регионоведение. 2017. № 1. С. 117–138.

Гусева Е. Н. Конструирование привлекательного социокультурного имиджа города Саранска как фактор формирования позитивной территориальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 1. С. 71–83.

Жаде З. А., Кумпилов Т. М. Мусульманская идентичность как научная категория // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1. С. 79–88.

Макарова Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Oriental Studies. 2017. Т. 29, № 1. С. 84–94. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-84-94.

Милованова М. Ю. Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.6.

Молокова М. А. Гражданское общество и государство: от доминирования к партнерству // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 2. С. 100–111. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2018.206.

Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.

Назукина М. В. Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 4. С. 532–550. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550.

Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского Научного Центра УрО РАН. 2013. № 4. С. 45–51.

Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 4. С. 414–429. DOI: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.

Немцев А. В. Некоммерческие организации России как субъект общественной дипломатии // Власть. 2018. Т. 26, № 2. С. 64–67.

Носаненко Г. Ю. Индекс устойчивости некоммерческих организаций и городская среда: возможности для развития // Социум и власть. 2017. Т. 6, № 1. С. 259–262.

Носаненко Г. Ю. Некоммерческий сектор городов Республики Татарстан: взаимодействие с властью (по материалам эмпирического исследования г. Елабуги) // Власть. 2014а. Т. 22, № 5. С. 104–107.

Носаненко Г. Ю. Некоммерческий сектор Республики Татарстан: тенденции становления (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014б. Т. 156, № 1. С. 227–234.

Паин Э. А. Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 58–90.

Панченко О. Л. Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 1. С. 156–173. DOI: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Многоликая модернизация целевые ориентиры региональных моделей государственной национальной политики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 10–18. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 05.02.2020).

Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 1. С. 1–23. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23.

Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03.

Семушенкова А. С. Статусно-ролевые характеристики некоммерческого сектора: дискрипция регионального пространства Республики Мордовия // *Вестник Поволжского института управления*. 2019. Т. 19, № 3. С. 65–77. DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-65-77.

Солдатова А. С., Ширманов Е. В. Соотношение общенационального, этнического и регионального в идентичности жителей Мордовии (по материалам прикладного исследования) // *Ars Administrandi*. 2015. № 1. С. 51–60.

Суслова М. Н. Исламофобия в США и России: социально-политические особенности проблемы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2012. № 1. С. 91–97.

Brooks C., Vorley T., Williams N. The role of civic leadership in fostering economic resilience in city regions // *Policy Studies*. 2016. Vol. 37, № 1. P. 1–16. DOI: 10.1080/01442872.2015.1103846.

Cashaback D. Assessing asymmetrical federal design in the Russian Federation: A case study of language policy in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60, № 2. P. 249–275. DOI: 10.1080/09668130701820127.

Hambleton R. Leading the healthy city: Taking advantage of the power of place // *Cities & Health*. 2020. DOI: 10.1080/23748834.2019.1693793.

Hanauer L. S. Tatarstan's bid for autonomy: Tatarstan as a model for the devolution of power in the Russian Federation // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1996. Vol. 12, № 1. P. 63–82. DOI: 10.1080/13523279608415301.

Kam van der N. A., Vegt van der G. S., Janssen O. et al. Heroic or hubristic? A componential approach to the relationship between perceived transformational leadership and leader – member exchanges // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015. Vol. 24, № 4. P. 611–626. DOI: 10.1080/1359432X.2014.958149.

Kowalev V. Power and ethnicity in the Finno-Ugric republics of the Russian Federation. The Examples of Komi, Mordovia, and Udmurtia // *International Journal of Political Economy*. 2016. Vol. 30, № 3. P. 81–100. DOI: 10.1080/08911916.2000.11644017.

Muterera J., Hemsworth D., Baregheh A. et al. The leader – follower dyad: The link between leader and follower perceptions of transformational leadership and its impact on job satisfaction and organizational performance //

International Public Management Journal. 2018. Vol. 21, № 1. P. 131–162. DOI: 10.1080/10967494.2015.1106993.

Nizamova L. R. Ethnic Tatars in contention for recognition and autonomy: Bilingualism and pluri-cultural education policies in Tatarstan // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44, № 1. P. 71–91. DOI: 10.1080/00905992.2015.1124076.

Williams Ch. Tatar nation building since 1991: Ethnic mobilisation in historical perspective // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2011. Vol. 10, № 1. P. 94–123.

Yakovlev A., Freinkman L., Makarov S. et al. How do Russia's regions adjust to external shocks? Evidence from the Republic of Tatarstan // Problems of Post-Communism. 2019. DOI: 10.1080/10758216.2019.1653200.

Yusupova G. The Islamic representation of Tatarstan as an answer to the equalization of the Russian regions // Nationalities Papers. 2016. Vol. 44, № 1. P. 38–54. DOI: 10.1080/00905992.2015.1061983.

Информация об авторах

Солдатова Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевицкая, 68

ORCID: 0000-0003-0247-1917

ResearcherID: –

Электронный адрес: anasoldatova@mail.ru

Семушенкова Анастасия Сергеевна – аспирант ГКУ Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3, преподаватель колледжа Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске, 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6

ORCID: 0000-0003-2093-660X

ResearcherID: –

Электронный адрес: ana.semuyandex.ru

Статья получена 5 мая 2020 года

UDC 323.212

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-176-202

THE SPECIFICITY OF IDENTITY FORMATION IN PROJECT ACTIVITIES OF RUSSIAN NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Anna S. Soldatova

National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russia

ORCID: 0000-0003-0247-1917

ResearcherID: –

E-mail: anasoldatova@mail.ru

Anastasiya S. Semushenkova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3 L. Tolstoy str., Saransk, 430005, Russia

Middle-Volga (Saransk) branch of the All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko str., Saransk, 430003, Russia

ORCID: 0000-0003-2093-660X

ResearcherID: –

E-mail: ana.semu@yandex.ru

For citation:

Soldatova, A. S. and Semushenkova, A. S. (2020), “The specificity of identity formation in project activities of Russian non-profit organizations”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 176–202, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-176-202.

Introduction: as a result of the new government support mechanisms in the form of presidential grants, the role and scale of the third sector in Russia has risen in such areas as “preserving historical memory”, “strengthening the interethnic and inter-religious harmony”, etc. This, as well as the current discourse on building state and civic identity brings forward the need to analyze the activities of Russian non-profit organizations (NPOs) in the formation of territorial identity in their regions.

Objectives: to analyze the social design of non-profit organizations in the Republics of Tatarstan and Mordovia in the field of territorial identity formation, to identify level correlations within the projects and practices of the above organizations.

Methods: the concepts of “multi-level identity” by Z. A. Zhade and the “compound identity” of E. V. Morozova; the works by I. S. Semenenko in the categorization of “active citizenship”; the concept of civic leadership by C. Brooks et al.; Internet monitoring of practices and projects of non-profit organizations; analysis of the Presidential Grants Fund database.

Results: the research outlines the specificity of NPOs social projects in the Republic of Tatarstan and the Republic of Mordovia in the following areas: preservation of historical memory, interethnic and inter-religious harmony and others. Various strategies for the formation of territorial identity levels have been identified.

Conclusions: social projects of non-profit organizations reveal the basic lines of various levels of territorial self-identification and respective commonalities; this is also true for the regions with a complex identity (republics). Non-profit organizations act as agents for the construction of identity; however, this resource is still largely underestimated.

Keywords: identity; ethnicity; symbolic capital; identity politics; non-profit sector; non-profit organization; the Republic of Mordovia; the Republic of Tatarstan

Acknowledgements

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-011-00364 A “Spatial development of Russia as a factor of nation-building and formation of the national idea”.

References

Bakhlov, I. V. and Bakhlova, O. V. (2020), “Ethno-political challenges: reflection in the theoretical discourse and tools of state national policy”, *Journal of Law and Administration*, vol. 16, no. 1, pp. 42–50, doi 10.24833/2073-8420-2020-1-54-42-50 [Online], available at: <https://mgimopravo.elpub.ru/jour/article/view/169/169> (Accessed Mar. 5, 2020).

Bogatova, O. A. (2017), “Social construction of the republican identity in the regional political discourses”, *Russian Journal of Regional Studies*, no. 1, pp. 117–138.

Guseva, E. N. (2017), “Constructing the attractive socio-cultural image of Saransk city as the factor of formation the positive territorial identity”, *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 1, no. 1, pp. 71–83.

Zhade, Z. A. and Kumpilov, T. M. (2019), “Muslim identity as scientific category”, *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, no. 1, pp. 79–88.

Makarova, G. I. (2017), “An insight into regional identity: sociological research program revisited”, *Oriental Studies*, vol. 29, no. 1, pp. 84–94, doi: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-84-94.

Milovanova, M. Yu. (2019), “Socially oriented non profit organizations through the prism of gender: sociological analysis”, *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 66–79, doi: 10.21064/WinRS.2019.4.6.

Molokova, M. A. (2018), “Civil society and the state: from domination to partnership”, *Political expertise: POLITEX*, vol. 14, no. 2, pp. 100–111, doi: 10.21638/11701/spbu23.2018.206.

Morozova, E. V. (2012), “Compound identity as an object of political science analysis”, *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 1, pp. 60–66.

Nazukina, M. V. (2019), "Symbolic aspects of Russian subnational regionalism: the example of competitive practices", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 4, pp. 532–550, doi: 10.17072/2218-9173-2019-4-532-550.

Nazukina, M. V. and Podvintsev, O. B. (2013), "Russian Federation as a system and hierarchy of identities", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 45–51.

Napalkova, I. G. and Kurochkina, K. V. (2018), "The region image: specifics and technologies of formation", *Russian Journal of Economic History*, vol. 14, no. 4, pp. 414–429, doi: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.

Nemtsev, A. V. (2018), "Non-governmental organizations of the regions of Russia as a subject of public diplomacy", *The Power*, vol. 26, no. 2, pp. 64–67.

Nosanenko, G. Yu. (2017), "Stability index of non-profit organizations and urban environment: possibilities for development", *Society and Power*, vol. 6, no. 1, pp. 259–262.

Nosanenko, G. Yu. (2014a), "The non-commercial sector in the cities of Tatarstan: Interaction with authorities", *Vlast' (The Authority)*, vol. 22, no. 5, pp. 104–107.

Nosanenko, G. Yu. (2014b), "Voluntary sector in the Republic of Tatarstan: Formation trends (based on the empirical studies in Nizhnekamsk)", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 156, no. 1, pp. 227–234.

Pain, E. A. (1995), "The formation of state independence and the national consolidation of Russia: Problems, trends, alternatives", *Universe of Russia*, no. 1, pp. 58–90.

Panchenko, O. L. (2019), "Quality of social capital of a region as a factor in the development of civil society (the case study of the non-profit sector)", *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 27, no. 1, pp. 156–173, doi: 10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173.

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2013), "The targets of regional models for state national policy", *The New Research of Tuva*, no. 2, pp. 10–18 [Online], available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html (Accessed Feb. 5, 2020).

Potseluev, S. P. and Tsibenko, S. N. (2019), "The phenomenon of national mobilization: Clarifying the concept", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 1, pp. 1–23, doi: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23.

Semenenko, I. S. (2016), "Identity politics and identities in politics: Interethnic perspectives in a European context", *POLIS. Political Studies*, no. 4, pp. 8–28, doi: 10.17976/jpps/2016.04.03.

Semushenkova, A. S. (2019), "Status and role characteristics of the nonprofit sector: Description of the regional space of the Republic of Mordovia", *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 19, no. 3, pp. 65–77, doi: 10.22394/1682-2358-2019-3-65-77.

Soldatova, A. S. and Shirmanov, E. V. (2015), "National, ethnic and regional identities of inhabitants of Mordovia (based on applied research)", *Ars Administrandi*, no. 1, pp. 51–60.

Suslova, M. N. (2012), "Islamophobia in the USA and Russia: Social-political aspects of the problem", *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 1, pp. 91–97.

Brooks, C., Vorley, T. and Williams, N. (2016), "The role of civic leadership in fostering economic resilience in city regions", *Policy Studies*, vol. 37, no. 1, pp. 1–16, doi: 10.1080/01442872.2015.1103846.

Cashaback, D. (2008), "Assessing asymmetrical federal design in the Russian Federation: A case study of language policy in Tatarstan", *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 2, pp. 249–275, doi: 10.1080/09668130701820127.

Hambleton, R. (2020), "Leading the healthy city: Taking advantage of the power of place", *Cities & Health*, doi: 10.1080/23748834.2019.1693793.

Hanauer, L. S. (1996), "Tatarstan's bid for autonomy: Tatarstan as a model for the devolution of power in the Russian Federation", *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 12, no. 1, pp. 63–82, doi: 10.1080/13523279608415301.

Kam van der, N. A., Vegt van der, G. S., Janssen, O. et al. (2015), "Heroic or hubristic? A componential approach to the relationship between perceived transformational leadership and leader – member exchanges", *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 24, no. 4, pp. 611–626, doi: 10.1080/1359432X.2014.958149.

Kowalev, V. (2016), "Power and ethnicity in the Finno-Ugric republics of the Russian Federation. The Examples of Komi, Mordovia, and Udmurtia", *International Journal of Political Economy*, vol. 30, no. 3, pp. 81–100, doi: 10.1080/08911916.2000.11644017.

Muterera, J., Hemsworth, D., Baregheh, A. et al. (2018), "The leader – follower dyad: The link between leader and follower perceptions of transformational leadership and its impact on job satisfaction and organizational performance", *International Public Management Journal*, vol. 21, no. 1, pp. 131–162, doi: 10.1080/10967494.2015.1106993.

Nizamova, L. R. (2016), "Ethnic Tatars in contention for recognition and autonomy: Bilingualism and pluri-cultural education policies in Tatarstan", *Nationalities Papers*, vol. 44, no. 1, pp. 71–91, doi: 10.1080/00905992.2015.1124076.

Williams, Ch. (2011), "Tatar nation building since 1991: Ethnic mobilisation in historical perspective", *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 10, no. 1, pp. 94–123.

Yakovlev, A., Freinkman, L., Makarov, S. et al. (2019), "How do Russia's regions adjust to external shocks? Evidence from the Republic of Tatarstan", *Problems of Post-Communism*, doi: 10.1080/10758216.2019.1653200.

Yusupova, G. (2016), "The Islamic representation of Tatarstan as an answer to the equalization of the Russian regions", *Nationalities Papers*, vol. 44, no. 1, pp. 38–54, doi: 10.1080/00905992.2015.1061983.

Received May 5, 2020

УДК 314:33.17.022.1(470.345)

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-203-230

РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Д. Г. ДЕСЯЕВ

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия

И. Г. НАПАЛКОВА

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия

Для цитирования:

Десяев Д. Г., Напалкова И. Г. Республика Мордовия: стратегический анализ имиджеобразующих факторов // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 203–230. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-203-230.

Введение: устойчивое развитие территорий в современном информационном обществе зависит, помимо прочих факторов, от позитивно сформированного и эффективно транслируемого имиджа. Высокая динамичность процессов, влияющих на развитие региона, смена ценностных ориентиров и оценочных суждений целевых аудиторий требуют от субъектов имиджмейкинга, особенно региональных властей, разработки комплексной имиджевой стратегии и мониторинга ситуации.

Цель: стратегический анализ имиджеобразующих факторов Республики Мордовия.

Методы: кейс-стади, базирующийся на анализе документов, официальной статистической информации, данных федеральных рейтингов; SWOT-анализ, проведенный в рамках комплексного исследования «Республика Мордовия в фокусе современной имиджологии», позволивший выделить сильные и слабые факторы территориального развития.

Результаты: факторы, события и процессы развития региона выявлены, оценены и сгруппированы с позиций «сильный» – «слабый», «возможность» – «угроза». Описана SWOT-матрица, констатирующая доминирование слабых сторон и угроз, определены риски развития, способные усилить противоречивость между первичным и вторичным имиджем региона и внести диссонанс в его восприятие и оценку у значимых целевых групп – федеральных и бизнес-элит, туристов, жителей региона.

Выводы: SWOT-анализ демонстрирует существенную контрадикторность идеального и реального имиджа Республики Мордовия, что является одним из основных рисков для всех целевых групп, так как формирует диссонанс в восприятии территории и способствует росту негативных оценок. Наблюдается нарушение ядрообразующих имиджевых направлений региона: положительная динамика макроэкономических показателей не приводит к повышению качества жизни и росту заработной платы; рост общей продолжительности жизни диссонирует с ростом онкологических заболеваний и т. д. Для нивелирования негативных факторов и снижения имиджевых рисков необходимо усилить меры, способствующие повышению роста качества жизни населения территории, разработке целостной концепции территориального брендинга на региональном уровне и привлечение специалистов в области имиджмейкинга к формированию образа региона.

Ключевые слова: регион; имидж; позиционирование; имиджеобразующие факторы; SWOT-анализ; кейс; Республика Мордовия; контрадикторность

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность развития территорий в современную информационную эпоху во многом зависит от понимания значимости имиджа региона и умения субъектами управления формировать и транслировать его, искусно выделяя и выгодно подчеркивая его уникальные преимущества. Исследователи и экспертное сообщество причисляют имидж к нематериальным факторам территориальной конкурентоспособности, наряду с инновационным потенциалом, количеством и качеством трудовых и иных ресурсов, уровнем развития поддерживающих и сопутствующих отраслей, предпринимательской и инновационной активностью и т. п.

Конструирование эффективного имиджа – достаточно сложная процедура, поскольку у субъектов имиджмейкинга могут быть противоположные цели – так же, как и для тех или иных целевых групп могут быть привлекательными разные имиджевые атрибуты (например, низкий уровень зарплат имеет негативную окраску для жителей региона, трудовых мигрантов, однако может привлечь бизнес). Согласовать противоречивые интересы и достичь баланса – сложная задача, требующая комплексного профессионального подхода.

Формирование имиджа сопряжено с трудностями соотнесения имиджа реального (того, который сложился под влиянием комплекса имиджеобразующих факторов, личного опыта, оценочных суждений значимых персон) и имиджа желаемого / идеального (то, к чему стремится субъект имиджмейкинга); первичного (возникшего при первом знакомстве с территорией) и вторичного (при более глубоком сравнительном анализе территории с другими территориями, являющимися конкурентами). При значительных отличиях в каждой дихотомической группе возникает диссонанс восприятия и оценки территории: чем больше разрыв в оценочных суждениях, тем сложнее поддерживать положительный имидж и тем меньше возможностей для получения предпочтений. Для смягчения и нивелирования разницы необходим постоянный мониторинг текущего имиджа и сравнение его с желаемым результатом и стратегическими планами.

Цель статьи – провести стратегический анализ имиджеобразующих факторов Республики Мордовия для выявления реального имиджа региона и выделения возможных рисков, способных отрицательно влиять на формирующийся образ и понижать репутационный капитал.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы территориального имиджмейкинга разрабатываются представителями разных научных направлений и включают широкий спектр дискуссионных тем. В рамках нашего предмета анализа можно выделить несколько превалирующих исследовательских блоков.

Во-первых, исследования в области теории имиджмейкинга. Дискурс касается вопросов сущности понятия «имидж» и его соотношения с терминами «образ», «бренд», «репутация» (Важенина и Важенин, 2017; Кадачигова, 2018; Маленова и Терских, 2015; Jenes, 2012). В настоящей статье под имиджем будет пониматься «комплексный эмоционально воспринимаемый образ,

наделенный определенными ценностями, целенаправленно формируемый и транслируемый средствами коммуникативных технологий, исходя из имеющихся территориальных ресурсов, повышающий ее конкурентоспособность, продвигаемый среди представителей целевых групп и воспроизводимый ими» (Напалкова и Курочкина, 2018, с. 423). Также специалисты предлагают свои характеристики территории, выступающие в качестве имиджеобразующих факторов (Алябьева, 2017; Василенко, 2016; Замятин, 2015). В рамках данного исследования в число имиджеобразующих факторов включены: природно-географические характеристики; самобытность историко-культурных традиций; развитие региональной экономики и ее инвестиционный потенциал; состояние, тенденции и направленность развития политической, социальной, демографической сфер; этнонациональное и этноконфессиональное своеобразие региона.

Во-вторых, разработка моделей, методик, шкал оценки общего имиджа территории и его отдельных элементов: шкала М. Пишароди и Р. Парамесуарана, комплексная модель бренд-капитала Б. Дженес, факторная концептуализация И. Мартина и С. Ероглу, методики Анхольта и др. (Bearden et al., 2011; Martin and Eroglu, 1993; Анхольт, 2007).

В-третьих, работы, анализирующие имидж отдельных городов, регионов, федеральных округов (Базилян, 2017; Бачерикова и др., 2018; Ежова, 2016; Лизаркин и Панчук, 2018; Юнусова и Фролова, 2017) как комплексно, так и с позиции отдельных элементов, сторон (символической, мифологической, визуальной, событийной, коммуникативной), технологических приемов (событийный PR, реклама, медиарилейшинз, брендинг), на примере отдельных субъектов (представителей власти, региональных средств массовой информации и коммуникации, организаций, специализирующихся в области территориального менеджмента, брендинга и PR, некоммерческих организаций, туристических и гостиничных сетей, представителей региона за его пределами и др.) или целевых групп (туристов, жителей региона, трудовых мигрантов, представителей бизнеса, политических элит и др.) регионального имиджмейкинга.

Наконец, анализ имиджа Республики Мордовия, включающий несколько исследовательских линий – имидж как конкурентный ресурс продвижения региона (Волкова и Кулакова, 2017; Казакова и Напалкова, 2019; Кильдюшкина и др., 2016), как основа туристической дестинации (Серкина и др., 2017; Майкова и Окунев, 2018), как фактор формирования региональной идентичности (Богатова, 2017; Чиркова, 2016) и др.

Значительное количество исследований не снижает актуальности заявленной проблемы вследствие динамичности процессов и явлений, влияющих на территориальный имидж, смену приоритетов в продвижении тех или иных имиджевых направлений, активное влияние ситуативных факторов внешней среды на развитие региона.

В качестве специальных методов и подходов выступили: аналитический метод; сравнительный анализ; системный и концептуальный подходы, позволившие всесторонне и в то же время ранжированно изучить специфику имиджа конкретного региона.

Среди прикладных используется метод кейс-стади, позволяющий сформировать многоаспектное представление о предмете анализа – территориальном имидже. В качестве кейса выступает Республика Мордовия как один из субъектов Российской Федерации, регион-реципиент (как и большинство регионов страны). Региональные власти продвигают образ лидера инноваций, территории спорта, центра финно-угорского мира. По показателям социально-экономического развития экспертное сообщество относит республику к кризисным регионам, а также к территориям с самым большим долговым бременем¹, наряду с Хакасией и Костромской областью, где с 2018 года введено казначейское сопровождение². Сбор материалов осуществлялся с помощью методов анализа документов, официальной статистической информации, обобщения сводных данных федеральных рейтингов и т. п. Данные о развитии региона интерпретируются в контексте влияния на республиканский имидж. Конструктивная валидность достигалась за счет использования разных источников информации, а внутренняя – за счет использования альтернативных оценок и интерпретаций, а также сопоставления с другими подобными объектами.

Прикладным методом выступил также стратегический анализ, проведенный в рамках SWOT-анализа. Ключевыми направлениями каротажа стали показатели, факторы, события, процессы регионального развития, ранжированные по сферам жизнедеятельности (экономика, политика, социокультурная и социально-демографическая сферы и т. д.). Они были включены в соответствующую оценочную область матрицы SWOT-анализа: “Strengths” («сильные стороны»), “Weaknesses” («слабые стороны»), “Opportunities” («возможности»), “Threats” («угрозы»), что позволило выявить специфику реального имиджа региона и определить возможные риски имиджевого позиционирования, а также направления концентрации усилий по нивелированию негативных проявлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положительные факторы развития имиджа Республики Мордовия (поле “Strengths”)

1. Социально-экономические

Развитие инновационного кластера. Реализуются проекты в области электронного приборостроения, энергосберегающей светотехники, нанотехнологий и композиционных материалов, оптоэлектроники и волоконной оптики, биотехнологий и др. В 2018 году в Мордовии было запущено первое в России производство полного цикла антибиотиков нового поколения, а в 2019 году

¹ Рейтинг регионов по уровню долговой нагрузки за 9 месяцев 2019 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. 2019. 30 окт. URL: <https://riarating.ru/regions/20191030/630138832.html> (дата обращения: 30.04.2020).

² Хакасию и Костромскую область переведут на казначейское сопровождение за накопленные долги [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. 19 янв. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4887785> (дата обращения: 30.04.2020).

завод «Биохимик» зарегистрировал препараты нового поколения «Эторикок-сиб» и «Дексмететомидин». Получение удостоверений на их производство оценивается экспертами как прорыв для всей российской фармацевтической промышленности³. Республика – лидер среди регионов России по доле инновационной продукции в общем объеме производства: на 2019 год этот показатель составил 27 %⁴.

Развитая инновационная инфраструктура. В нее входят центры поддержки инновационных проектов и малого предпринимательства в научно-технической сфере. Отметим активное продвижение республиканскими властями имиджевого направления «Мордовия – территория инновационного развития». Так, республика входит в Ассоциацию инновационных регионов России. «Технопарк-Мордовия», объединяющий существующую инновационную инфраструктуру и предприятия республики в единую систему, по итогам IV Национального рейтинга технопарков России занял второе место в группе «Наивысший уровень эффективности функционирования технопарка» (свыше 110 %)⁵.

Положительная динамика макроэкономических показателей.

Положительная динамика в производстве на протяжении пяти лет.

Наличие интеллектуального, научного и производственно-экономического потенциала.

Развитые производственная, социальная инфраструктура, системы информационных технологий и коммуникаций.

Реализация ведомственных целевых программ поддержки малых форм хозяйствования.

Развитие агропромышленного комплекса.

Республика занимает лидирующие позиции по валовой продукции сельского хозяйства в России. За 2019 год объем валовой продукции сельского хозяйства составил 72,2 млрд руб. Индекс сельскохозяйственного производства по всем категориям хозяйств составил 109 %, в Приволжском федеральном округе (ПФО) – 104,3 %, по России – 104 %⁶.

Обеспечение внутреннего рынка и реализация в других регионах мяса, молока, яиц, сахара, картофеля. По итогам 2019 года республика заняла первое место в России и округе по производству яйца, по производству молока на душу населения – второе и первое место соответственно, по производству

³ Мамонова В. Развитие Мордовии: управляемость, администрирование госдолга, инновации, перспективы и риски [Электронный ресурс] // Региональные комментарии. 2020. 5 февр. URL: <http://regcomment.ru/reports/razvitie-mordovii-upravlyaemost-administrirovanie-gosdolga-innovatsii-perspektivy-i-riski/> (дата обращения: 05.05.2020).

⁴ Зотикова В. В Мордовии доля инновационной продукции достигла 29 процентов [Электронный ресурс] // Рос. газета. 2018. 9 февр. URL: <https://rg.ru/2018/02/09/reg-pfo/v-mordovii-dolia-innovacionnoj-produkcii-dostigla-29-procentov.html> (дата обращения: 05.05.2020).

⁵ АУ «Технопарк – Мордовия» признан наиболее эффективным, по данным IV национального рейтинга технопарков России [Электронный ресурс] // офиц. сайт «Технопарк – Мордовия». URL: <http://www.technopark-mordovia.ru/press-center/news/au-tekhnopark-mordoviya-priznan-naibolee/> (дата обращения: 05.05.2020).

⁶ Развитие агропромышленного комплекса Республики Мордовия за 2019 год // офиц. сайт М-ва сел. хоз-ва и продовольствия Респ. Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/apk/> (дата обращения: 05.05.2020).

мяса скота и птицы на душу населения – седьмое и второе место⁷.

Лидирующие позиции в ПФО по производству промышленной продукции республиканскими предприятиями. В 2019 году индекс производства составил 105,4 % по отношению к 2018 году. Мордовия занимает третье место по округу, уступая лишь Пензенской области – 106,1 % и Республике Марий Эл – 107,1 %. Наихудший показатель у Оренбургской области – 100,4 %. Средний по России – 102,4 %⁸.

За пять лет (с 2015 по 2019 год) объемы экспорта в Мордовии увеличились почти в пять раз – с 4,5 до 21 млрд руб.⁹

Межправительственные соглашения по различным видам сотрудничества заключены с правительствами Республики Беларусь, Бурунди, Венгрии, провинций Сычуань, Аньхой, Хубэй, Хунань и города Чунцин (КНР).

Для улучшения инвестиционного климата в Мордовии реализуются мероприятия по упрощению процедур ведения бизнеса и снятию административных барьеров. В республике действует межведомственная комиссия «Проектный офис», которая занимается вопросами внедрения лучших практик Национального рейтинга состояния инвестиционного климата.

Выгодное географическое положение с позиции близости к основным центрам потребления продукции, высокий логистический потенциал.

Рост объемов строительства жилых домов. В 2019 году строительный индекс республики составил 104,4 % по отношению к 2018 году. Это обеспечило Мордовии седьмое место в ПФО. Наилучший показатель по округу у Пензенской области – 126,3 %, наихудший у Кировской – 91,5 %. Средний показатель по России – 104,9 %¹⁰.

Реализация уникальной программы льготного жилищного кредитования под 5 % годовых¹¹ и других государственных жилищных программ¹².

Опыт проведения разноуровневых мероприятий в области экономики, таких как Всероссийский конкурс «Я – Бизнесмен» (2016 год), XXII Межрегиональная специализированная выставка «АгроТехМордовия» (2019 год), Открытый Чемпионат России по пахоте (2019 год) и др.

⁷ Там же.

⁸ Информация о социально-экономическом положении Республики Мордовия за 2019 год (в сравнении с регионами ПФО и РФ) [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва экономики, торговли и предпринимательства Респ. Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/directions-of-activity/socio-economic/information-on-the-socio-economic-situation-of-the-republic-of-mordovia-for-9-months-of-the-year-201/> (дата обращения: 07.05.2020).

⁹ Глава Мордовии Владимир Волков: «К 2024 году объем экспорта должен превысить 515 миллионов долларов США» [Электронный ресурс] // Столица С. 2020. 13 марта. URL: <https://stolica-s.su/news/society/253222> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁰ Информация о социально-экономическом положении...

¹¹ О предоставлении социальных выплат заемщикам ипотечных жилищных кредитов (ипотечных займов) [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 05.11.2008 № 504. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906303538> (дата обращения: 28.04.2020).

¹² Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие жилищного строительства и сферы жилищно-коммунального хозяйства», республиканской целевой программы «Жилище» и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Мордовия [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 06.02.2019 № 53. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553109251> (дата обращения: 28.04.2020).

2. Социально-политические

Высокий уровень политической стабильности. В Мордовии традиционно во время выборов (президентских, парламентских, главы республики) побеждает со значительным преимуществом партия/кандидат власти. Мордовия – один из самых лояльных федеральному центру регионов.

Низкий уровень социальной напряженности.

Достаточно высокий уровень консолидации региональной элиты при доминировании фигуры губернатора.

Большая гибкость, снижение централизации и жесткости политического курса республики по сравнению с периодом управления предыдущего губернатора Н. М. Меркушкина.

Изменения в структуре правительства региона происходят с опорой на политических деятелей, подтвердивших свою компетентность.

Ориентация на повышение эффективности работы и бюджетную экономию.

Отсутствие существенных противоречий между региональными и муниципальными органами власти.

Отсутствие практики распределения властных полномочий с учетом этничности.

Высокая эффективность отношений с федеральным центром как в продвижении региональных интересов и поддержке республиканских инициатив «наверху», так и в реализации требований Москвы в регионе.

Отсутствие политической и социальной турбулентности в межвыборный период.

Мордовия входит в число безопасных регионов страны (занимает 10-е место в Рейтинге криминогенности регионов, составленном Институтом региональных проблем на основе данных за сентябрь 2019 года¹³, за счет невысокого количества преступлений на душу населения и одних из самых низких в стране показателей насильственных преступлений).

3. Социально-демографические

Наблюдается положительная динамика роста денежных доходов на душу населения. Данный показатель относится к одним из основных для оценки уровня жизни (в 2019 году – 19 904 руб., 2017 год – 18 255 руб., 2015 год – 17 588 руб., 2013 год – 14 029 руб.¹⁴).

Миграционный прирост из стран дальнего зарубежья. На 2018 года он составил 94 чел.¹⁵, в том числе 22 из Ирана, 20 из Индии и 16 из Иордании.

В Мордовии реализуются программы поддержки неконкурентоспособных и социально уязвимых групп населения, например, государственная «Социальная поддержка граждан»¹⁶.

¹³ Рейтинг криминогенности регионов. Выпуск № 8 [Электронный ресурс] // Сайт Ин-та регион. проблем. 2019. 23 дек. URL: <https://www.irpr.ru/2019/12/23/rejting-kriminogennosti-regionov-vypusk-8/> (дата обращения: 01.05.2020).

¹⁴ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Росстата. 2020. 24 апр. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения: 01.05.2020).

¹⁵ Международная миграция населения [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мордовия-стата. 2019. 14 июня. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 01.05.2020).

¹⁶ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Социальная

В рейтинге регионов по уровню безработицы (ноябрь 2019 – январь 2020 годов) Мордовия занимает 46-е место из 85¹⁷.

4. Образование

Обеспечение высокого уровня доступности образования на всех этапах.

В Мордовии высшее образование предоставляют 10 учебных заведений.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, согласно сводному национальному рейтингу университетов, составляемым Интерфаксом, по итогам 2019 года занял 41–43-ю позиции (32-е место в 2018 году, 36–38-е в 2015 году) наряду с Московским государственным строительным университетом и Российским государственным университетом нефти и газа имени И. М. Губкина¹⁸.

В вузе обучается свыше 18 тыс. студентов из 73 регионов России и 53 стран мира. Образовательная деятельность осуществляется в семи институтах, на 10 факультетах, в двух филиалах. За последние 10 лет контингент иностранных граждан, обучающихся в университете, вырос более чем в 10 раз. На 2019 год количество иностранных студентов составило 2 185 чел.¹⁹

Ежегодное проведение различных научных мероприятий всероссийского и международного уровней, например, «Энергоэффективные и ресурсосберегающие технологии и системы» (2019 год), «Финно-угорское пространство в туристском измерении» (2019 год), «Долговечность строительных материалов, изделий и конструкций» (2019 год) и др. В республике неоднократно проходил заключительный этап Всероссийской олимпиады школьников по истории.

5. Спорт

Одним из ядрообразующих имиджевых направлений является «Мордовия – спортивный регион», а спортивно-событийный маркетинг стал средством продвижения региона у внешней целевой аудитории.

Активное участие в реализации ряда государственных программ (например, федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы», республиканской государственной программы «Развитие физической культуры и спорта»²⁰ и др.). Участие в федеральном проекте «Спорт – норма жизни» в рамках нацпроекта «Демография». Мордовия стала одним из пилотных регионов по внедрению комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

поддержка граждан» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 18.11.2013 № 504. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460209396> (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁷ *Рейтинг* российских регионов по уровню безработицы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 16 марта. URL: <https://ria.ru/20200316/1568477248.html> (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁸ *Национальный рейтинг университетов* [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2019. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2019&page=3> (дата обращения: 02.05.2020).

¹⁹ *Фестиваль культур «Огаревский колорит» объединил студентов из 53 стран мира* // Офиц. сайт Нац. исслед. Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. 2019. 20 нояб. URL: https://www.mrsu.ru/ru/news/index.php?ELEMENT_ID=73220 (дата обращения: 07.05.2020).

²⁰ *Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие физической культуры и спорта»* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 16.09.2013 № 393. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424071522> (дата обращения: 05.05.2020).

У республики имеется значительный опыт в организации и проведении всероссийских и международных спортивных мероприятий. К наиболее значимым можно отнести следующие: международные соревнования «Saransk Indoor» (2020 год), Чемпионат России по фигурному катанию на коньках (сезон 2018/2019 года), матчи отборочного турнира чемпионата Европы – 2020 (2019 год), Кубок России по прыжкам в воду (2019 год), I этап Кубка России по велосипедному спорту – BMX (2019 год), финальные соревнования X зимней Спартакиады учащихся России по спортивному ориентированию (2019 год), Чемпионат ПФО по трофи-рейду (2019 год), Саранск – город – организатор ЧМ-2018 (2018 год), II Российско-Китайские молодежные зимние игры (2018 год), соревнование «Российский Азимут» (2018 год), межрегиональные соревнования по баскетболу (сезон 2017/2018 года), всероссийский фестиваль физкультурно-оздоровительного комплекса ГТО (2016 год) и др.

Активно продвигается спорт высоких достижений, популяризируется массовый спорт, здоровый образ жизни через развитие спортивной инфраструктуры, организацию и проведение разноуровневых спортивных соревнований. С 2002 года в республике построено более 100 спортивных объектов. В общей сложности на 2020 год в Мордовии функционируют более 2 000 объектов спортивной направленности.

По данным на 2019 год уровень обеспеченности населения спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта, достиг 78,6 %²¹, что соответствует восьмому месту по России и 2-му по ПФО. Доля населения, которая систематически занимается физкультурой и спортом, составляет 45 %²² (23-е место по России и 6-е по округу).

По итогам 2019 года республика занимает первое место среди регионов ПФО по доле инвалидов, детей-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, занимающихся физкультурой²³.

Система подготовки спортивного резерва включает 40 учреждений спорта, в которых занимаются более 26 000 чел.

6. Историко-культурные и этноконфессиональные

Наличие памятников архитектуры. Например, фамильный дом дворянского рода Араповых (г. Ковылкино), мастерская художника-живописца Ф. В. Сычкова (с. Кочелаево), Санаксарский монастырь (г. Темников), Троицкий собор (г. Ардатов), дом купцов Севастьяновых (г. Краснослободск), Рождественская церковь (г. Инсар), Краеведческий музей (Трехсвятская церковь, г. Саранск) и др.

Наличие разветвленной сети учреждений культуры и искусства, объединяющей свыше 1 080 объектов.

Проведение различных мероприятий по популяризации национальной культуры: XIV Международный фестиваль «Соотечественники» (2019 год),

²¹ Отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» за 2019 год [Электронный ресурс]: утв. Министром спорта Рос. Федерации 28.02.2020. С. 198. URL: https://www.minsport.gov.ru/2019/doc/OtchetGP_RFKS-2019.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

²² Там же. С. 190.

²³ Мордовия занимает первое место в ПФО по доле инвалидов, занимающихся физкультурой! [Электронный ресурс] // Столица С. 2020. 26 февр. URL: <https://stolica-s.su/sport/249940> (дата обращения: 04.05.2020).

Всероссийский этноконкурс «Панжема» (2019 год), Всероссийский фестиваль мордовской песни «Од Вий» (2019 год), Межрегиональный фестиваль «Кургоня» (2019 год), «Празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (2012 год) и др.

Позиционирование Мордовии как финно-угорского центра России. В Саранске располагается офис Поволжского центра культур финно-угорских народов и Ассоциации финно-угорских народов России, которые играют значимую роль в развитии международного и межрегионального сотрудничества. Республика принимала V Съезд финно-угорских народов Российской Федерации (2013 год) и IV Съезд финно-угорских народов России (2009 год).

Взаимодействие и сотрудничество со странами финно-угорского мира (Финляндией, Венгрией) на основе общего историко-культурного фактора.

В республике функционируют четыре мордовских (два мокшанских и два эрзянских), один русский и один татарский национальные центры.

В преддверии ЧМ-2018 был составлен брендовый маршрут «Зов торамы», признанный Ассоциацией туроператоров России успешным и готовым к реализации²⁴.

Сохранение и активная популяризация уникальных промыслов – лозоплетения, мордовской декоративной резьбы по дереву, мордовской вышивки, мордовских валенок и др.

Активная работа музеев республики в культурном пространстве ПФО, прежде всего Мордовского республиканского музея изобразительных искусств имени С. Д. Эрьзи, имеющего самые большие в мире коллекции работ скульптора С. Д. Эрьзи и художника-живописца Ф. В. Сычкова, и Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, отличающегося богатой этнографической коллекцией.

Гармоничное сосуществование различных народов и представителей конфессий и толерантное отношение к ним.

Реализация государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовии»²⁵.

Проведение комплекса мероприятий организационного и профилактического характера по интеграции мигрантов в общество, в том числе реализуемые некоммерческими организациями («Союз армян России», «Исламский культурный центр», «Поволжский центр культур финно-угорских народов» и др.).

7. Природно-географические, туристические и экологические

Благодаря особенностям климата Мордовия объединяет хвойные, хвойно-лиственные и лиственные леса, луговые и кустарниковые степи, растительные сообщества на пойменных лугах и болотах.

²⁴ Жулина М. Туризм в Мордовии: ставка на национальный колорит [Электронный ресурс] // Региональные комментарии. 2017. 19 июля. URL: <http://regcomment.ru/regions/mordoviya/turizm-v-mordovii-stavka-na-natsionalnyy-kolorit/> (дата обращения: 08.05.2020).

²⁵ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 18.11.2013 № 507. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 05.05.2020).

В республике 1 525 рек, и все они принадлежат волжскому бассейну. Самые крупные – Мокша и Сура (остальные их притоки).

В водоемах республики обитают представители редких и исчезающих видов.

В Мордовии располагается природный заповедник имени П. Г. Смидовича – один из старейших в России (основан в 1936 году).

Реализация государственной программы «Развитие культуры и туризма»²⁶.

Значительное улучшение экологической обстановки по данным «Национального экологического рейтинга регионов», составляемого с 2008 года общественной организацией «Зеленый патруль». По итогам зимы 2018–2019 годов Мордовия заняла 63-е место из 85 по общему уровню экологических рисков²⁷, зимы 2019–2020 годов – 49-е место²⁸.

Реализация республиканской экологической стратегии с помощью государственной программы «Охрана окружающей среды и повышение экологической безопасности»²⁹.

Негативные факторы (поле “Weaknesses”)

1. Социально-экономические

Аутсайдерские позиции по валовому региональному продукту (66-е место из 85 на 2018 год)³⁰.

Наивысший показатель государственного долга в соотношении долга и налоговых/неналоговых доходов перед федеральным центром – 211 %³¹ (51,9 млрд руб. на конец 2019 года³²). Невыполнение долговых обязательств.

Низкий уровень инвестиционной привлекательности (68-е место среди всех субъектов Федерации на 2019 год³³).

²⁶ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 23.12.2013 № 579. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁷ Национальный экологический рейтинг. 2018–2019 Зима [Электронный ресурс] // Зеленый патруль. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=361> (дата обращения: 10.05.2020).

²⁸ Национальный экологический рейтинг. 2019–2020 Зима [Электронный ресурс] // Зеленый патруль. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=388> (дата обращения: 10.05.2020).

²⁹ Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Охрана окружающей среды и повышение экологической безопасности» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Мордовия от 16.09.2013 № 398. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 05.05.2020).

³⁰ Валовой региональный продукт на душу населения по субъектам Российской Федерации в 1998–2018 гг. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мордовиястата. 2020. 28 фев. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27963> (дата обращения: 01.05.2020).

³¹ АКРА подтвердило кредитный рейтинг Республики Мордовия и ее облигаций на уровне В(RU), статус «Рейтинг на пересмотре – развивающийся» [Электронный ресурс] // АКРА. 2020. 25 фев. URL: <https://www.acra-ratings.ru/press-releases/1682> (дата обращения: 10.05.2020).

³² Зотикова В. В 2019-м Мордовия сократила госдолг на 10 процентов [Электронный ресурс] // Рос. газета. 2019. 30 дек. URL: <https://rg.ru/2019/12/30/reg-pfo/v-2019-m-mordoviia-sokratila-gosdolg-na-10-procentov.html> (дата обращения: 10.05.2020).

³³ VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019 [Элек-

В республике нет крупных месторождений полезных ископаемых, кроме строительных материалов.

Отраслевой профиль региона формируют три отрасли, в числе которых сельское хозяйство, однако оно имеет выраженный сезонный характер и сильно зависит от погодных условий.

В 2018 году Мордовия возглавила антирейтинг по консолидированному бюджету среди всех регионов России³⁴.

Высокая стоимость жилья при одновременно низкой покупательской способности населения.

Низкая степень прозрачности бюджета.

2. Социально-политические

Фактическое отсутствие политической конкуренции.

Кланово-корпоративные отношения в бизнесе.

Административный способ организации взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом.

Значительное использование административного ресурса во время выборов всех уровней.

Отсутствие независимых региональных СМИ.

3. Социально-демографические

Негативные / отрицательные характеристики демографических показателей за последние 10 лет, в частности сокращение численности населения. Если в 2010 году данный показатель составлял 839 184 чел., то в 2020 году – 790 197 чел. (–5,17 %) ³⁵.

Естественная убыль населения, начиная с 1992 года (–1,4). В 2019 году этот показатель составлял уже –5,7³⁶.

Негативная динамика соотношения браков и разводов. Если в 2008 году коэффициент составлял 1,7, то 10 лет спустя, в 2018 году, – уже 1,46. Отрицательная тенденция может привести к симметричным показателям браков / разводов³⁷.

По уровню доходов населения Мордовия в 2019 году заняла 75-е место среди субъектов Федерации, при этом 18,4 % населения находятся за чертой бедности, 2,3 % – за чертой крайней бедности³⁸.

тронный ресурс] // Нац. рейтинговое агентство. 2019. URL: http://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

³⁴ Бюджеты российских регионов в 2018 году [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство "Expert". 2019. 20 фев. URL: <https://www.raexpert.ru/docbank/7bb/111/829/786e587521dd44e155eebdf.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

³⁵ Динамика численности постоянного населения [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мордовиястата. 2020. 22 апр. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 01.05.2020).

³⁶ Родившиеся, умершие и естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мордовиястата. 2020. 22 апр. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 01.05.2020).

³⁷ Браки и разводы [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мордовиястата. 2019. 14 июня. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 01.05.2020).

³⁸ Почти 19 % населения Мордовии – за чертой бедности [Электронный ресурс] // Mordovmedia. 2019. 8 июля. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/economics/item/76489/> (дата обращения: 01.05.2020).

Показатели, характеризующие уровень жизни населения в регионе, по сравнению с общероссийскими значительно ниже. Так, например, среднедушевые денежные доходы населения в Мордовии в 2019 году составляли 19 904 руб. – это значительно меньше, чем показатель в среднем по России (35 249 руб.)³⁹.

В рейтинге российских регионов по качеству жизни Мордовия в 2019 году переместилась на 51-е место (в 2018 году занимала 44-е место)⁴⁰.

Критический уровень распространенности онкологических заболеваний (второе место в России)⁴¹.

4. Образование

Дефицит педагогов из-за оттока профессиональных и молодых кадров в более привлекательные регионы.

Низкая вовлеченность работодателей в процесс подготовки кадров.

Неполный доступ к профессиональному образованию для людей с ограниченными возможностями.

5. Спорт

Допинг-скандал в российской легкой атлетике, затронувший, в числе прочих, подопечных руководителя Центра олимпийской подготовки по спортивной ходьбе Виктора Чегина.

Отсутствие дальнейших перспектив по прибыльной эксплуатации стадиона «Мордовия Арена».

Недостаточное финансирование республиканского хоккейного клуба препятствовало его развитию, несмотря на значительные достижения команды, и привело к закрытию.

Недостаточное финансирование футбольного клуба «Мордовия» привело к значительным задержкам (до нескольких месяцев) в выплате зарплат спортсменам и имело широкий информационный резонанс на федеральном уровне.

6. Историко-культурные и этноконфессиональные

Утрата объектов культурного наследия. Так, в 2015 году в регионе зарегистрировано 906 объектов культурного (исторического) наследия⁴², а по состоянию на 2020 год – 855⁴³. Приказом Минкультнаца Республики Мордовии в 2020 году в план проведения мероприятий по контролю за состоянием включено всего 12 объектов культурного наследия регионального значения⁴⁴.

³⁹ Среднедушевые денежные доходы населения...

⁴⁰ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2019 [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 17 фев. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 09.05.2020).

⁴¹ Мордовия – в лидерах всероссийского онкологического антирейтинга [Электронный ресурс] // Mordovmedia. 2019. 17 июня. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/medicine/item/76019/> (дата обращения: 09.05.2020).

⁴² В Мордовии было утрачено 28 объектов культурного наследия // Pro Город. 2015. 28 авг. URL: <https://pg13.ru/news/7002> (дата обращения: 09.05.2020).

⁴³ Реестр объектов культурного наследия Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва культуры, нац. политики и арх. дела Респ. Мордовия. URL: <https://mktrm.ru/objekty-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 10.05.2020).

⁴⁴ Об утверждении плана проведения мероприятий по контролю за состоянием объектов культурного наследия федерального и регионального значения, расположенных на терри-

Отсутствие уникальных архитектурных памятников в масштабах страны. Низкая информационная и содержательная составляющая популяризации музеев республики.

Низкое информирование населения о предстоящих этномероприятиях ввиду недостаточной работы со СМИ (особенно в интернет-пространстве).

Мордовия начала развивать свою государственность в XX веке, в связи с чем нет выраженной причастности городов республики к знаменательным историческим событиям. Так, «Празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» вызвало широкий информационный резонанс на федеральном уровне и много негативных комментариев и оценок.

Отдельные аспекты деятельности общественной организации «Фонд спасения эрзянского языка» имеют деструктивный характер и несут элементы финно-угорского сепаратизма. Например, в публикациях периодического издания и интернет-портала «Эрзянь Мастор» фонд неоднократно допускал субъективные суждения по вопросам изменения государственного устройства Российской Федерации посредством образования эрзянской автономии.

7. Природно-географические, туристические и экологические

Малые города Мордовии практически не используют имеющийся потенциал (историко-культурный, природный и др.), несмотря на очевидный экономический успех, исходя из зарубежного и отечественного опыта.

Недостаточное межмуниципальное взаимодействие препятствует созданию механизмов для реального продвижения туристических программ.

Отсутствие стандартизации гостиничных услуг. Существенная разница развития инфраструктуры, сферы обслуживания и гостеприимства в Саранске и других городах республики.

Отсутствие системного охвата коммуникационных каналов по включению городов Мордовии в информационное пространство.

Недостаточно креативных идей, новых экстраординарных подходов по наполнению туристических маршрутов.

Современные технологии не используются в полной мере для продвижения имиджа территории.

Отсутствие необходимого объема финансовых средств на развитие республиканского туризма.

Наличие укоренившихся стереотипов о Мордовии (например, «Мордовия – территория тюрем и лагерей»), что формируют негативное представление о ней как в российском, так и международном информационном пространстве.

Отсутствие комплексной стратегии по продвижению бренда места.

По итогам 2019 года Саранск занял восьмое место по уровню загрязнения воздуха среди российских городов, согласно отчету швейцарской компании IQAir⁴⁵.

тории Республики Мордовия [Электронный ресурс]: Приказ М-ва культуры, нац. политики и арх. дела Респ. Мордовия от 27.02.2020 № 90. URL: http://www.e-mordovia.ru/upload/medialibrary/d0c/90_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

⁴⁵ Самые загрязненные города мира в 2019 году (PM2.5) [Электронный ресурс] // IQAir. 2020. URL: <https://www.iqair.com/ru/world-most-polluted-cities?continent=59af92ac3e70001c1bd78e52&country=qNvxAidZLbwhRmQXR&state=&page=1&perPage=50&cities=> (дата обращения: 10.05.2020).

Возможности (поле “Opportunities”)

Продление до 2029 года срока возврата кредитов Мордовии федеральному центру (ранее срок был до 2024 года)⁴⁶.

Дополнительная финансовая поддержка регионов на общую сумму 200 млрд руб. в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19⁴⁷.

Социальная ориентированность российского государства.

Реализация государственных программ Российской Федерации в рамках программного блока «Новое качество жизни» (социальная поддержка граждан, развитие здравоохранения, образования, культуры, содействие занятости населения и др.).

Впервые в истории современной России с 2017 года действует отдельная государственная программа «Реализация государственной национальной политики» с общим ежегодным финансированием мероприятий порядка 2,5 млрд руб.

Активная поддержка федеральным центром гражданских инициатив, в том числе предоставление неправительственным организациям президентских грантов на конкурсной основе⁴⁸.

Формирование общероссийской гражданской нации.

Реализация государственной политики России происходит при активном взаимодействии федеральных и региональных органов власти.

Разработка и продвижение конкурентоспособного туристского продукта (например, проекты «большого туристского кольца Мордовии» и «малого туристского кольца Мордовии») с последующим включением ряда городов республики (Саранска, Темникова, Краснослободска и др.) в Ассоциацию малых туристских городов России (Казакова и др., 2019, с. 588).

Развитие экскурсионно-познавательного религиозного туризма благодаря имеющимся на территории республики храмам и монастырям.

Развитие спорта в России – одно из приоритетных направлений государственной политики.

Угрозы (поле “Threats”)

Мордовия является традиционно дотационным регионом.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказала негативное воздействие на экономическое развитие как России в целом, так и каждого региона в частности. Особенно могут пострадать дотационные территории, такие как Мордовия.

Резкое снижение нефтяных котировок крайне негативно сказывается на формировании федерального бюджета, вследствие этого создается угроза снижения дотаций республике.

⁴⁶ Москва отсрочит выплату кредитов Мордовии до 2029 года [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. 2020. 29 апр. URL: <https://izvmor.ru/novosti/ekonomika/moskva-otsrochit-vyplatu-kreditov-mordovii-do-2029-goda> (дата обращения: 10.05.2020).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 30.04.2020).

Низкий уровень кредитоспособности региона (78-е место среди субъектов Федерации)⁴⁹.

Высокая уязвимость республики при негативном развитии российской экономики.

Концентрация бюджетных ресурсов на федеральном уровне.

Высокий уровень коррупции.

Отсутствие мер по социально-экономическому выравниванию регионов.

Отсутствие свободной межрегиональной конкуренции.

Неиспользование потенциала гражданской активности и инициативы, что не способствует росту конкурентных преимуществ территории.

Отсроченная выгода от культурно-познавательного туризма не привлекает бизнес.

ОБСУЖДЕНИЕ

Большинство положительных факторов в полях “Strengths” и “Opportunities” нивелируются негативными из “Weaknesses” и “Threats”. К тому же один негативный фактор может обесценить целую группу положительных. В этой связи стоит отметить, что большое число «сильных» показателей не делают общую картину позитивной.

Властями позиционируются ряд положительных моментов, прежде всего связанных с инвестициями и инновациями, но замалчиваются отрицательные – главным образом относящиеся к социально-экономическому положению региона. Это формирует риск усиления противоречивости между первичным и вторичным, идеальным и реальным имиджем. Например, такие показатели социально-экономического блока поля “Strengths”, как «развитие инновационных проектов», «положительная динамика макроэкономических показателей» и т. д. полностью нивелируются «низким уровнем и качеством жизни населения». Достижение республикой лидирующих позиций по валовой продукции сельского хозяйства, производству промышленной продукции и общей положительной динамике макроэкономических показателей не помогает Мордовии подняться с аутсайдерской позиции по ВРП (66-е место из 85) и изменить негативные показатели по уровню доходов населения (75-е место из 85). Заключение межправительственных соглашений по различным видам сотрудничества с Республикой Беларусь, Бурунди, Венгрией, КНР и увеличение объема поставок в зарубежные страны почти в пять раз за последние пять лет (с 4,5 до 21 млрд руб.) не играют существенной роли в улучшении реальной экономической обстановки в республике, а носят лишь формальный характер.

Реализация мероприятий по упрощению процедур ведения бизнеса и снятию административных барьеров имеет как положительный, так и отрицательный контекст. Так, снятие административных барьеров должно оказать позитивное влияние на привлечение инвестиций в регион, но фактически

⁴⁹ Индекс кредитоспособности регионов РФ – итоги 2019 года [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. 2020. 6 апр. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/region_credit_2020.pdf (дата обращения: 08.05.2020).

этого не наблюдается. Поэтому Мордовия занимает низкую позицию и по уровню инвестиционной привлекательности (68-е место из 85 на 2019 год).

Удачное географическое положение республики (близость к экономически развитым регионам и Москве) могло бы стать основополагающим для экономического развития. Например, можно развивать логистический сектор, сделав Мордовию межрегиональным или международным (на пути из / в Казахстан и другие среднеазиатские страны) хабом.

Наличие интеллектуального, научного и производственно-экономического потенциала также нивелируется низким уровнем жизни и низкой заработной платой. Существенная часть работоспособного населения республики уезжает трудоустроившись в другие регионы (наиболее популярное направление – Москва и Московская область). При сохранении текущего уровня доходов и качества жизни отток населения из Мордовии только увеличится.

Имеющиеся долговые проблемы являются одним из основных препятствий экономического развития региона. Их причиной стали популистские решения прошлой команды, последствия которых не удастся нейтрализовать в короткие сроки, несмотря на предпринимаемые шаги нынешнего руководства. Республика имеет самый большой государственный долг перед федеральным центром и отличается невыполнением долговых обязательств, возглавляя рейтинг самых закредитованных регионов России и антирейтинг по консолидированному бюджету⁵⁰. Мордовия фактически лишена финансовой самостоятельности ввиду казначейского сопровождения.

Рост объемов жилья и уникальная программа кредитования под 5 % не приносят очевидных плюсов ввиду высокой стоимости и низкой покупательской способности населения. К тому же ипотека в 5 % предусматривается лишь при покупке жилья на нескольких улицах г. Саранска, т. е. под программу попадает заведомо коммерчески невостребованное вследствие неудобного или непопулярного местоположения жилье. Строительная отрасль в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 оказалась одной из наиболее пострадавших. Так, если на 10 апреля 2019 года было продано 230 квартир, то за аналогичный период 2020 года – всего 10⁵¹. Долгое время отрасль была для Мордовии показательной, но сложившиеся в 2020 году тенденции могут негативно повлиять на все связующие звенья, включая производство цемента, деревообработку, работу строительных заводов и т. д.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 и резкое снижение нефтяных котировок приведут к значительному сокращению федерального бюджета и, следовательно, к вероятному снижению объемов столь необходимых Мордовии дотаций. В кризисных условиях необходимо акцентировать внимание на самообеспечении и развитии отсталых секторов экономики, используя максимум внутренних ресурсов. Вследствие этого можно если не прекратить, то значительно сократить зависимость от постоянно увели-

⁵⁰ Бюджеты российских регионов в 2018 году...

⁵¹ Бюджет Мордовии потеряет около 5 млрд рублей из-за эпидемии covid-19 [Электронный ресурс] // Столица-С. 2020. 29 апр. URL: <https://stolica-s.su/news/economics/261268> (дата обращения: 30.05.2020).

чивающихся заимствований и дотаций из федерального центра. Мордовия располагает многими потенциально значимыми атрибутами для успешного экономического развития.

Особо примечателен политический блок имиджа республики ввиду высокого уровня политической стабильности и низкого уровня социальной напряженности. Именно константность в сфере политики во многом позволяет получать из федерального центра дотации, играющие важнейшую роль в поддержании региона. Интересно, что, несмотря на очевидное депрессивное состояние экономики республики, социальная напряженность находится на низком уровне, что говорит об успешной работе политического руководства в этом направлении. В Мордовии достаточная консолидация элиты при доминировании фигуры губернатора. Из-за особых экономических условий работа направлена на бюджетную экономию, отсутствуют противоречия между региональными и муниципальными властями, как и турбулентность в межвыборный период. Данные факторы, а также отсутствие политической конкуренции способствуют благоприятному и выгодному сотрудничеству с федеральным центром. Однако жизнеспособность подобной конструкции возможна только при консервативной модели развития элит как в России, так и Мордовии. Иначе говоря, любые кардинальные изменения на региональном или общенациональном уровне могут привести к качественной трансформации отношений между центром и периферией.

Мордовия входит в число безопасных регионов страны за счет невысокого количества преступлений на душу населения и одних из самых низких в стране показателей насильственных преступлений. Однако республику отличает высокий уровень коррупции и кланово-корпоративных отношений в бизнесе. Очевидно, это следствие укоренения ультраконсервативной системы элит в республике. Среди региональных СМИ отсутствуют независимые. Все масс-медиа выполняют заказ либо непосредственно правительства, либо определенных влиятельных кругов.

Очевидный плюс в формировании положительного имиджа – толерантное и гармоничное сосуществование различных народов и представителей конфессий. В силу наличия двух основных субэтносов (мокша и эрзя) присутствует бинарность мордовского народа, но этот фактор нельзя считать негативным, так как субэтноты формируют единую мордовскую общность без ярко выраженного и прогрессирующего бинарного деления этнического самосознания и противопоставления друг другу. Однако имеются и отрицательные моменты в общем положительном этноконфессиональном развитии региона. Так, отдельные деструктивные группы вносят дезинтегрирующие и регрессивные идеи, имеющие близкую к экстремизму направленность. Например, Фонд спасения эрзянского языка, который допускает изменения государственного устройства России и создание эрзянской автономии. Подобные заявления направлены на дестабилизацию этноконфессиональной солидарности народов Мордовии. Необходимо принимать меры для предотвращения деятельности таких организаций, но осуществлять это максимально корректно, ввиду возможного возникновения радикальных настроений у групп населения, подвергшихся их идеологическому воздействию.

Конфликтные ситуации из-за запрета ношения хиджабов в школе характерны не только для Мордовии⁵². В других национальных республиках наблюдаются схожие проблемы (например, запрет на обязательное изучение национального языка в Башкирии). В данной ситуации школьное руководство пошло на крайние меры. Региональная интерпретация вышестоящих указаний нередко приобретает утрированную форму.

Проблемы сферы образования в Мордовии во многом являются следствием экономического упадка. Так, наблюдается дефицит педагогических кадров ввиду неудовлетворительной экономической обстановки в регионе, что приводит к оттоку значительного количества как потенциальных, так и реальных работников в экономически более привлекательные регионы. Рассматривая Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева как объект образовательного имиджа Мордовии, отметим, что вуз предоставляет возможности обучения на всех уровнях высшего образования, реализует разноплановые образовательные программы. Университет активно работает на привлечение как внешней (в данном случае зарубежной) целевой аудитории в регион, так и внутренней (из других регионов). Но при всех положительных факторах имеется значительный минус: имидж-стратегия университета не включена в общую имиджевую стратегию региона.

Спортивная сфера региона – наиболее противоречивая в контексте общереспубликанского имиджа. За Мордовией закрепился статус «спортивного региона», регион часто ассоциируется со спортивными достижениями не только российского, но и мирового уровня, особенно в спортивной ходьбе. Имеется большой опыт организации и проведения спортивных мероприятий, ведется активное формирование инфраструктуры и популяризация спорта у населения. Функционирует множество спортивных сооружений, осуществляются государственные программы по развитию спорта. Однако весь положительный спортивный бэкграунд региона оказался под ударом после допинг-скандалов. С 2005 по 2014 год 13 мордовских ходоков были дисквалифицированы на различные сроки (О. Каниськина, Е. Лашманова, А. Воеводин, С. Кирдяпкин, В. Борчин, С. Бакулин и др.), в том числе пожизненно (В. Канайкин).

Выбор Саранска для проведения ЧМ-2018 вызвал неоднозначную реакцию как внутри региона, так и за его пределами ввиду малой численности населения и низкого уровня жизни по сравнению с другими городами-организаторами. Тем не менее очевиден туристический успех столицы республики: Саранск занял первое место среди городов-организаторов по туристическому росту за время проведения чемпионата (прирост составил 1 678 % по данным Федерального агентства по туризму⁵³). Столицу Мордовии посетили

⁵² *Зубов Г., Ветров И.* Увидим в хиджабе – уволим из школы [Электронный ресурс] // Газета. ru. 2017. 20 янв. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/01/20/10484681.shtml> (дата обращения: 10.05.2020).

⁵³ *В дни ЧМ-2018 турпоток в Саранске вырос на 1678 процентов* // Рос. газета. 2018. 7 июля. URL: <https://rg.ru/2018/07/07/reg-pfo/v-dni-chm-2018-turpotok-v-saranske-vyros-na-1678-procentov.html> (дата обращения: 10.05.2020).

более 100 000 туристов из Японии, Дании, Перу, Туниса, Китая и других стран. Однако отсутствуют дальнейшие перспективы по эксплуатации стадиона – футбол в Мордовии переживает тяжелый кризис, а команды из других регионов не хотят проводить футбольные матчи на мордовском стадионе ввиду высокой стоимости аренды и низкой заинтересованности болельщиков.

В сентябре 2019 года фактически была приостановлена деятельность перспективного хоккейного клуба «Мордовия» ввиду прекращения финансирования. Ранее мордовская команда уже испытывала трудности, а многообещающих игроков зачастую покупали другие клубы. К тому же, несмотря на высокие результаты, команда не могла переходить в высшие лиги российского хоккея. Аналогичная ситуация наблюдается и с футбольным клубом «Мордовия». Игрокам клуба по несколько месяцев не выплачивается заработная плата. Очевидно, что финансовые трудности неблагоприятно влияют на командный настрой, а отсутствие стимула не позволяет достичь успешных результатов на соревнованиях. Хотя стоит отметить, что команда добивалась значительных достижений и три года выступала в российской премьер-лиге (сезоны 2012/13, 2014/15 и 2015/16).

Лишение статуса легкоатлетической республики из-за допинг-скандала должно было стимулировать поддержку и развитие других видов спорта, но этого не произошло.

Рассматривая культурно-исторический блок и его потенциал для развития республиканского имиджа, отметим, что привлекательность разветвленной сети учреждений культуры и искусства снижается вследствие низкой информационно-технологической и содержательной составляющей их популяризации, отсутствия активного продвижения и вовлечения аудитории соцсетей, отсутствия программ по привлечению молодых специалистов в сферу культуры, закрытия в селах и деревнях региона учреждений культуры (библиотек, клубов). Исходя из этого можно предположить, что количество объектов (свыше 1 080) является не следствием достижения, а результатом упадка. Таким образом, можно спрогнозировать дальнейшее сокращение числа учреждений культуры и искусства.

Наличие памятников архитектуры практически полностью нивелируется двумя негативными факторами – утратой объектов культурного наследия и отсутствием уникальных памятников, которые могли бы выделяться в масштабах страны. Имеющиеся памятники не способствуют созданию масштабного туристического потока в республику в силу их «обыкновенности». В ПФО достаточно достопримечательностей (как исторических, так и географических), обеспечивающих стабильный туристический трафик. В их число входят, например, Нижегородский кремль и Дивеевский монастырь (Нижегородская область), мечеть «Кул-Шариф» (Татарстан), памятник Салавату Юлаеву (самая большая конная статуя в Европе) и шиханы (Башкортостан), один из крупнейших в мире скульптурный парк «Легенда» (Пензенская область), музей-заповедник «Иднакар» (Удмуртия), утес Степана Разина (Саратовская область), Кунгурская пещера (Пермский край) и др. Однако разработка региональной программы по реставрации памятников культурного наследия с дальнейшим продвижением Мордовии как региона с особым отношением

к историко-культурным памятникам может помочь в снижении влияния негативных факторов, а формирование устойчивого имиджа туристско-рекреационной территории европейской части России, ввиду наличия широкого природного разнообразия и расположения вблизи крупных городов, поспособствует притоку туристов. Но для реализации потенциальных возможностей требуется значительное финансирование, в частности, выделение дополнительных дотаций.

В Мордовии уделяется достаточно внимания национальному аспекту, культуре и традициям народов, проживающих в республике. Ежегодно организуются этнофестивали: «Раськень озкс» и «Велень озкс» (эрзя), «Акша келу» (мокша), «Сабантуй» (татары и башкиры), «День славянской письменности и культуры» (русские). Однако существует проблема низкого информирования населения о предстоящих этномероприятиях ввиду недостаточной работы со СМИ (особенно в интернет-пространстве). В Мордовии отсутствует разнообразие в культурно-массовых событиях, поэтому каждое может собрать большую аудиторию при должном анонсировании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Республика Мордовия, отличающаяся большим количеством негативных факторов для выстраивания положительного имиджа территории, не имеет комплексной стратегии по продвижению бренда места, которая могла бы позволить реализовать начальный этап позитивирования имиджа. У региона изначально отсутствуют факторы, которые могли бы использоваться для достижения положительного представления о территории без особых усилий.

Наблюдается ярко выраженная противоречивость между идеальным и реальным имиджем за счет активного продвижения отдельных позиций. К ним относятся следующие: безопасная территория, развитие городской инфраструктуры, улучшение предпринимательского климата, стимулирование экономической активности и роста, поддержка инновационного развития и т. п. В то же время имеются социально-экономические характеристики, которые демонстрируют противоположную, т. е. негативную, тенденцию в республике. К ним относятся, например, низкий уровень доходов и качества жизни населения, низкий уровень прожиточного минимума.

Кроме этого, несоответствие между первичным и вторичным имиджем приводит к разочарованию и оттоку внешней аудитории из региона, а также распространению негативной информации в виде низких оценок его потенциала. Существующие стереотипы о Мордовии в международном информационном пространстве формируют негативный первичный образ. В республике нет центра по планированию, координации и мониторингу развития территориального бренда, что делает имидж республики простым (стихийным).

В информационном пространстве региона происходит акцентирование положительной и частичное замалчивание отрицательной информации о развитии территории, что приводит к недовольству населения, а также влияет

на возрастание разрыва между идеальным и реальным имиджем и в конечном итоге снижает репутационный капитал.

Для преодоления негативных тенденций необходимо: усилить мероприятия, направленные на повышение качества жизни населения, разработать и официально утвердить комплексную имиджевую стратегию, включающую концепцию территориального брендинга, а к формированию образа региона привлечь специалистов в области имиджмейкинга.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Мордовия, проект № 18-411-130012 р_а «Современный регион в фокусе политической имиджологии (на примере Республики Мордовия)».

Библиографический список

Алябьева Е. М. Имидж территории как фактор экономического развития // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2017. № 4. С. 26–30.

Анхольт С. Создание бренда страны // Бренд-менеджмент. 2007. № 1. С. 50–52.

Базилян С. А. Роль региональных брендов в накоплении символического капитала места (на примере Великого Новгорода) // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 592–602. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602.

Бачерикова М. Л., Пархомчук Л. П., Зиновьева Н. В. Влияние имиджевых характеристик Приморского края на инвестиционные намерения зарубежного бизнеса // Практический маркетинг. 2018. № 10. С. 10–15.

Богатова О. А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, № 1. С. 54–70.

Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и доверие в конкурентной экономике (территориальный аспект) // Маркетинг в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 67–78.

Василенко И. А. Возрождение культурной жизни российской провинции как фактор формирования эффективной имиджевой стратегии регионов // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 2. С. 31–44 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/ca8/2_2016.pdf (дата обращения: 04.02.2020).

Волкова В. В., Кулакова Л. В. Роль этнокультурных особенностей региона в формировании геоимиджа (на примере Республики Мордовия) // Политика и Общество. 2017. № 2. С. 67–76. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.2.20143.

Ежова Е. Н. Стратегия формирования имиджа Северного Кавказа // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2016. № 2. С. 195–201.

Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9, № 2. С. 25–31. DOI: 10.12737/11392.

Кадачигова Д. С. Структурные элементы имиджа территориального субъекта // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1. С. 73–76.

Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Имидж главы региона как элемент имиджа территории (на примере Республики Мордовия) [Электронный ресурс] // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 2. С. 81–104. URL: <http://svijournal.ru/wp-content/uploads/2019/06/Казакова-статья.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

Казакова М. Н., Напалкова И. Г., Десяев Д. Г. Культурно-исторический бекграунд и развитие туризма в провинциальных городах (на примере Республики Мордовия) // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Т. И. Рябовой. Брянск: Брян. гос. инженер.-техн. ун-т, 2019. С. 578–589.

Кильдюшкина И. Г., Радайкин А. А., Григораиш Д. Р. Бренд Республики Мордовия как фактор ее конкурентоспособности // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2. С. 133–142.

Лизаркин А. Р., Панчук Н. Н. Роль архитектуры в формировании имиджа города Хабаровска // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. фак. архитектуры и дизайна Тихоокеан. гос. ун-та. Т. 2 / Ред. колл. Е. М. Самсонова, В. И. Лучкова, Л. Г. Дьячков. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. С. 176–180.

Майкова С. Э., Окунев Д. В. Исследование перспектив формирования и развития финно-угорского туристского кластера в Республике Мордовия // Регионоведение. Regionology. 2018. Т. 26, № 3. С. 438–459. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.438-459.

Маленова Е. Д., Терских М. В. Подходы к понятию «имидж территории»: научный обзор // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. № 26. С. 75–79.

Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. Т. 14, № 4. С. 414–429. DOI: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.

Серкина А. Е., Бибина Е. Н., Ломакина Н. А. Природные и культурные памятники Республики Мордовии как перспективы развития туристической отрасли на территории региона // Тенденции развития туризма и гостеприимства в России: материалы студен. науч.-практ. конф. / Под ред. С. В. Дусенко, В. И. Шарикова. М.: Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК), 2017. С. 200–205.

Чиркова О. Н. Влияние имиджевой политики и этнокультурного брендинга региона на формирование и развитие региональной идентичности // Регионоведение. Regionology. 2016. № 3. С. 88–105.

Юнусова А. Б., Фролова И. В. Республика Башкортостан: историко-культурные и религиозные символы в имиджевой стратегии республики // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 1. С. 99–105.

Bearden W. O., Netemeyer R. G., Haws K. L. Handbook of marketing scales: Multi-item measures for marketing and consumer behavior research. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2011. 624 p. DOI: 10.4135/9781412996761.

Jenes B. Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand. Budapest: Corvinus University of Budapest, 2012. 288 p.

Martin I. M., Eroglu S. Measuring a multi-dimensional construct: Country image // Journal of Business Research. 1993. vol. 28, № 3. P. 191–210. DOI: 10.1016/0148-2963(93)90047-S.

Информация об авторах

Десяев Дмитрий Геннадьевич – аспирант ГКУ Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

ORCID: 0000-0003-4353-4400

ResearcherID: –

Электронный адрес: exprise@mail.ru

Напалкова Ирина Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева», 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

ORCID: 0000-0003-3896-1600

ResearcherID: AAB-9845-2019

Электронный адрес: zamisi@yandex.ru

Статья получена 14 мая 2020 года

UDC 314:33.17.022.1(470.345)

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-203-230

REPUBLIC OF MORDOVIA: STRATEGIC ANALYSIS OF IMAGE-FORMING FACTORS

Dmitry G. Desyaev

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, 3 L. Tolstoy str., Saransk, 430005,
Russia

National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya
str., Saransk, 430005, Russia

ORCID: 0000-0003-4353-4400

ResearcherID: –

E-mail: exprise@mail.ru

Irina G. Napalkova

National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russia

ORCID: 0000-0003-3896-1600

ResearcherID: AAB-9845-2019

E-mail: inapalckova@yandex.ru

For citation:

Desyaev, D. G. and Napalkova, I. G. (2020), “Republic of Mordovia: strategic analysis of image-forming factors”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 203–230, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-203-230.

Introduction: sustainable development of territories in the modern information society depends, among other things, on a positively formed and effectively broadcast image. However, the high dynamism of the processes affecting the development of the region, the change of value guidelines and value judgments of the target audiences require the subjects of image-making, especially regional authorities, to develop an integrated image strategy and monitor the situation.

Objectives: strategic analysis of image-forming factors of the Republic of Mordovia.

Methods: case-study, based on analysis of documents, official statistical information, federal ratings data; SWOT-analysis carried out within the framework of the comprehensive study “Republic of Mordovia in the focus of modern imagology”, which allowed highlighting strong and weak factors of territorial development.

Results: factors, events, processes of the region’s development are identified, evaluated and grouped along the lines “strong” – “weak”, “possibility” – “threat”. A SWOT matrix has been drawn up, stating the dominance of weaknesses and threats, according to which development risks are defined, which can increase contradictions between the primary and secondary image of the region and introduce a dissonance into its perception and assessments by important target groups – federal and business elites, tourists, residents of the region.

Conclusions: SWOT-analysis demonstrates a substantial contradictory side of the ideal and real image of the Republic of Mordovia, which is one of the main risks for all target groups, as it forms a dissonance in the perception of the territory and contributes to the growth of negative estimates. There is a violation of the core image directions of the region: the positive dynamics of macroeconomic indicators do not lead to an improvement in the quality of life and wage growth; the increase in total life expectancy dissociates with the increase in cancer, etc. In order to offset negative factors and reduce image risks, it is necessary to strengthen measures that contribute to improving the quality of life of the territory’s population,

to develop a holistic concept of territorial branding at the regional level and to involve image-making specialists into the formation of the region's image.

Keywords: region; image; positioning; image-making factors; SWOT analysis; case; Republic of Mordovia; contradictory

Acknowledgements

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Government of the Republic of Mordovia, project no. 18-411-130012 r_a “Modern Region in Focus of the political imagology (on the example of the Republic of Mordovia)”.

References

- Alyabyeva, E. M. (2016), “Image of the territory as a factor of economic development of regions”, *VESTNIK of Volga region State University of Service. Series “Economics”*, no. 4, pp. 26–30.
- Anholt, S (2007), “Country branding”, *Brend-menedzhment*, no. 1, pp. 50–52.
- Bazikyan, S. A. (2017), “The role of regional brands in accumulating symbolic capital of place (on the example of Veliky Novgorod)”, *Theoretical and practical issues of journalism*, vol. 6, no. 4, pp. 592–602, doi: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602.
- Bacherikova, M. L., Parkhomchuk, L. P. and Zinoveva, N. V. (2018), “Influence of image characteristics of Primorsky krai on investment intentions of foreign business”, *Practical marketing*, no. 10, pp. 10–15.
- Bogatova, O. A. (2017), “Social technologies of management of republican and Russian identity in estimations of the population of the republic of Mordovia: experience of qualitative social research”, *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 1, no. 1, pp. 54–70.
- Vazhenina, I. S. and Vazhenin, S. G. (2017), “Image, reputation and trust in a competitive economy (territorial aspect)”, *Journal of Marketing in Russia and Abroad*, no. 3, pp. 67–78.
- Vasilenko, I. A. (2016), “The revival of the cultural life of the Russian province as a factor in the formation of an effective branding strategy regions”, *Perspectives and prospects. E-journal*, no. 2, pp. 31–44 [Online], available at: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/ca8/2_2016.pdf (Accessed Feb. 4, 2020).
- Volkova, V. V. and Kulakova, L. V. (2017), “The role of ethnocultural peculiarities of the region in the formation of geo-image (on the example of the Republic of Mordovia)”, *Politics and Society*, no. 2, pp. 67–76, doi: 10.7256/2454-0684.2017.2.20143.
- Ezhova, E. N. (2016), “The strategy of the north Caucasus image formation”, *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike*, no. 2, pp. 195–201.
- Zamyatin, D. N. (2015), “Geocultural branding of cities and areas: from genius loci to image resources”, *Service and Tourism: Current Challenges*, vol. 9, no. 2, pp. 25–31, doi: 10.12737/11392.
- Kadachigova, D. S. (2018), “Structural elements of image of a territorial subject”, *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 73–76.

Kazakova, M. N. and Napalkova, I. G. (2019), "The image of the head region as an element of the image of the territory (on the example of Republic of Mordovia)", *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*, no. 2, pp. 81–104 [Online], available at: <http://svijournal.ru/wp-content/uploads/2019/06/Казакова-статья.pdf> (Accessed Feb. 4, 2020).

Kazakova, M. N., Napalkova, I. G. and Desyaev, D. G. (2019), "Cultural-historical background and development of tourism in the provincial cities (on the example of Republic of Mordovia)", *Problemy i tendencii razvitija sociokul'turnogo prostranstva Rossii: istorija i sovremennost': materialy VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems and trends in the development of the sociocultural space of Russia: History and present: Proceedings of the VI International scientific and practical conference], Bryansk State Technological University on Engineering, Bryansk, Russia, pp. 578–589.

Kildyushkina, I. G., Radaykin, A. A. and Grigorash, D. R. (2016), "The brand of the Republic of Mordovia as a factor of its competitiveness", *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, no. 2, pp. 133–142.

Lizarkin, A. R. and Panchuk, N. N. (2018), "The role of architecture in the formation of the image of the Khabarovsk city", in Samsonova, E. M., Luchkova, V. I. and Dyachkov, L. G. (eds.), *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii fakul'teta arkhitektury i dizaina Tikhoookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [New ideas of the new century: Proceedings of the international scientific conference of the Faculty of Architecture and Design, Pacific National University], Pacific National University, Khabarovsk, Russia, pp. 176–180.

Maikova, S. E. and Okunev, D. V. (2018), "Examination of the prospects for formation and development of the finno-ugric tourist cluster in the republic of Mordovia", *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 26, no. 3, pp. 176–180, doi: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.438-459.

Malenova, E. D. and Terskikh, M. V. (2015), "Approaches to the concept of "image of the territory": A scientific review", *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*, vol. 26, pp. 75–79.

Napalkova, I. G. and Kurochkina, K. V. (2018) "The region image: specifics, basic elements and technologies of formation", *Russian Journal of Economic History*, vol. 14, no. 4, pp. 414–429, doi: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.

Serkina, A. E., Bibina, E. N. and Lomakina, N. A. (2017), "Natural and cultural monuments of the Republic of Mordovia as prospects for the development of the tourism industry in the region", in Dusenkov, S. V. and Sharikov, V. I. (eds.), *Tendentsii razvitiya turizma i gostepriimstva v Rossii* [Trends in the development of tourism and hospitality in Russia], Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), Moscow, Russia, pp. 200–205.

Chirkova, O. N. (2016), "Influence of the image policy and ethno-cultural branding of a region on formation and development of regional identity", *Russian Journal of Regional Studies*, no. 3, pp. 88–105.

Yunusova, A. B. and Frolova, I. V. (2017), "Republic of Bashkortostan: Historical, cultural and religious symbols in the image strategy of the republic", *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*, no. 1, pp. 99–105.

Bearden, W. O., Netemeyer, R. G. and Haws, K. L. (2011), *Handbook of marketing scales: Multi-item measures for marketing and consumer behavior research*, Sage Publications, Thousand Oaks, CA, US, doi: 10.4135/9781412996761.

Jenes, B. (2012), *Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand*, Corvinus University of Budapest, Budapest, Hungary.

Martin, I. M. and Eroglu, S. (1993), "Measuring a multi-dimensional construct: Country image", *Journal of Business Research*, vol. 28, no. 3, pp. 191–210, doi: 10.1016/0148-2963(93)90047-S.

Received May 14, 2020

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 330.16

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-231-252

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПО НАКОПЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПОДДЕРЖКЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Д. А. СИТКЕВИЧ

Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Институт Гайдара),

г. Москва, Россия

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

г. Москва, Россия

Для цитирования:

Ситкевич Д. А. Анализ государственных мер по накоплению социального капитала и поддержке коллективных действий // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 231–252, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-231-252.

Введение: рассматривается вопрос разработки эффективной политики по накоплению в обществе социального капитала, увеличению уровня межличностного доверия и количества коллективных действий (в том числе и экономической кооперации).

Цель: анализ возможных направлений государственной политики в области накопления социального капитала.

Методы: методы теоретического исследования процессов, метод системного анализа, метод сравнительно ориентированного кейс-стади.

Результаты: выявлены основные теоретические подходы к описанию процесса накопления социального капитала; установлены факторы, влияющие на уровень социального капитала в обществе; проанализированы механизмы стимулирования социального капитала и кооперации; продемонстрирован опыт реализации подобной политики на практике.

Выводы: хотя до сих пор ни одно государство не разрабатывало политику, направленную именно на формирование социального капитала, существуют примеры успешных мер, которые приводили к его накоплению. В основном они связаны либо с изменениями социальных норм, связанных с межличностной кооперацией (которые достигаются через систему образования и поддержку межличностной коммуникации), либо с созданием денежных стимулов для кооперации. Кроме того, программы, нацеленные на рост качества образования и устранение социального неравенства, также могут косвенно способствовать повышению уровня доверия.

Ключевые слова: социальный капитал; кооперация; коллективные действия; межличностное доверие; экономическая политика; программы условных денежных трансфертов; социальные нормы; управление человеческим потенциалом

ВВЕДЕНИЕ

В последние три десятилетия специалисты в области управления человеческим потенциалом стали затрагивать в своих работах не только качество образования и здравоохранения, но и то, насколько развиты социальные связи внутри общества. В результате на стыке экономики и социологии появился концепт «социального капитала», впервые описанный Бурдьё (Bourdieu, 1986), в современном виде сформулированный Патнэмом (Putnam, 1993). Хотя единого определения социального капитала нет, в большинстве исследований под этим понятием подразумевается набор из социальных норм, социальных связей (в том числе добровольных ассоциаций) и доверия между людьми, которые влияют на экономическую деятельность общества.

Опыт исследования социального капитала показывает, что данный показатель (обычно измеряемый с помощью данных об уровне доверия другим людям и участии в добровольных ассоциациях) серьезно влияет на экономическое развитие и общественное устройство. Так, социальный капитал положительно связан с качеством государственного управления (Knack, 2002), темпами экономического роста (Knack and Keefer, 1997), успешностью коллективных действий (Balliet and van Lange, 2013), уровнем человеческого капитала (Behtoui and Neergaard, 2016) и здоровья (Kawachi and Berkman, 2000). Хотя социальный капитал и имеет свои «темные стороны», порой помогая совершать коллективные действия, наносящие вред большинству людей (Satyanath et al., 2017), в целом он оказывает положительное воздействие на общество.

Обнаружив пользу от социального капитала, многие исследователи и лица, принимающие решения, задались вопросом о том, возможно ли как-то его изменить. Первые исследователи социального капитала, например Фукуяма (Fukuyama, 2001), отмечали, что, так как социальный капитал – во многом продукт имеющихся норм и традиций, государство имеет достаточно ограниченные возможности способствовать его накоплению, и даже западные НКО, которые приходили в развивающиеся страны специально для этих целей, не добились почти никакого результата. Однако последующий опыт показал, что государству и институтам развития под силу стимулировать как рост доверия в обществе, так и уровень кооперации.

Говоря о политике, положительно влияющей на социальный капитал, нужно сразу отметить, что успешных программ, в которых первоочередной и единственной задачей стоит увеличение уровня доверия в обществе, нет. Согласно Савиоли и Патуэлли (Savioli and Patuelli, 2016) лица, принимающие решения, обычно используют социальный капитал как ресурс для достижения целей, но не как объект политики. Это, впрочем, не означает, что государство не может путем проведения определенной политики благоприятствовать формированию социального капитала. Такие программы, как показывает настоящая статья, существуют. Однако они либо принимаются без расчета последствий, которые они оказывают на развитие человеческого потенциала (и социальный капитал служит лишь побочным продуктом), либо рассматривают увеличение уровня доверия и кооперации в общества не в качестве цели, а как средство достижения иных целей (например, устранения нера-

венства). Научная новизна исследования заключается в выделении этих программ именно как возможных институциональных альтернатив, направленных на стимулирование межличностного доверия и кооперации, а также в их классификации на основании существующих теорий изменения социального капитала.

Вопрос, что может помочь формированию социального капитала, крайне актуален для России. По данным World values survey (Inglehart et al., 2014), в нашей стране наблюдается достаточно низкий уровень межличностного доверия. Хотя он выше, чем в развивающихся странах Африки и Латинской Америке, но меньше, чем почти во всех развитых странах и некоторых странах Восточной Европы. Это серьезно препятствует экономическому развитию России. Так, по мнению Алгана и Каука (Algan and Cahuc, 2010), если бы в России уровень социального капитала был сопоставим со шведским, то ее ВВП на душу населения был бы выше на 69 %. Учитывая этот потенциал, анализ тех инструментов, которые могли бы способствовать росту уровня доверия и кооперации, является крайне полезным для планирования государственной политики по стимулированию экономического развития страны.

Таким образом, целью данной работы является анализ возможных направлений государственной политики в области накопления социального капитала. К задачам исследования, которые позволят достигнуть поставленной цели, относятся описание существующих моделей формирования социального капитала; выделение основных факторов, влияющих на уровень доверия; изучение опыта государственных и частных программ, которые привели к росту уровня социального капитала.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Еще самые первые исследователи в области доверия и социального капитала пытались объяснить, откуда он берется. Так, по мнению Коулмана (Coleman, 1988), человек сможет накопить большой социальный капитал, если социальные группы, частью которых он является, замкнуты (т. е. в них сеть взаимодействий не завязана на одном человеке) и если на основе групп сформировались общественные организации. Фукуяма (Fukuyama, 2001) считал, что социальный капитал может накопиться в результате опыта социального взаимодействия: если люди привыкли к тому, что их кооперация может быть продуктивной, то у них вырабатывается доверие друг к другу, и наоборот. Разорвать этот замкнутый круг сложно: нормы социального устройства устойчивы и передаются из поколения в поколение, из-за чего наблюдается эффект колеи: сложившийся уровень социального капитала может долгое время оставаться неизменным, если не произойдет внешних шоков.

Вскоре, когда понятие социального капитала окончательно вошло в экономическую науку, начали разрабатывать полноценные экономические модели появления социального капитала. Их можно поделить на два типа, связанных с различными истоками теории социального капитала. В моделях первого типа социальный капитал рассматривается как экономический феномен, который можно сопоставить с физическим и человеческим капиталом

и который связан с выбором каждого отдельного индивида. Модели второго типа, напротив, воспринимают социальный капитал как социокультурную норму, которая устойчива во времени и изменяется только либо в результате сильных внешних шоков, либо в результате случайных мутаций в процессе воспитания.

Примером первого типа можно назвать модель Глайзера – Лайбсона – Сакердота (Glaeser et al., 2002), в которой предполагается, что каждый человек «инвестирует» в социальный капитал, т. е. тратит свои ресурсы на установление социальных контактов, следование социальным нормам и демонстрацию доверия потенциальным контрагентам. Инвестиции трансформируются в социальный капитал, который создает каждому индивиду определенную полезность. Собственно, его размер будет ровно таким, при котором полезность индивида будет максимальна. Особенностью инвестиций в социальный капитал авторы считают то, что отдача от них зависит от общего уровня социального капитала в обществе. При разных уровнях социального капитала и доверия решение об инвестициях могут сильно варьироваться: если в обществе нет доверия друг к другу, то каждый отдельный индивид также не будет никому доверять, поскольку это будет непродуктивно. Эмпирические данные авторов подтверждают практическую применимость модели: инвестировать в социальный капитал готовы, скорее, представители тех социальных групп, в которых наблюдаются больший средний уровень доверия и количество социальных контактов.

Наиболее известным примером модели второго типа является модель изменения предпочтений к кооперации Табеллини (Tabellini, 2008). Она основана на той предпосылке, что человек самостоятельно не принимает решения об «инвестициях» – за него это решение фактически принимают родители и образовательная система. Именно в процессе воспитания и обучения у индивида формируются социальные нормы, которые повлияют на его спрос на социальный капитал во взрослом возрасте. Нормы, в свою очередь, зависят от тех жизненных установок, которые есть у родителей (так как они являются примером для ребенка), а также от мнения родителей о том, насколько в будущем поведение, основанное на кооперации и доверии, будет выгодно (что, в свою очередь, связано с наблюдаемым сейчас уровнем доверия и кооперации). Именно поэтому, по мнению Табеллини, без серьезных внешних шоков динамика социального капитала достаточно устойчива: дети наследуют ценности доверия или недоверия от своих родителей, лишь несколько корректируя их в зависимости от происходящих в обществе изменений. Эта модель также подтверждается эмпирическими данными: эксперименты Усланера (Uslaner, 2000) показали, что уровень доверия к людям – один из наименее изменчивых социокультурных показателей в жизни человека. Лишь сильные внешние шоки могут нарушить равновесие, значительно сместив человека как в сторону накопления, так и в сторону разрушения социального капитала.

Примеры таких шоков есть в российской истории. Так, Великая Отечественная война привела к росту уровня социального капитала, особенно среди непосредственных ее участников. Более высокий уровень доверия наблюда-

ется не только среди фронтовиков, но и среди их прямых потомков, которые в большей степени, чем их сверстники, были воспитаны на ценностях доверия и кооперации (Едачев и др., 2016). Обратным примером являются рыночные реформы начала 1990-х годов, которые привели к падению уровня доверия среди всех жителей стран Восточной Европы, особенно только вошедшего во взрослую жизнь поколения, у которого социокультурные ценности еще не успели сложиться (Gaber et al., 2019). Схожие изменения произошли после экономического кризиса 2008 года: показатели социального капитала упали, после чего очень медленно восстанавливались (Ananyev and Guriev, 2019).

Как можно заметить, разные типы моделей предполагают разные условия, при которых изменяется объем социального капитала. Согласно моделям первого типа, уровень социального капитала связан с инвестиционным выбором отдельного индивида, а значит, для его увеличения необходимо создать стимулы для более активного «инвестирования». Иначе обстоят дела с моделями второго типа: в них подразумевается зависимость объема социального капитала от устоявшихся норм, связанных с доверием и кооперацией, а значит, для роста уровня социального капитала нужно воздействовать на эти нормы. При этом, учитывая тот факт, что оба типа моделей находят эмпирическое подтверждение, можно предположить, что оба потенциальных направления политики – создание стимулов для инвестирования в социальный капитал и влияние на нормы – могут быть эффективны.

Чтобы узнать, так ли это, нужно посмотреть на примеры того, как социальный капитал изменялся под влиянием государственной политики. Выше уже отмечалось, что успешных программ, которые ставили своей целью рост уровня доверия в обществе, не существует. Поэтому стоит обратить внимание на те меры, которые влияют на факторы, положительно связанные с социальным капиталом, так как именно они могут иметь не учитываемые лицами, принимающими решения, последствия в виде роста уровня доверия и кооперации. Предыдущие исследования позволяют выявить следующие основные факторы социального капитала:

- **География.** Особенности территории, на которой проживает сообщество, оказывают влияние на социальное взаимодействие. Из работы Остром (Ostrom, 1990) следует, что среди земледельцев, вспахивающих холмистые земли, для вырубki леса нужна кооперация. На холмах лес растет медленнее и выше риск чрезмерного использования ресурсов, в результате чего у земледельцев выше уровень социального капитала. Обратная ситуация среди горных жителей, которые занимаются скотоводством: так как для управления скотом не нужна кооперация, у них уровень социального капитала ниже. Кроме того, на социальный капитал влияет климат: чем менее предсказуема погода, тем больше спрос на систему социального страхования, возникающую только в результате коллективного действия, которое способствует выработке доверия к окружающим (Durante, 2009).

- **Качество институтов.** Еще первыми исследователями социального капитала была установлена взаимосвязь между качеством институтов и уровнем социального капитала. Так, Патнем, Леонарди и Нанетти (Putnam et al., 1993), анализируя динамику социального капитала в северной и южной Ита-

лии, отмечают, что имеющиеся различия в уровне доверия между регионами связаны с тем, что на севере еще в средневековье сложились инклюзивные институты и гражданское общество, активно участвующее в жизни государства. В это же время на юге сложилась феодальная монархия и система латифундий, которые привели не только к имущественному неравенству, но и неравенству прав и возможностей. Окончательное эмпирическое подтверждение этому было получено Заком и Наком (Zak and Knack, 2001). По их данным, социальный капитал коррелирует с рейтинговыми оценками качества бюрократии, уровня коррупции, простоты ведения бизнеса и защиты прав инвесторов. Однако причинно-следственная связь для авторов оказалась неочевидна: хотя вероятно, что за счет более качественных институтов, которые бы защищали людей от оппортунистов, в обществе сложилось доверие и нормы, побуждающие к кооперации, возможно и обратное – наличие у людей социального капитала привело к тому, что у них получилось скооперироваться и добиться от государства создания качественных институтов. В следующей статье эти же авторы (Knack and Zak, 2003) доказывают влияние качества институтов на уровень доверия. Согласно их расчетам, эндогенное изменение качества институтов приводило к изменению в последующих периодах уровня доверия. Воздействие институтов на социальный капитал может быть достаточно долгим. Так, даже через 30 лет после распада социалистического блока входившие в него страны при прочих равных все еще обладают меньшим уровнем социального капитала (Gaber et al., 2019).

– **Образование.** По мнению Хуанга (Huang et al., 2009), образование действительно, как предсказывает модель Табеллини, влияет на процесс накопления социального капитала, так как образовательные учреждения являются первыми общественными институтами, с которыми сталкивается человек. Кроме того, школа закладывает в учеников не только знания, но и общественные нормы, в том числе связанные с взаимодействием со сверстниками и старшими, доверием и уважением друг к другу. Анализ авторов показал, что большинство эмпирических оценок показывает положительную связь между образованием и социальным капиталом: люди, которые при прочих равных учились дольше и в лучших школах и которые находятся в окружении людей с лучшим образованием, демонстрируют значительное влияние образования на участие в добровольных ассоциациях и менее значительное, но значимое влияние образования на уровень доверия. В то же время сила эффекта от образования варьируется во времени и по странам. Например, в США влияние образования на социальный капитал выше, чем в других странах, что связано, на взгляд авторов, с длительной традицией функционирования гражданского общества.

– **Гомогенность общества.** То, насколько едино или поляризовано общество, также влияет на его уровень социального капитала. Нак и Кифер (Knack and Keefer, 1997) объясняют это тем, что в разделенных обществах социальные нормы и круги доверия могут распространяться не на всех граждан, а только на представителей своей группы. Из-за этого внутри группы связи будут крепки, но между группами доверие будет низким, что приведет не к кооперации, а к поиску ренты для своей группы. Свои выводы авторы

подтверждают эмпирической проверкой. По их данным, в странах, в которых наблюдается больший уровень неравенства (измеряемый с помощью коэффициента Джини) и большая этническая гетерогенность, ниже уровень социального капитала.

– **Культура.** Социокультурные ценности также тесно связаны с социальным капиталом. Так, из статьи Кааса (Kaasa, 2019) следует, что три из четырех ценностей по Хофстеде влияют на социальный капитал: дистанция власти и маскулизм отрицательно влияют на все показатели социального капитала, когда как избегание неопределенности положительно влияет на доверие и силу социальных связей, но отрицательно – на участие в ассоциациях. По оценкам Гланвилл и Ши (Glanville and Shi, 2019), на социальный капитал также отрицательно влияет коллективизм общества: чем больше в обществе уровень индивидуализма, тем больше в нем уровень социального капитала, так как в коллективистских обществах социальное взаимодействие происходит обычно лишь внутри узкой социальной группы.

– **Религия.** Согласно Ла Порте и его коллегам (LaPorta et al., 1996), меньше социального капитала наблюдается у тех народов, где более распространено иерархичное устройство веры – католичество, православие или ислам. Хотя не до конца ясно, что является причиной, а что следствием. Это свидетельствует о тесной связи между социальным капиталом и тем, как устроены в обществе неформальные институты. При этом уровень религиозности также влияет на социальный капитал. Согласно Гуизо, Сапиенцы и Зингалису (Guiso et al., 2003), люди, получившие религиозное образование, а также те, кто чаще посещают службы, имеют более высокий уровень социального капитала вне зависимости от конфессии.

– **Наличие коммуникаций между людьми.** Уровень социального капитала зависит не только от качества социальных связей, но и от их количества, поэтому наличие инфраструктуры для установления связей может способствовать накоплению социального капитала. Эта взаимосвязь также подтверждается работой Нака и Зака (Knack and Zak, 2003): сокращение «социальной дистанции», достигаемое с помощью создания транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, приводит к росту уровня доверия.

– **Социальная инфраструктура.** Социальный капитал (особенно формальный) требует инфраструктуры, с помощью которой люди могут устанавливать связи между собой. Такой инфраструктурой часто служат общественные пространства, и их появление / исчезновение может привести к появлению / исчезновению и социального капитала. Так, в Дании сокращение в сельской местности количества библиотек, которые служили одними из основных общественных пространств, привело, по оценке Свендсена (Svendsen, 2013), к снижению уровня социального капитала. Связано это с тем, что библиотеки проводили публичные мероприятия с жителями, властями и публичными организациями, что упрощало между ними коммуникацию.

– **Медиа.** Еще Патнем (Putnam, 1993) в своих ранних исследованиях отмечал важную роль СМИ в накоплении социального капитала. По его мнению, падение уровня доверия в американском обществе связано в том числе и с ростом просмотра телевизора, так как, во-первых, на это уходит время,

которое люди раньше тратили на социальную коммуникацию. Во-вторых, программа передач многих каналов состоит либо из детективов и боевиков, либо из криминальных новостей, что может создавать у зрителей ощущение опасности окружающего мира и вызывать недоверие к обществу. Однако последующие работы показали, что влияние телевидения на социальный капитал более сложное: согласно Усланеру (Uslaner, 1998), при учете других социокультурных факторов общее влияние телевидения на уровень доверия незначительно. Более того, косвенные данные, используемые автором, показывают, что просмотр теленовостей положительно коррелирует с уровнем гражданской вовлеченности, так как интерес к новостям связан с тем, что происходит в обществе.

– **Интернет.** Появление Интернета привело к рождению новых способов коммуникации, что могло как способствовать накоплению социального капитала за счет упрощения связи между людьми, так и приводить к его разрушению из-за того, что Интернет мог стать источником стресса и заменой живому общению между людьми. Как показывает работа Уэлманна и его коллег (Wellman et al., 2001), распространение Интернета не влияет на объем социального капитала, но позволяет его реализовывать иными способами, тем самым повышая его продуктивность. При этом Интернет воздействует на онлайн-сообщества: чем больше люди пользуются им, тем меньше они в них участвуют. Такой парадоксальный результат авторы связывают с тем, что при распространении Интернета в нем появляется больше пользователей, оставляющих неприятные комментарии, из-за чего люди стараются меньше участвовать в сообществах, где их могут обидеть. Несколько иные результаты на азиатских данных получили Хуанг, Ванг и Ксючуан (Huang et al., 2017): хотя напрямую распространение и частота использования Интернета не влияет на уровень социального капитала, всемирная сеть способствует неполитическим коллективным действиям граждан (за счет упрощения коммуникации), которые, в свою очередь, помогают формированию доверия между людьми.

Как видим, на социальный капитал может оказывать влияние большое количество сторонних факторов. На некоторые из них повлиять нельзя (так, современное государство не может поменять вероисповедание у граждан), однако многие из них вполне могут быть объектом государственной политики. Поэтому методология последующего исследования основана на изучении программ (реализуемых государствами и институтами развития, которые влияют на описанные выше факторы и которые, согласно эмпирическим расчетам, приводят к накоплению социального капитала), а также на их классификации на основании имеющихся моделей социального капитала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первой попыткой эмпирически выяснить, какая политика государства может привести к накоплению социального капитала, является статья Нака и Зака (Knack and Zak, 2003). Авторы действовали следующим образом: они оценили, как коррелирует изменение уровня межличностного доверия с изме-

нениями тех факторов, которые способствуют его накоплению, после чего посмотрели, какое изменение в политике властей могло привести к изменению как данного фактора, так и уровня доверия.

Согласно их расчетам, к накоплению социального капитала приводит улучшение качества институтов, снижение уровня неравенства и сокращение «социальной дистанции» (т. е. издержек на коммуникацию между людьми). При этом авторы выявили меры, которые помогают или не помогают в достижении поставленных целей:

- улучшение институциональной среды статистически связано с накоплением человеческого капитала, а также с улучшением индексов гражданских свобод и независимости СМИ, при этом рост расходов на поддержание правопорядка не приводит к улучшению качества институтов;
- обеспечение доступа к среднему и высшему образованию, а также рост расходов на социальное обеспечение приводит к снижению неравенства;
- увеличение доли асфальтированных дорог и количества стационарных и мобильных телефонов на 1 000 жителей приводит к сокращению «социальной дистанции».

Анализируя эти меры, авторы приходят к выводу, что асфальтирование дорог и развитие системы телекоммуникаций для увеличения уровня социального капитала неэффективны: отдача от увеличения социального капитала будет меньше, чем расходы на создание данной инфраструктуры. Поэтому оптимальной с точки зрения выгод и издержек политикой, направленной на накопление социального капитала, будет, согласно авторам, улучшение системы образования (в том числе расширение доступа к бесплатному обучению для бедных), трансферты, направленные на снижение уровня неравенства, а также расширение гражданских свобод и независимости прессы.

В настоящей статье мы сфокусируемся на первых двух направлениях. Хотя расширение прав граждан, безусловно, способствует накоплению социального капитала, маловероятно, что представители власти будут осуществлять переход от экстрактивных к инклюзивным институтам ради роста уровня доверия. В то же самое время и устранение неравенства, и накопление человеческого капитала представляются целями, которые могут перед собой поставить и авторитарные, и демократические правительства, поэтому данные направления стоит рассматривать как реалистичные институциональные альтернативы для органов власти.

Стоит отметить, что единого метода борьбы с неравенством и низким качеством образования нет – есть различные программы и инструменты, которые по-разному помогают достичь поставленной цели. И они по-разному влияют на социальный капитал. Часть программ работают в логике модели Глайзера – Лайбсона – Сакердота, где уровень социального капитала зависит от инвестиционного решения отдельного индивида. Данные программы изменяют соотношение выгод и издержек, в результате чего у людей появляется больше стимулов кооперироваться и доверять друг другу. Примерами таких программ могут служить системы грантов для местных добровольных ассоциаций, которые должны совместно на государственные деньги обеспечивать общественные блага.

Впервые влияние подобных мер на социальный капитал описали Упхофф и Вийяратна (Uphoff and Wijayaratna, 2002). Суть описываемой авторами политики в Шри-Ланке заключается в том, что в местных сообществах государством создаются комитеты из местных жителей, которым выдают деньги на развитие ирригационной системы, если они сами будут принимать решения об ее управлении. Необходимость управлять деньгами для самостоятельного создания общественных благ может, по мнению авторов, привести к выстраиванию устойчивых социальных связей, что, в свою очередь, будет способствовать формированию социального капитала. Результатом программы стало не только то, что в сообществах, которые стали объектом политики, сформировались нормы доверия и кооперации, но и к росту эффективности сельского хозяйства за счет более качественной ирригационной системы.

Схожий проект был реализован Всемирным Банком в начале 2000-х годов в Таиланде. Согласно Чейзу и Кристенсену (Chase and Christensen, 2009), программа «Социальный инвестиционный фонд» заключалась в выделении сельским общественным организациям денег на реализацию ими проектов, которые будут полезны всему сообществу и связаны с развитием экономики, инфраструктурой, социальной защитой, защитой природных ресурсов и культурного наследия. В результате реализации этой политики она не только улучшила экономическое и социальное положение жителей сел – участников, но и привела к росту уровня социального капитала в сравнении с селами, которых не затронула программа. Так, в селах, включенных в программу, люди в большей степени готовы самостоятельно вкладываться в систему взаимопомощи и общественные блага; в сообществах увеличилось количество горизонтальных связей между жителями.

Кроме того, подобные программы, создавая кооперацию между предпринимателями и подталкивая их к гибридным формам организации производства, могут способствовать экономическому росту. Примером этого может быть политика поддержки индустриальных районов (ассоциаций малых предпринимателей, работающих в одном секторе экономики и одной географической зоне) в Южной Италии, заключающаяся в проведении грантового конкурса лучших проектов развития этих районов, принимать участие в котором могли ассоциации местных предпринимателей. Кюзимано (Cusimano, 2014), анализируя результаты этой политики, показывает, что она была эффективной: получение гранта привело не только к формированию новых стабильно работающих добровольных ассоциаций (что означает рост количества и качества социальных связей, а значит, и накопление социального капитала), но и к более высоким темпам экономического роста и снижению безработицы в районе.

При этом подобного рода программы могут иметь свои побочные эффекты. Так, проект поддержки кооперации жителей города Давао на юге Филиппин вокруг управления местными водными ресурсами, согласно Хирну и Пауэллу (Hearne and Powell, 2014), привел к росту доверия внутри групп интересов (бизнес, академия, некоммерческие организации), но к падению доверия к представителям противоположных групп. Из этого авторы делают вывод, что программы поддержки кооперации могут создать социальный капитал

среди участников, во многом подталкивая их к действиям, свойственным единой группе интересов, но за счет роста недоверия к группам с противоположными интересами. Еще один побочный эффект – разрушение неформальных систем кооперации. Это следует из работы Лабонна и Чейза (Labonne and Chase, 2011), посвященной еще одной филиппинской программе, в рамках которой сельским сообществам выделяются гранты на обновление инфраструктуры. Программа привела к росту участия в сельских собраниях, увеличения количества встреч властей с местными жителями и росту уровня межличностного доверия. В то же самое время в селах, где реализовывалась политика, сократилось членство в уже существовавших неформальных ассоциациях, а также активность этих ассоциаций. Отсюда делаем вывод, что значительная доля успеха меры связана с формализацией части уже существовавших неформальных связей. Впрочем, учитывая то, что, согласно Вутноу (Wuthnow, 2002), формальный социальный капитал более продуктивен, чем неформальный, данная трансформация, скорее, выгодна для общества.

Кроме того, в целом политика нивелирования имущественного неравенства положительно влияет на социальный капитал. Так, по данным Ферраджини (Ferragina, 2017), рост уровня декоммодификации (т. е. возможности поддерживать приемлемый образ жизни без участия на рынке) в странах Европы положительно связан с ростом объема социального капитала. Обусловлено это, по мнению автора, тем, что рост социальной защищенности приводит к тому, что барьеры между малоимущими и остальными гражданами снижаются, за счет чего им проще образовывать больше социальных связей. При этом важно именно то, насколько способна социальная система обезопасить всех малоимущих от социальных шоков. Например, объем финансирования социальных программ, по расчетам Ферраджини, положительного влияния на социальный капитал не оказывает.

Второй тип мер, направленных на накопление социального капитала, работает в логике модели Табеллини. Основная идея данных мер заключается в том, что люди не доверяют друг другу и не кооперируются не из-за того, что считают конкретные коммуникации невыгодными, а из-за поведенческих установок, которые в принципе дестимулируют социальное взаимодействие. Поэтому только давать деньги в обмен на кооперацию недостаточно, так как люди в принципе могут не иметь запроса на кооперацию. Необходимо воздействовать на нормы, что возможно как через изменение представлений о выгоде кооперации у взрослых, так и через систему образования.

Первый путь в большинстве случаев связан с политикой условных денежных переводов, которая стала крайне распространенной в странах Латинской Америки на рубеже веков. Общая идея заключается в том, что беднейшим жителям обещают выплату денег от государства при выполнении двух условий – достижении целевых показателей программы (обычно они связаны со здоровьем и образованием детей) и участии в общественных собраниях, на которых жители вместе с экспертами обсуждают свои действия, а также то, как потом они потратят деньги. В результате за счет постоянной коммуникации и обмена опытом между участниками формируются социальные

связи и склонность взаимодействовать, которая остается и по завершении программы.

Это подтверждает и эмпирический анализ последствий подобных мер. Так, программа социальной помощи “Familiasen Acciòn”, по оценкам Аттаназио, Пеллерано и Полани (Attanasio et al., 2009), способствовала накоплению социального капитала в Колумбии. Суть программы была в том, что около 1,5 миллион бедных женщин с детьми (в основном в случайно выбранных селах) государство выплачивало деньги в том случае, если их дети посещают школу, и дети, и мать проходят медицинское обследование, а также если женщины посещают собрания, на которых они с другими участниками программы должны обсуждать возможное применение полученных денег. В результате такие женщины, по свидетельству авторов, не только совместно тратили полученные трансферты, но и договаривались о совместных действиях вне собраний, что свидетельствует об установлении социальных контактов и росте уровня доверия. Проведенные уже после окончания программы эксперименты показали, что в тех селах, в которых осуществлялась программа и проходили собрания, участники больше инвестировали в общественные блага, что говорит о более высоком уровне социального капитала.

Похожего успеха достигла и программа «Золотые 1000 дней», реализованная в Непале. Фитцсимонс и ее коллеги (Fitzsimons et al., 2019) описывают ее как политику, направленную не только на реализацию коллективных проектов жителей непальских сел, но и улучшение здоровья местных детей. Устроена программа была следующим образом: молодые матери объединялись в группы по 8–10 человек, где они должны были вместе с приглашенным экспертом обсуждать то, как они могут решить определенную проблему, связанную с детским недоеданием и болезнями. Если за 100 дней группа приходит к ответу и достигает поставленную экспертом цель, то все сообщество получает деньги, которые можно потратить лишь на общее дело, после чего начинается новый этап. Экспериментальные данные показали, что участие села в программе привело к росту уровня доверия и плотности социальных связей, причем эффект остался и по ее окончании.

Подобные программы эффективны не только в развивающихся странах. Пример европейской программы “LEADER” (Christoforou, 2017), заключающейся в предоставлении денег сообществам на местные проекты при условии, что они образуют «группы активности» и будут взаимодействовать с внешними агентами (в первую очередь экспертами и предпринимателями), показал, что эти меры могут способствовать накоплению социального капитала (выражающегося в более активном участии в общественных организациях) и в развитых странах. Однако далеко не всегда такая политика может быть успешной. Опыт Марокко (Nguyen and Rieger, 2017) продемонстрировал, что если в распределение средств вмешиваются местные власти, то, хотя навыки кооперации у ее непосредственных участников выработаются, роста уровня доверия и альтруизма не будет: политика будет восприниматься как очередная мера властей, в которой сами жители особо не участвуют.

Впрочем, программы условных денежных переводов – неединственная разновидность социальной политики, которая может повлиять на предпо-

чтения в области кооперации. Положительно повлияла на социальный капитал и проводимая в Танзании программа «Лучшее будущее», описанная Кайл и ее коллегами (Kail et al., 2020). Суть программы заключается в том, что подростков, у которых нет родителей, отдают опекунам, при этом правительство оплачивает семьям все расходы на образование и здравоохранение, выдает микрозаймы на развитие бизнеса и проводит трудовое обучение. Авторы считают, что рост социального капитала среди подростков связан с тем, как оказывается помощь: все меры поддержки идут через сельское сообщество (все услуги, оплачиваемые государством, предоставляются внутри села и жителями села), что, по мнению авторов, приводит к тому, что у них складываются нормы социального взаимодействия со своими соседями.

Второй путь обусловлен изменениями в системе образования, которые могут способствовать росту уровня социального капитала. Исследования в области образования показывают, что принципы организации учебного процесса оказывают большое влияние на уровень доверия школьников к людям: он выше там, где отношения менее иерархичны и школьников подталкивают к выстраиванию связей друг с другом (например, с помощью систем школьного самоуправления) (Virtanen et al., 2013).

Пример политики в сфере образования, которая бы привела к накоплению социального капитала, есть и в России. Как показывает исследование Петро (Petro, 2001), после распада СССР местные власти в Новгородской области стали активно продвигать новую идентичность своего региона, основанную на истории Новгородской республики и купеческих традициях ее столицы. Делалось это не только через публичные выступления, но и через курс регионоведения в школах, посвященный торговым традициям. В результате к началу XXI века в регионе наблюдался рост уровня социального капитала (измеряемого через количество добровольных ассоциаций) до значений, не свойственных российскому региону без мегаполиса и с неблагоприятной социально-экономической ситуацией. При этом потенциальное объяснение данного феномена как исторической закономерности неверно, так как данный эффект не наблюдается в других регионах, где в Средние века была Новгородская или Псковская республика. Это позволяет предположить, что перед нами, действительно, результат проводимой государством политики (пусть и не с целью увеличить социальный капитал).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из представленного выше анализа, социальный капитал вполне может быть объектом политики государства. Меры, которые могут помочь в его накоплении, включают в себя создание финансовых стимулов для коллективных действий, подталкивание к формированию организаций, в которых люди нарабатывают навыки кооперации. Кроме того, эффективны изменения в системе образования, способствующие зарождению новых норм общественного взаимодействия у школьников и студентов. Общие меры по снижению имущественного неравенства также способствуют установлению доверия и социальных связей между людьми.

Как должны выглядеть эти меры в России? Ответ на этот вопрос требует более детального изучения, однако, опираясь на полученные в данной работе результаты, можно сделать несколько предположений. Говоря об эффективной политике по стимулированию социального капитала, стоит учесть, что для нашей страны крайне актуальна проблема не только недостатка социального капитала, но и серьезного неравенства доходов: в России наблюдается одно из самых высоких значений индекса Джини среди европейских стран; по данным Росстата, 12,3 % граждан находятся за чертой бедности¹. Это означает, что в России наблюдается низкий уровень декоммодификации, а значит, его изменение может привести к значительному росту социального капитала.

Если говорить о возможном дизайне такого рода политики, то стоит обратить внимание на данные World values survey (Inglehart et al., 2014). Согласно им, в России достаточно распространено, в сравнении с развитыми странами, оправдание антисоциальных поступков – уклонения от налогов, «безбилетничества», получения необоснованных пособий. Это дает основание предполагать, что политика по стимулированию накопления социального капитала должна быть направлена, скорее, на формирование подходящих социальных норм. Учитывая, что, согласно данным Гудкова (Гудков, 2012), основной недостаток социального капитала наблюдается в промышленных городах величиной менее 500 000 человек, можно предположить, что именно там стоит проводить политику условных денежных трансфертов, реализованную до этого в развивающихся странах, тем более что эти города в основном находятся в депрессивном состоянии, а их жители нуждаются как в социальной поддержке, так и в предоставлении помощи для развития собственного бизнеса. Впрочем, наиболее подходящий дизайн такой политики, который предотвратит чрезмерное вмешательство бюрократического аппарата, – тема отдельного исследования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (2020 год) «Влияние социального капитала на экономическое развитие в постколлективистских обществах (на примере Северного Кавказа)».

Библиографический список

Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2. С. 8–47.

Едачев А. И., Натхов Т. В., Полищук Л. И. Война и ценности: опыт эмпирического анализа // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 5–33. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-3-5-33.

¹ Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), в целом по России и по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. 2020. 29 апр. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed2-7.htm (дата обращения: 06.05.2020).

- Algan Y., Cahuc P.* Inherited trust and growth // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100, № 5. P. 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060.
- Ananyev M., Guriev S.* Effect of income on trust: Evidence from the 2009 economic crisis in Russia // *The Economic Journal*. 2019. Vol. 129, № 619. P. 1082–1118. DOI: 10.1111/econj.12612.
- Attanasio O., Pellerano L., Polanía S.* Building trust? Conditional cash transfers and social capital // *Fiscal Studies*. 2009. Vol. 30, № 2. P. 139–177. DOI: 10.1111/j.1475-5890.2009.00092.x.
- Balliet D., Lange van P.* Trust, conflict, and cooperation: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2013. Vol. 139, № 5. P. 1090–1112. DOI: 10.1037/a0030939.
- Behtoui A., Neergaard A.* Social capital and the educational achievement of young people in Sweden // *British Journal of Sociology of Education*. 2016. Vol. 37, № 7. P. 947–969. DOI: 10.1080/01425692.2015.1013086.
- Bourdieu P.* The forms of capital // *Handbook for theory and research for the sociology of education* / Ed. by J. Richardson. NY: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Chase R., Christensen R. N.* Building social capital // *Handbook of social capital: The troika of sociology, political science and economics* / Ed. by G. T. Svendsen, G. L. H. Svendsen. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 428–444.
- Christoforou A.* Social capital and local development in European rural areas: Theory and empirics // *Social capital and local development* / Ed. by E. Pisani, G. Franceschetti, L. Secco et al. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 43–60. DOI: 10.1007/978-3-319-54277-5_3.
- Coleman J. S.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. S95–S120. DOI: 10.1086/228943.
- Cusimano A.* La valutazione ex-post dei progetti integrati territoriali: un'analisi econometrica: tesi di laurea per il Dottorato di Ricerca in Analisi Economiche, Innovazione Tecnologica e Gestione delle Politiche per lo Sviluppo Territoriale (XXIV Ciclo). Palermo: Università degli Studi di Palermo, 2014. 131 p.
- Durante R.* Risk, cooperation and the economic origins of social trust: An empirical investigation: working paper. 2009. 45 p. DOI: 10.2139/ssrn.1576774 [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1576774 (дата обращения: 02.05.2020).
- Ferragina E.* The welfare state and social capital in Europe: Reassessing a complex relationship // *International Journal of Comparative Sociology*. 2017. Vol. 58, № 1. P. 55–90. DOI: 10.1177/0020715216688934.
- Fitzsimons E., Rodríguez-Lesmes P., Stein D. et al.* Building social capital: Poor impacts or poor measurements?: working paper, El Colegio de México. 2019. 17 p. [Электронный ресурс]. URL: https://sisistemas.colmex.mx/Reportes/LACEALAMES/LACEA-LAMES2019_paper_257.pdf (дата обращения: 02.05.2020).
- Fukuyama F.* Social capital, civil society and development // *Third World Quarterly*. 2001. Vol. 22, № 1. P. 7–20. DOI: 10.1080/713701144.
- Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K. et al.* Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // *Economics of Transition and Institutional Change*. 2019. Vol. 27, № 1. P. 99–137. DOI: 10.1111/ecot.12207.

Glaeser E. L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to social capital // *The Economic Journal*. 2002. Vol. 112, № 483. P. F437–F458. DOI: 10.1111/1468-0297.00078.

Glanville J. L., Shi Q. The Extension of particularized trust to generalized and out-group trust: The constraining role of collectivism // *Social Forces*. 2019. soz114. 28 p. DOI: 10.1093/sf/soz114.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People's opium? Religion and economic attitudes // *Journal of Monetary Economics*. 2003. Vol. 50, № 1. P. 225–282. DOI: 10.1016/S0304-3932(02)00202-7.

Hearne D., Powell B. Too much of a good thing? Building social capital through knowledge transfer and collaborative networks in the southern Philippines // *International Journal of Water Resources Development*. 2014. Vol. 30, № 3. P. 495–514. DOI: 10.1080/07900627.2014.898579.

Huang J., Brink van den H. M., Groot W. A meta-analysis of the effect of education on social capital // *Economics of Education Review*. 2009. Vol. 28, № 4. P. 454–464. DOI: 10.1016/j.econedurev.2008.03.004.

Huang M.-h., Whang T., Xuchuan L. The Internet, social capital, and civic engagement in Asia // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 132, № 2. P. 559–578. DOI: 10.1007/s11205-016-1319-0.

Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A. et al. World values survey: Round six – country-pooled datafile 2010–2014. Madrid: JD Systems Institute, 2014. 898 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 04.05.2020).

Kaasa A. Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values // *Journal of International Studies*. 2019. Vol. 12, № 1. P. 9–32. DOI: 10.14254/2071-8330.2019/12-1/1.

Kail B., Pardasani M., Chazin R. The better future international's family care model in Tanzania: Creating social capital as a means to empowerment in social work practice // *International Social Work*. 2020. DOI: 10.1177/0020872819884986.

Kawachi I., Berkman L. F. Social cohesion, social capital, and health // *Social Epidemiology* / Ed. by L. F. Berkman, I. Kawachi. NY: Oxford University Press, 2000. P. 174–190.

Knack S. Social capital and the quality of government: Evidence from the States // *American Journal of Political Science*. 2002. Vol. 46, № 4. P. 772–785. DOI: 10.2307/3088433.

Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, № 4. P. 1251–1288. DOI: 10.1162/003355300555475.

Knack S., Zak P. J. Building trust: Public policy, interpersonal trust, and economic development // *Supreme Court Economic Review*. 2003. Vol. 10. P. 91–107.

Labonne J., Chase R. S. Do community-driven development projects enhance social capital? Evidence from the Philippines // *Journal of Development Economics*. 2011. Vol. 96, № 2. P. 348–358. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2010.08.016.

LaPorta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A. et al. Trust in large organizations // *American Economic Review Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87, № 2. P. 333–338.

Nguyen T. C., Rieger M. Community-driven development and social capital: Evidence from Morocco // *World Development*. 2017. Vol. 91 (C). P. 28–52. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.10.013.

Ostrom E. Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 281 p.

Petro N. N. Creating social capital in Russia: The Novgorod model // *World Development*. 2001. Vol. 29, № 2. P. 229–244. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00101-7.

Putnam R. The prosperous community: Social capital and public life // *The American Prospect*. 1993. Vol. 13, № 4. P. 35–42.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993. 258 p.

Satyanath S., Voigtländer N., Voth H.-J. Bowling for fascism: Social capital and the rise of the Nazi Party // *Journal of Political Economy*. 2017. Vol. 125, № 2. P. 478–526. DOI: 10.1086/690949.

Savioli M., Patuelli R. Social capital, institutions and policymaking // *Economics Discussion Papers*. 2016. № 2016-26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2016-26> (дата обращения: 30.04.2020).

Svendsen G. L. H. Public libraries as breeding grounds for bonding, bridging and institutional social capital: The case of branch libraries in rural Denmark // *Sociologiaruralis*. 2013. Vol. 53, № 1. P. 52–73. DOI: 10.1111/soru.12002.

Tabellini G. The scope of cooperation: Values and incentives // *The Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123, № 3. P. 905–950. DOI: 10.1162/qjec.2008.123.3.905.

Uphoff N., Wijayaratna C. M. Demonstrated benefits from social capital: The productivity of farmer organizations in Gal Oya, Sri Lanka // *World Development*. 2002. Vol. 28, № 11. P. 1875–1890. DOI: 10.1016/S0305-750X(00)00063-2.

Uslaner E. Producing and consuming trust // *Political Science Quarterly*. 2000. Vol. 115, № 4. P. 569–590. DOI: 10.2307/2657610.

Uslaner E. Social capital, television, and the “mean world”: Trust, optimism, and civic participation // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19, № 3. P. 441–467. DOI: 10.1111/0162-895X.00113.

Virtanen M., Ervasti J., Oksanen T. et al. Social capital in schools // *Global perspectives on social capital and health* / Ed. by I. Kawachi, S. Takao, S. V. Subramanian. NY: Springer, 2013. P. 65–85. DOI: 10.1007/978-1-4614-7464-7_3.

Wellman B., Haase A. Q., Witte J. et al. Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment // *American Behavioral Scientist*. 2001. Vol. 45, № 3. P. 436–455. DOI: 10.1177/00027640121957286.

Wuthnow R. Loose connections: Joining together in America's fragmented communities. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 288 p.

Zak P. J., Knack S. Trust and growth // *The Economic Journal*. 2001. Vol. 111, № 470. P. 295–321. DOI: 10.1111/1468-0297.00609.

Информация об авторе

Ситкевич Даниил Андреевич – научный сотрудник научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Фонда «Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара», 125993, Россия, г. Москва, Газетный пер., 3–5, стр. 1, аспирант кафедры прикладной институциональной экономической теории экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-6498-1747

ResearcherID: AAD-1028-2019

Электронный адрес: Sitkevich@iep.ru

Статья получена 11 мая 2020 года

UDC 330.16

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-231-252

ANALYSIS OF BUILDING SOCIAL CAPITAL AND SUPPORTING COLLECTIVE ACTION POLICIES

Daniil A. Sitkevich

Gaidar Institute for Economic Policy (The Gaidar Institute),
3–5/1 Gazetny lane, Moscow, 125993, Russia

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory str.,
Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0002-6498-1747

ResearcherID: AAD-1028-2019

E-mail: Sitkevich@iep.ru

For citation:

Sitkevich, D. A. (2020), “Analysis of building social capital and supporting collective action policies”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 231–252, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-231-252.

Introduction: the article reviews the issue of developing a successful policy of accumulating social capital, increasing the level of interpersonal trust and the number of collective actions (including economic cooperation).

Objectives: to study and systematize the potential directions of state policy in the field of social capital accumulation.

Methods: theoretical research, system analysis method, case study method.

Results: the key theoretic approaches to the description of social capital accumulation have been identified; the factors which influence the level of social capital in the society have been revealed; the mechanisms of stimulating social capital and cooperation have been analyzed and the experience of the policy application have been demonstrated.

Conclusions: although no government has ever started any policy aimed at building social capital, there are some examples of successful measures which resulted in its accumulation. They are mostly connected either with the change in social norms related to interpersonal cooperation (these are achieved through the educational system and support of interpersonal communication), or with the creation of monetary stimuli for cooperation. Moreover, the increase in the level of trust may also be influenced by the programs, aimed at addressing social inequality and promoting the quality of education.

Keywords: social capital; cooperation; collective action; interpersonal trust; economic policy; conditional cash payments programs; social norms; human resources management

Acknowledgements

The research has been funded through the research project of Gaidar Institute for Economic Policy (The Gaidar Institute) (2019) “Social capital influence on economic development of post-collective societies (based on the example of Northern Caucasus)”.

References

- Gudkov, L. D. (2012), “Trust” in Russia: Meaning, function, structure”, *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 2, pp. 8–47.
- Edachev A., Natkhov T., Polishchuk L. (2016), “War and values: An empirical analysis”, *Voprosy Ekonomiki*, no. 3, pp. 5–33, doi: 10.32609/0042-8736-2016-3-5-33.
- Algan, Y. and Cahuc, P. (2010), “Inherited trust and growth”, *American Economic Review*, vol. 100, no. 5, pp. 2060–2092, doi: 10.1257/aer.100.5.2060.
- Ananyev, M. and Guriev, S. (2019), “Effect of income on trust: Evidence from the 2009 economic crisis in Russia”, *The Economic Journal*, vol. 129, no. 619, pp. 1082–1118, doi: 10.1111/eoj.12612.
- Attanasio, O., Pellerano, L. and Polanía, S. (2009), “Building trust? Conditional cash transfers and social capital”, *Fiscal Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 139–177, doi: 10.1111/j.1475-5890.2009.00092.x.
- Balliet, D. and Lange van, P. (2013), “Trust, conflict, and cooperation: A meta-analysis”, *Psychological Bulletin*, vol. 139, no. 5, pp. 1090–1112, doi: 10.1037/a0030939.
- Behtoui, A. and Neergaard, A. (2016), “Social capital and the educational achievement of young people in Sweden”, *British Journal of Sociology of Education*, vol. 37, no. 7, pp. 947–969, doi: 10.1080/01425692.2015.1013086.
- Bourdieu, P. (1986), “The forms of capital”, in Richardson, J. (ed.), *Handbook for theory and research for the sociology of education*, Greenwood, NY, US, pp. 241–258.
- Chase, R. and Christensen, R. N. (2009), “Building social capital”, in Svendsen, G. T. and Svendsen, G. L. H. (eds.), *Handbook of social capital: The troika of sociology, political science and economics*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, pp. 428–444.
- Christoforou, A. (2017), “Social capital and local development in European rural areas: Theory and empirics”, in Pisani, E., Franceschetti, G., Secco, L. et al.

(eds.), *Social capital and local development*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 43–60, doi: 10.1007/978-3-319-54277-5_3.

Coleman, J. S. (1988), “Social capital in the creation of human capital”, *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95–S120, doi: 10.1086/228943.

Cusimano, A. (2014), “La valutazione ex-post dei progetti integrati territoriali, un’analisi econometrica”, tesi di laurea per il Dottorato di Ricerca in Analisi Economiche, Innovazione Tecnologica e Gestione delle Politiche per lo Sviluppo Territoriale (XXIV Ciclo), Università degli Studi di Palermo, Palermo, Italia.

Durante, R. (2009). “Risk, cooperation and the economic origins of social trust: An empirical investigation”, working paper, 45 p., doi: 10.2139/ssrn.1576774 [Online], available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1576774 (Accessed May 2, 2020).

Ferragina, E. (2017), “The welfare state and social capital in Europe: Reassessing a complex relationship”, *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 58, no. 1, pp. 55–90, doi: 10.1177/0020715216688934.

Fitzsimons, E., Rodríguez-Lesmes, P., Stein, D. et al. (2019), “Building social capital: Poor impacts or poor measurements?”, *Working paper, El Colegio de México*, 17 p. [Online], available at: https://sistemas.colmex.mx/Reportes/LACEALAMES/LACEA-LAMES2019_paper_257.pdf (Accessed May 2, 2020).

Fukuyama, F. (2001), “Social capital, civil society and development”, *Third World Quarterly*, vol. 22, no. 1, pp. 7–20, doi: 10.1080/713701144.

Gaber, E., Polishchuk, L., Sokolov, K. et al. (2019), “Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition”, *Economics of Transition and Institutional Change*, vol. 27, no. 1, pp. 99–137, doi: 10.1111/ecot.12207.

Glaeser, E. L., Laibson, D. and Sacerdote, B. (2002), “An economic approach to social capital”, *The Economic Journal*, vol. 112, no. 483, pp. F437–F458, doi: 10.1111/1468-0297.00078.

Glanville, J. L. and Shi, Q. (2019), “The Extension of particularized trust to generalized and out-group trust: The constraining role of collectivism”, *Social Forces*, vol. 114, no. 28 p., doi: 10.1093/sf/soz114.

Guiso, L., Sapienza, P. and Zingales, L. (2003), “People’s opium? Religion and economic attitudes”, *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no. 1, pp. 225–282, doi: 10.1016/S0304-3932(02)00202-7.

Hearne, D. and Powell, B. (2014), “Too much of a good thing? Building social capital through knowledge transfer and collaborative networks in the southern Philippines”, *International Journal of Water Resources Development*, vol. 30, no. 3, pp. 495–514, doi: 10.1080/07900627.2014.898579.

Huang, J., Brink van den, H. M. and Groot, W. (2009), “A meta-analysis of the effect of education on social capital”, *Economics of Education Review*, vol. 28, no. 4, pp. 454–464, doi: 10.1016/j.econedurev.2008.03.004.

Huang, M.-h., Whang, T. and Xuchuan, L. (2017), “The Internet, social capital, and civic engagement in Asia”, *Social Indicators Research*, vol. 132, no. 2, pp. 559–578, doi: 10.1007/s11205-016-1319-0.

Inglehart, R., Haerpfer, C., Moreno, A. et al. (2014), *World values survey: Round six – country-pooled datafile 2010–2014*, JD Systems Institute, Madrid, Spain [Online], available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (Accessed May 4, 2020).

Kaasa, A. (2019), "Determinants of individual-level social capital: Culture and personal values", *Journal of International Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 9–32, doi: 10.14254/2071-8330.2019/12-1/1.

Kail, B., Pardasani, M. and Chazin, R. (2020), "The better future international's family care model in Tanzania: Creating social capital as a means to empowerment in social work practice", *International Social Work*, doi: 10.1177/0020872819884986.

Kawachi, I. and Berkman, L. F. (2000), "Social cohesion, social capital, and health", in Berkman, L. F. and Kawachi, I. (eds.), *Social Epidemiology*, Oxford University Press, NY, US, pp. 174–190.

Knack, S. (2002), "Social capital and the quality of government: Evidence from the States", *American Journal of Political Science*, vol. 46, no. 4, pp. 772–785, doi: 10.2307/3088433.

Knack, S. and Keefer, P. (1997), "Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288, doi: 10.1162/003355300555475.

Knack, S. and Zak, P. J. (2003), "Building trust: Public policy, interpersonal trust, and economic development", *Supreme Court Economic Review*, vol. 10, pp. 91–107.

Labonne, J. and Chase, R. S. (2011), "Do community-driven development projects enhance social capital? Evidence from the Philippines", *Journal of Development Economics*, vol. 96, no. 2, pp. 348–358, doi: 10.1016/j.jdeveco.2010.08.016.

LaPorta, R., Lopez-De-Silanes, F., Shleifer, A. et al. (1997), "Trust in large organizations", *American Economic Review Papers and Proceedings*, vol. 87, no. 2, pp. 333–338.

Nguyen, T. C. and Rieger, M. (2017), "Community-driven development and social capital: Evidence from Morocco", *World Development*, vol. 91 (C), pp. 28–52, doi: 10.1016/j.worlddev.2016.10.013.

Ostrom, E. (1990), *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*, Cambridge University Press, Cambridge, MA, US.

Petro, N. N. (2001), "Creating social capital in Russia: The Novgorod model", *World Development*, vol. 29, no. 2, pp. 229–244, doi: 10.1016/S0305-750X(00)00101-7.

Putnam, R. (1993), "The prosperous community: Social capital and public life", *The American Prospect*, vol. 13, no. 4, pp. 35–42.

Putnam, R., Leonardi, R. and Nanetti, R. (1993), *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*, Princeton University Press, Princeton, US.

Satyanath, S., Voigtländer, N. and Voth, H.-J. (2017), "Bowling for fascism: Social capital and the rise of the Nazi Party", *Journal of Political Economy*, vol. 125, no. 2, pp. 478–526, doi: 10.1086/690949.

Savioli, M. and Patuelli, R. (2016), "Social capital, institutions and policymaking", *Economics Discussion Papers*, no. 2016-26 [Online], available at: <http://www.economics-ejournal.org/economics/discussionpapers/2016-26> (Accessed Apr. 30, 2020).

Svendsen, G. L. H. (2013), "Public libraries as breeding grounds for bonding, bridging and institutional social capital: The case of branch libraries in rural Denmark", *Sociologiaruralis*, vol. 53, no. 1, pp. 52–73, doi: 10.1111/soru.12002.

Tabellini, G. (2008), "The scope of cooperation: Values and incentives", *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 123, no. 3, pp. 905–950, doi: 10.1162/qjec.2008.123.3.905.

Uphoff, N. and Wijayarathna, C. M. (2002), "Demonstrated benefits from social capital: The productivity of farmer organizations in Gal Oya, Sri Lanka", *World Development*, vol. 28, no. 11, pp. 1875–1890, doi: 10.1016/S0305-750X(00)00063-2.

Uslaner, E. (2000), "Producing and consuming trust", *Political Science Quarterly*, vol. 115, no. 4, pp. 569–590, doi: 10.2307/2657610.

Uslaner, E. (1998), "Social capital, television, and the "mean world": Trust, optimism, and civic participation", *Political Psychology*, vol. 19, no. 3, pp. 441–467, doi: 10.1111/0162-895X.00113.

Virtanen, M., Ervasti, J., Oksanen, T. et al. (2013), "Social capital in schools", in Kawachi I., Takao, S. and Subramanian, S. V. (eds.), *Global perspectives on social capital and health*, Springer, NY, US, pp. 65–85, doi: 10.1007/978-1-4614-7464-7_3.

Wellman, B., Haase, A. Q., Witte, J. et al. (2001), "Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment", *American Behavioral Scientist*, vol. 45, no. 3, pp. 436–455, doi: 10.1177/00027640121957286.

Wuthnow, R. (2002), *Loose connections: Joining together in America's fragmented communities*, Harvard University Press, Cambridge, MA, US.

Zak, P. J. and Knack, S. (2001), "Trust and growth", *The Economic Journal*, vol. 111, no. 470, pp. 295–321, doi: 10.1111/1468-0297.00609.

Received May 11, 2020

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 339.727.22

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-253-269

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛОК СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ

Е. А. ВАСЮКОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Васюков Е. А. Сравнительный анализ факторов привлекательности национальных экономик для трансграничных сделок слияний и поглощений // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 253–269. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-253-269.

Введение: с ростом глобализации мировой экономики сделки по трансграничным слияниям и поглощениям стали играть важную роль в экономическом развитии регионов мира. В статье анализируются ключевые факторы национальных экономик, которые имеют решающее значение при принятии решения о совершении сделок слияний и поглощений.

Цель: выработка рекомендаций для увеличения доли сделок слияний и поглощений в национальных экономиках стран БРИКС.

Методы: основой исследования послужили результаты анализа статистики по количеству и объему трансграничных сделок слияний и поглощений на примере стран группы БРИКС и развитых стран, макроэкономические прогнозы ключевых глобальных экономических институтов (Всемирный Банк, МВФ и др.), а также данные о качестве политических институтов от консалтинговых компаний и негосударственных агентств.

Результаты: выделены ключевые факторы, определяющие приток инвесторов для заключения сделок слияний и поглощений: динамика роста экономики, развитость политических институтов, ограничения на движения капитал, развитость финансового рынка. Проведен сравнительный анализ для развитых и развивающихся стран и даны рекомендации по купированию основных негативных явлений.

Выводы: в статье содержатся комплексные рекомендации для разработки и реализации политики привлечения иностранных инвестиций в форме трансграничных слияний и поглощений, а также мер, направленных на развитие международной экономической интеграции.

Ключевые слова: темп роста; потоки капитала; слияния и поглощения; инвестиции; экономическое развитие; политические институты; финансовые рынки

ВВЕДЕНИЕ

Прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) представляют собой важный фактор развития экономики и основной механизм глобальной экономической интеграции. Приток ПИИ имеет решающее значение для всех принимающих стран, особенно для тех, кто вовлечен в процесс перехода к рыночной экономике¹. С самого начала своей трансформации такие страны, как Индия, Китай, ЮАР сосредоточили внимание на широкомасштабной мобилизации ПИИ, поскольку у них было недостаточно собственных ресурсов для финансирования дорогостоящей имитационной модели технологической модернизации. Они создали условия для привлечения транснациональных корпораций и роста трансграничной деятельности по слияниям и поглощениям в качестве основного способа получения доступа к национальным рынкам (Lobanova et al., 2018).

С быстрым развитием технологий и глобализацией мировой экономики трансграничные сделки слияния и поглощения стали для многих компаний эффективным способом использования новых возможностей. Заключение подобных сделок помогает компаниям расширять и диверсифицировать существующие линейки продуктов и рынки, создавать новый бизнес, а также максимизировать финансовые возможности (Zhong, 2016).

В зарубежной литературе вопросам, связанным с трансграничными слияниями и поглощениями, посвящено значительное число публикаций. Подобные сделки часто рассматривались как ответные меры на внешние шоки (новое законодательство, прорывные технологии, ограничения ликвидности и конкуренции), что было отражено в работах (Cohen, 2007; Andrade and Stafford, 2004; Garita and Marrewijk, 2007). Другим направлением изучения стали сделки слияний и поглощений как контр-циклические меры (Bowman et al., 2015; Rao and Reddy, 2015). При этом большая часть работ сконцентрирована либо на теоретических аспектах слияний и поглощений, либо на эффектах от сделок слияний и поглощений на национальные экономики.

Несмотря на актуальность вопроса, мало внимания уделяется анализу факторов привлекательности национальных экономик для трансграничных сделок слияний и поглощений, особенно учитывая то влияние, которое такие сделки оказывают на мировую экономику. В данный исторический период уровень конкуренции за инвестиционные ресурсы как никогда высок. В связи с этим целью статьи является выработка рекомендаций для увеличения доли сделок слияний и поглощений в национальных экономиках стран БРИКС. Для этого будет проведен сравнительный анализ факторов привлечения трансграничных сделок слияний и поглощений между развитыми странами и странами БРИКС.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Мировой финансовый кризис 2008 года оказал существенное негативное влияние на рынок трансграничных слияний и поглощений, после чего восста-

¹ Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions 2018 [Электронный ресурс]: IMF. 2019. 86 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2019/04/24/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2018-46162> (дата обращения: 12.01.2020).

новление мировых экономик шло довольно медленными темпами на протяжении нескольких лет. В период с 2013 по 2017 год наметилась тенденция к росту объемов и количества сделок. В 2018 году глобальная стоимость сделок слияний и поглощений увеличилась примерно на 9 %, объем сделок – на 8 % (рис. 1). В первой половине 2019 года стоимость сделок слияний и поглощений стабилизировалась на уровне долгосрочных средних значений. Однако несколько тревожных тенденций сохраняются. В Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе произошло резкое снижение стоимости сделок по сравнению с первой половиной 2018 года. Только в Северной Америке наблюдался рост стоимости сделок в связи с заключением ряда мега-сделок (Kengelbach et al., 2019). Большинство отраслей испытали снижение стоимости сделок по сравнению с первой половиной 2018 года. Заметные исключения касались энергетических и промышленных компаний (отрасли, которые имеют низкую корреляцию с циклами в экономике).

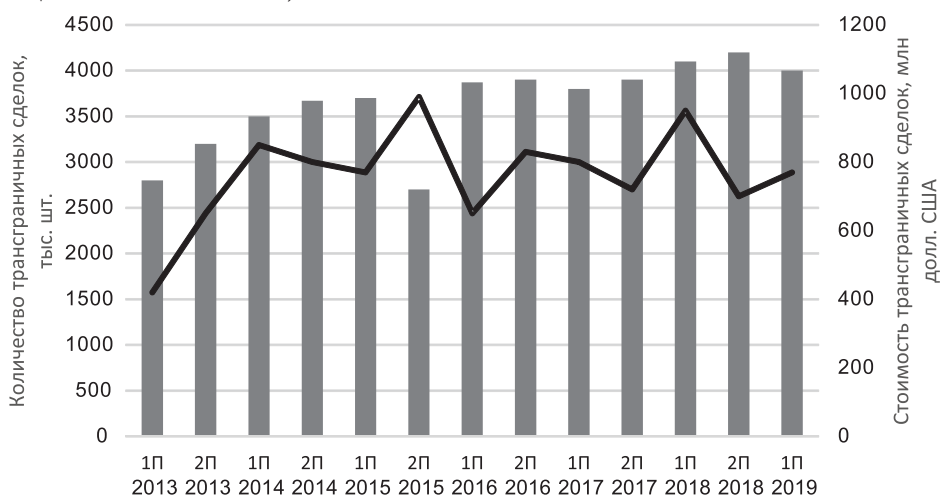

Рис. 1. Стоимость трансграничных сделок, млн долл. США. Количество трансграничных сделок, тыс. шт. / Fig. 1. Total value of cross-border M&A deals, mln USD. Volume of cross-border M&A deals, thousands

В этой связи особую значимость приобретают факторы, способствующие заключению сделок слияний и поглощений для корректировки внутренних политик привлечения подобного рода инвестиций в будущем.

Поскольку сделка слияний и поглощений представляет собой инвестиционный проект, конечное решение будет приниматься на основе достижения определенного уровня экономической эффективности. При расчете данного показателя для трансграничных сделок к ожидаемой доходности на капитал будет добавляться размер риска для конкретной страны (Aluko and Amidu, 2005).

Премия за страновой риск – это дополнительная доходность, требуемая инвесторами для компенсации более высокого риска, связанного с инвестированием в зарубежную страну, по сравнению с инвестированием на внутреннем рынке. Зарубежные инвестиционные возможности

сопровождается повышенным риском из-за множества геополитических и макроэкономических факторов, которые необходимо учитывать. Премия за страновой риск обычно выше для развивающихся рынков, чем для развитых (Bruner et al., 2002). Основными факторами, определяющими размер премии за страновой риск, и соответственно, привлекательность сделки, являются: динамика роста экономики; развитость политических институтов; ограничения на движение капитала; развитость финансового рынка (Garita and Marrewijk, 2007).

Для анализа *динамики роста экономики* будет рассмотрен показатель роста ВВП конкретных стран. Как правило, крупные рынки привлекают большее количество иностранных фирм за счет более широкого круга возможностей. При этом в поисках повышенной ожидаемой доходности компании часто рассматривают рынки с наиболее высокими показателями будущего роста ВВП. Данный показатель играет важную роль при принятии решения относительно инвестиций, так как показывает не только размер рынка (в абсолютном выражении), но и насколько эффективно текущий государственный аппарат управляет экономикой (Cohen, 2007). Используя этот показатель, в статье будет произведен поиск взаимосвязи между динамикой трансграничных сделок слияний и поглощений и ростом национальных экономик.

Развитость политических институтов. Опыт постсоциалистических стран показал, что результаты реформ во многом зависели от унаследованных макроэкономических проблем, отсутствия опыта работы на конкурентном рынке, участия в серьезных региональных конфликтах и удаленности от международного рынка (Efendic and Pugh, 2015). Пример этих стран показал, что успех трансформаций часто обусловлен качеством имеющейся институциональной среды (Beck and Laeven, 2006). Поэтому при принятии решения о покупке активов ставится вопрос о возможности и качестве интеграции международной компании на внутреннем рынке.

Экспертами Всемирного Банка на ежегодной основе рассчитываются индексы эффективности работы политических институтов и государственного управления², которые также учитывают качество разработки и реализации экономической политики, соблюдение законодательства экономическими агентами, качество исполнения контрактов, защиту прав собственности (Kaufmann et al., 2010). Индексы имеют значение от -2,5 (худший) до 2,5 (лучший).

Одной из наиболее важных переменных, которые могут оказать влияние на все формы ПИИ, является открытость и доступность операций с капиталом, ведь каждый инвестиционный проект имеет конечную точку (точку выхода из инвестиции), даже теоретическую (Andriuskevicius, 2015). Контроль операций с капиталом может осуществляться различными способами: через обязательное получение одобрения государственных органов; специальные требования по оценке компаний; необходимость получать дополнительные лицензии и разрешения; особые требования к капиталу покупателей

² WBG. The worldwide governance indicators [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/> (дата обращения: 12.01.2020).

или прямые запреты на сделки с определенными компаниями. Для оценки степени *ограничений на движение капитала* стоит рассмотреть два показателя из отчета о торговых и инвестиционных барьерах Европейской комиссии³:

- контроль входящего потока инвестиций. Рассчитывается относительно международных инвестиций, направленных на установление долгосрочных экономических отношений с целью производства товаров и услуг и позволяющих инвестору участвовать в управлении предприятием в рамках своей доли. Показатель включает в себя создание или расширение совместных предприятий, а также полное или частичное приобретение нового или существующего предприятия;

- контроль выхода из инвестиционных проектов. Относится к получению основной суммы, включая начальный капитал и прирост капитала, дополнительные инвестиции после реализации проекта.

В качестве важнейшей метрики *качества развития финансового рынка* будет рассмотрен показатель капитализации фондового рынка как доли в ВВП страны. Второй показатель – объем торгов как доля в ВВП страны – будет отражать ликвидность финансового рынка. Данный индикатор необходимо учитывать в связи с тем, что даже если конкретный фондовый рынок велик по капитализации, торговли на нем может и не быть (Chousa et al., 2008). Это довольно распространено в Индии, где расположены 23 региональных фондовых биржи, на которых по несколько дней не заключается ни одной сделки. В подобных случаях, исходя только из рыночной капитализации, можно сделать ошибочный вывод о развитости финансового рынка. Таким образом, этот показатель дополняет показатель капитализации фондового рынка, предоставляя гораздо более точную информацию о фондовом рынке страны.

Исторические данные по странам БРИКС и развитым странам по каждому из указанных факторов будут рассмотрены далее с целью выявления взаимосвязи и сравнительного анализа. Статистические данные по объему и динамике рынка слияний и поглощений взяты из баз данных ведущих мировых консалтинговых компаний; источниками макроэкономических данных выступили базы данных Всемирного Банка и Международного валютного фонда; показатели качества политических институтов рассчитывались на основе данных Европейской комиссии, ООН, Transparency International.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика роста экономики

Настроения на финансовых рынках заметно улучшились к концу 2019 года наряду с ослаблением торговой напряженности, что выразилось в улучшении прогноза Всемирного Банка относительно мировых темпов роста до 2,6 % (рис. 2).

³ Report from the Commission to the Parliament and the Council on trade and investment barriers [Электронный ресурс]: EC. 2019. 35 p. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/june/tradoc_157929.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

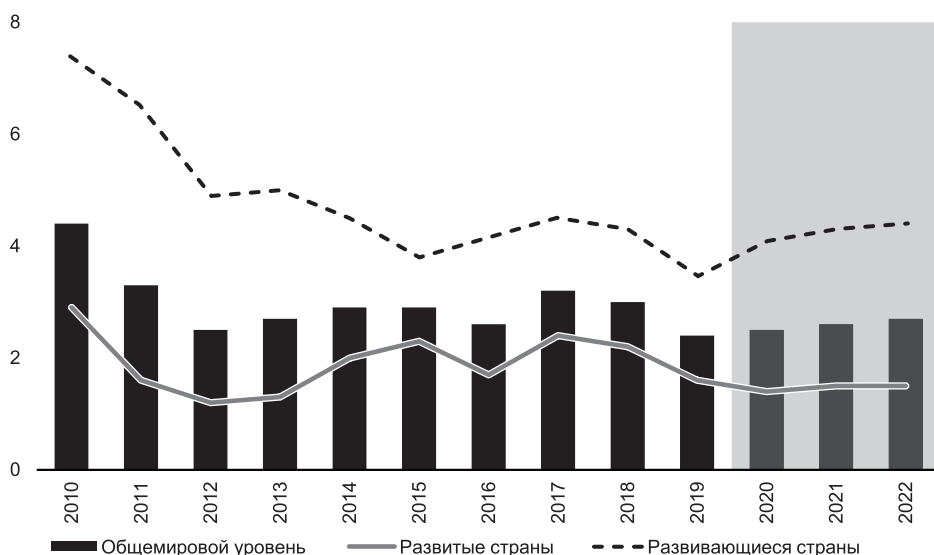

Рис. 2. Темп роста ВВП, % / Fig. 2. GDP growth, %

Тем не менее опасения по поводу перспектив роста вызвали повсеместное ослабление денежно-кредитной политики со стороны крупных центральных банков в 2019 году (ФРС в США и ЕЦБ в ЕС), а также бегство капитала на менее волатильные рынки развитых стран. В условиях сдержанной инфляции это привело к снижению глобальной доходности финансовых инструментов. При этом прогнозируется, что рост в странах с развитой экономикой замедлится до 1,4 % в 2020 году, в то время как в развивающихся странах этот показатель увеличится до 4,1 %, а для стран БРИКС до 4,5 %⁴.

Таблица 1 / Table 1

Матрица корреляций для ВВП текущего года / Correlation matrix for current GDP

Параметры	Темп роста ВВП	Стоимость трансграничных сделок	Количество трансграничных сделок
Темп роста ВВП	1	–	–
Стоимость трансграничных сделок	0.392801	1	–
Количество трансграничных сделок	0.338222	0.434388	1

Источник: составлено автором.

Если рассмотреть матрицу корреляций между темпом роста ВВП, стоимостью и количеством трансграничных сделок, можно заметить высокую взаимосвязь (табл. 1). Эта взаимосвязь становится еще сильнее, если учесть темп роста ВВП за предыдущий период (табл. 2).

⁴ Global economic prospects: Slow growth, policy challenges. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2020. 334 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1468-6.

Таблица 2 / Table 2

Матрица корреляций для ВВП предыдущего года / Correlation matrix for prior year GDP

Параметры	Лаг темпа роста ВВП	Стоимость трансграничных сделок	Количество трансграничных сделок
Лаг темпа роста ВВП	1	–	–
Стоимость трансграничных сделок	0.563593	1	–
Количество трансграничных сделок	0.504852	0.434388	1

Источник: составлено автором.

Подобная степень взаимосвязи предполагает, что при сохранении политики количественного смягчения в развитых странах, компании на развивающихся рынках будут привлекать все большее внимание в качестве целей для проведения сделок слияний и поглощений в связи с заметным преимуществом по перспективам роста национальных экономик (и ставкам доходности финансовых инструментов).

Развитость политических институтов

Рассмотрим табл. 3, где представлены индексы эффективности государственного управления, качества реализации государственного управления, соблюдения законодательства.

Таблица 3 / Table 3

Индексы эффективности государственного управления, качества реализации государственного управления, соблюдения законодательства / Indices of public administration effectiveness, quality of public administration, compliance with the law

Страны	Эффективность работы государственных институтов	Качество разработки государственной политики	Уровень соблюдения законодательства
Сингапур	2,23	2,13	1,84
Япония	1,68	1,33	1,53
Германия	1,62	1,75	1,63
США	1,58	1,58	1,45
Франция	1,48	1,17	1,44
Великобритания	1,34	1,76	1,64
Китай	0,48	–0,14	–0,20
ЮАР	0,34	0,17	–0,10
Индия	0,28	–0,18	0,03
Россия	–0,06	–0,54	–0,82
Бразилия	–0,45	–0,31	–0,28

Источник: составлено автором.

Как видно из табл. 3, страны БРИКС значительно уступают развитым странам по всем показателям. Для увеличения деловой активности и привлечения иностранных инвесторов странам БРИКС необходимо обратить внимание на защиту прав собственности, без которых невозможны приток долгосрочного капитала, проведение сделок, предполагающих значительные капитальные затраты, рискованные проекты с низкой первоначальной доходностью, где такое финансирование может быть особенно полезным с учетом внутренних финансовых ограничений (Dabla-Norris et al., 2010).

Ограничения на движение капитала

Для сравнительной оценки наличия мер контроля входящих инвестиций, рассмотрим табл. 4.

Таблица 4 / Table 4

Показатели контроля инвестиций / Indicators of investments control

Страны	Контроль входящего потока инвестиций	Контроль выхода из инвестиционных проектов
Россия	+	–
Индия	+	+
Китай	+	+
Бразилия	+	–
ЮАР	+	–
Великобритания	+	–
США	+	–
Япония	+	–
Сингапур	–	–
Франция	+	–
Германия	+	–
Мексика	+	–

Источник: составлено автором.

Как видно из табл. 4, контроль входящих потоков инвестиций присутствует в подавляющем большинстве как в развитых, так и в развивающихся стран. Причем, несмотря на наличие существенных ограничений в Китае и Индии на реализацию инвестиций в секторах военно-промышленного комплекса, авиатранспорта, страхования, банковского сектора (Singh and Jain, 2009), данными странами активно ведется диалог с международными инвесторами для поддержки инвестиций. Так, в Китае в 2019 году был принят Закон об иностранных инвестициях, который облегчает процедуру продажи активов внутри Китая иностранными компаниями. Этот шаг послужил важным сигналом для иностранных инвесторов в условиях негативного политического фона и торговых войн⁵.

⁵ China overhauls its foreign investment regulatory regime. 2019 [Электронный ресурс]: NRF Institute. 2019. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/a885f4c3/china-overhauls-its-foreign-investment-regulatory-regime> (дата обращения: 14.01.2020).

Еще одним немаловажным фактором при покупке компаний является уровень коррупции в стране (табл. 5), а также аффилированность крупного бизнеса с государственным аппаратом. Методами воздействия могут являться принятие изменений в нормативные акты с целью ограничить возможности отдельных игроков на рынке, отзыв разрешений или лицензий на операционную деятельность с целью повлиять на того или иного инвестора и др. (Oded and Ceulen, 2018).

Таблица 5 / Table 5

Индекс восприятия коррупции / Corruption perception index

Страна	Годы						
	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
Сингапур	85	84	84	85	84	86	87
Германия	80	81	81	81	79	78	79
Великобритания	80	82	81	81	78	76	74
Япония	73	73	72	75	76	74	74
Франция	72	70	69	70	69	71	71
США	71	75	74	76	74	73	73
ЮАР	43	43	45	44	44	42	43
Индия	41	40	40	38	38	36	36
Китай	39	41	40	37	36	40	39
Бразилия	35	37	40	38	43	42	43
Россия	28	29	29	29	27	28	28

Источник: составлено автором по данным Transparency International⁶.

Политический риск блокировки вывода капитала практически невозможно спрогнозировать. Выше представлен индекс восприятия коррупции, рассчитываемый агентством Transparency International, показывающий видение бизнеса относительно соблюдения законодательства в той или иной стране, соответствия норм права международным стандартам, независимости судов и др. Можно отметить, что уровень коррупции в странах БРИКС воспринимается как существенный. Причем Россия имеет худший рейтинг среди стран БРИКС, что частично объясняет наличие экономической изолированности в последние годы. Отсутствие позитивных изменений в уровне восприятия коррупции способно создать для этих стран непреодолимые барьеры для инвестиционной деятельности.

Развитость финансового рынка

Можно отметить (рис. 3), что в Японии, США и ЮАР данный показатель превышает отметку в 100 %, в то время как в других развитых странах, Китае и Индии параметр колеблется между 50 % и 100 % ВВП; только в Бразилии и России рыночная капитализация составляет меньше 50 % ВВП. Учитывая

⁶ Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]: сайт Трансперенси Интернешнл. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiyi/> (дата обращения: 14.01.2020).

размеры экономик России и Бразилии, столь низкий уровень капитализации финансового рынка говорит о значительных дисбалансах в экономике, а также снижает привлекательность для инвестиций.

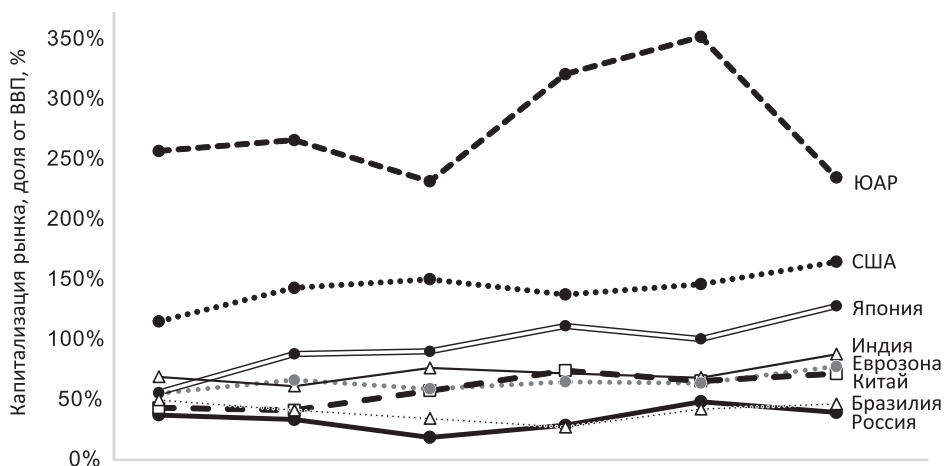

Рис. 3. Доля капитализации фондового рынка от ВВП, % /

Fig. 3. Stock market capitalization, % of GDP

Что касается ликвидности финансовых рынков (рис. 4), то США и Китай имеют наибольший объем торгов относительно ВВП (более 100 %). Ликвидность рынков Индии, ЮАР, ЕС и Японии находятся между 50 % и 100 % ВВП. Наименьшие показатели ликвидности у России и Бразилии. Это чрезвычайно важная составляющая, особенно для фирм, занимающихся инвестиционными проектами, которые должны иметь доступ к относительно дешевым источникам финансирования. Финансово более глубокие рынки предоставляют фирмам доступ к необходимому капиталу для осуществления инвестиционных проектов, которые в противном случае очень трудно реализовать (Sauvant et al., 2010).

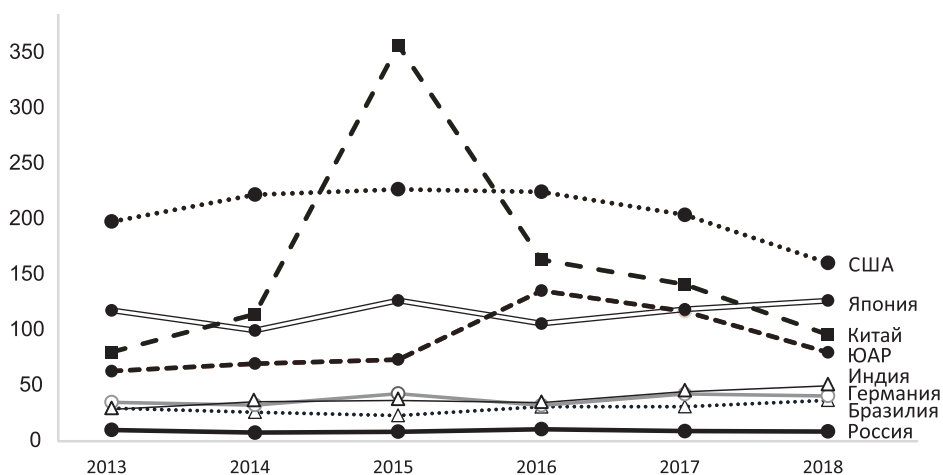

Рис. 4. Доля объема торговли фондового рынка от ВВП, % /

Fig. 4. Stock-market trading volume, % of GDP

ОБСУЖДЕНИЕ

Исходя из анализа влияния динамики роста экономики на количество сделок можно сделать вывод, что для правительств стран БРИКС особое значение приобретает задача обеспечения благоприятной макроэкономической ситуации на внутренних рынках. Этого можно добиться за счет создания диверсифицированной экономической системы, которая позволит сделать привлекательными сразу несколько отраслей. Рост объема сделок слияний и поглощений позволит принимающей стране добиться преимуществ в связи с изменением структуры производства, созданием эффективных систем управления и контроля, увеличением числа рабочих мест, передачей опыта, знаний и современных технологий, ростом общей конкурентоспособности (Andrade and Stafford, 2004). Желаемый эффект не удастся достигнуть без эффективного сочетания фискальной и монетарной политик. Для поддержания роста экономики также следует обратить внимание на создание необходимой инфраструктуры, что будет способствовать увеличению производительности труда, сокращению транспортных издержек (Bowman et al., 2015). Кроме того, понадобится, чтобы вырученные средства пошли на развитие политических институтов и институтов, предоставляющих общественные услуги, такие как здравоохранение и образование⁷. Причем в некоторых случаях даже заявление о намерении провести необходимые реформы дает положительный эффект для финансового рынка. Здесь важны своевременность и четкость коммуникации со стороны регуляторов, для того чтобы можно было рассчитывать на создание долгосрочных отношений с инвесторами (Lautier and Moreau, 2012).

Развитие политических институтов играет значительную роль при принятии решения об инвестициях. Реформы должны быть направлены на достижение трех основных целей. Первая заключается в принятии законодательства, обеспечивающего компаниям и их руководителям большую свободу по форме организации совместных предприятий (минимальная / максимальная доля владения, юридический статус и др.). Вторая – продвижение стандартов корпоративной реструктуризации на основании лучших мировых практик. Третья – усиление рыночной составляющей секторов экономики, где такие меры по реструктуризации и повышению эффективности себя оправдывают. В результате международные компании и их руководители смогут реагировать на изменяющуюся внешнюю среду, осуществляя слияния и выделения, создавая холдинговые компании и наблюдая за другими структурными изменениями, не тратя слишком много времени или финансовых ресурсов.

Исследования показали, что чем эффективнее работают политические институты, связанные с регулированием открытости рынка и получением доступа к нему, тем выше будет поток трансграничных слияний и поглощений. Увеличение объема рынка не будет иметь большого значения без столь необходимого процесса реформ для интеграции местных рынков с глобальными (Restrepo and Subramanian, 2017). Чем качественнее местные финансо-

⁷ Trade and development report 2019. Financing a global green new deal [Электронный ресурс]: UN. 2019. 201 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2019_en.pdf (дата обращения: 18.01.2020).

вые институты, тем лучше организован процесс посредничества, облегчающий осуществление сделок.

Степень ограничения движения капиталов тесно связана с развитостью политических институтов. Чем лучше развиты последние, тем проще организовать единое с мировым рынком пространство движения капитала. Для этого необходимо утвердить национальные стандарты взаимодействия бизнеса, государства и общества, принять меры по регулированию конфликтов на основании лучших мировых практик и снижению уровня административного давления на представителей международного бизнеса (Wu et al., 2013).

Состояние финансового рынка также может являться индикатором состояния экономики в целом, так как на него влияют производительность труда, уровень сбережений, развития технологий и пр. Таким образом, организация и поддержка национальных фондовых рынков во главе с банками и рынками капитала играет ключевую роль при рассмотрении потенциальных сделок слияний и поглощений (Filipov and Kalotay, 2009).

В 2020 году ожидается сохранение положительной тенденции по объему сделок слияний и поглощений. Многие корпорации продолжают поиск потенциальных целей, чтобы успеть воспользоваться высоким уровнем доступной ликвидности и низкими процентными ставками. Некоторые отрасли затронет стратегия на переход к digital бизнес-моделям, что также повлечет рост рынка слияний и поглощений⁸.

На протяжении последних нескольких лет постоянной политической неопределенности и нестабильности на мировом рынке динамика слияний и поглощений оставалась устойчивой. Это говорит о том, что участники сделок больше внимания уделяют фундаментальным показателям (экономический рост, макросреда и состояние финансовых рынков), чем заголовкам новостей. Однако снижение общемировых темпов роста, торговые войны, влияние Brexit, ослабление китайской экономики заставляют игроков быть более избирательными и осторожными с выбором целей.

Либерализация финансового рынка сыграла огромную роль в экономическом развитии развивающихся стран, где за счет углубления финансового рынка произошел рост объемов трансграничных слияний и поглощений. Помимо этого, пакеты реформ, направленные на привлечение международных инвесторов, введенные некоторыми членами БРИКС, такими как Индия и Китай, помогли создать институциональную структуру более качественную, чем у «коллег» по БРИКС. Это чрезвычайно важно, потому что наличие эффективной институциональной базы способствует не только росту внутренних рынков капитала, но и кредитных и денежных рынков, которые, в свою очередь, помогают странам привлекать иностранный капитал и получать выгоды от этих инвестиций.

В дальнейшем для того, чтобы наравне конкурировать с развитыми странами, развивающимся рынкам, и особенно странам БРИКС, следует реализовать ряд мер:

⁸ 2020 *global M&A outlook*. Navigating a period of uncertainty [Электронный ресурс]: J. P. Morgan. 2020. 15 p. URL: <https://www.jpmorgan.com/jpmpdf/1320748081210.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).

- обеспечить создание национальных систем поддержки для зарубежных слияний и поглощений национальных корпораций. Для этого потребуются обновить законодательную и административную системы в области слияний и поглощений, внедрить рекомендации для финансовых, страховых, валютно-обменных агентов для предоставления соответствующей поддержки компаниям, планирующим заключать подобные сделки. А также совершенствовать механизм международной координации, создать механизм гарантирования безопасности вложений, задействовать двусторонние торгово-экономические, инвестиционные и прочие соглашения о защите инвестиций;

- улучшить прозрачность функционирования национальных политических и экономических институтов. Это может помочь сдерживать постоянно растущий риск протекционистских мер и ослабить опасения, что правительства стран смогут оказывать давление на корпорации;

- разработать программы стимулирования инвестиций исходя из потребностей национального рынка. На основании предварительного анализа предложить пакет мер под конкретных инвесторов (в сектор, компании или отрасль). Направляя стимулы на тех инвесторов, которые с наибольшей вероятностью отреагируют на них, развивающиеся страны могут сократить ненужные налоговые потери в результате стимулов, предоставленных фирмам, которые все равно инвестировали бы в данный регион. Это требует глубокого понимания типа и мотивации для ПИИ в стране, а также измеримых целей политики;

- способствовать долгосрочному росту в странах БРИКС. Необходимо провести структурные реформы, которые смогут улучшить бизнес-климат и степень интеграции в существующие цепочки поставок или стимулировать создание новых за счет снижения торговых расходов и увеличения производительности труда и капитала. Эти меры необходимы для содействия инвестициям в физический и человеческий капитал, перераспределения ресурсов в более производительные сектора, активизации внедрения технологий и инноваций между фирмами, а также поддержки благоприятной для роста макроэкономической и институциональной среды. Конкретные политические приоритеты будут зависеть от ситуации в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассматривается динамика трансграничных сделок слияний и поглощений, а также факторы, характерные для национальных экономик, которые принимаются во внимание при принятии решения об осуществлении такого рода сделок. Рассмотрены преимущества развитых стран перед странами БРИКС с точки зрения привлекательности для подобных сделок. Отмечено, что несмотря на более низкие темпы роста в развитых странах, более качественные политические институты и финансовые рынки, а также отсутствие политических рисков имеют решающее значение для инвестиций.

Как показал анализ, страны с более диверсифицированной экономической структурой, лучшей инфраструктурой, более сильными политическими институтами и большей макроэкономической стабильностью демонстрируют

больший приток инвесторов. Эти же преимущества способствуют лучшей адаптации зарубежных компаний на национальных рынках и более качественным эффектам от инвестиций. Различные типы барьеров (инвестиционные и административные), коррупция, политические и операционные риски играют важную роль в установлении повышенных ставок ожидаемой доходности на уровне проектов.

Результаты данной статьи могут быть полезны для разработки политик, направленных на развитие более глубоких и надежных финансовых рынков. Особенно это актуально для стран БРИКС, находящихся в процессе интеграции в мировой рынок. Для того чтобы повысить свою конкурентоспособность и привести экономическую деятельность в соответствие с правилами глобального рынка, необходимо разработать и / или скорректировать законодательство, внутренние политики для улучшения международного сотрудничества. В то время как большинство рынков находится на этапе восстановления после глобальных макроэкономических шоков, страны БРИКС за счет реализации грамотной политики по привлечению иностранных инвесторов смогут опередить более развитые страны и занять освободившуюся долю мирового рынка сделок слияний и поглощений.

Библиографический список / References

Aluko, B. and Amidu, A. (2005), "Corporate business valuation for mergers and acquisitions", *International Journal of Strategic Property Management*, vol. 9, no. 3, pp. 173–189, doi: 10.3846/1648715X.2005.9637535.

Andrade, G. and Stafford, E. (2004), "Investing the economic role of mergers", *Journal of Corporate Finance*, vol. 10, no. 1, pp. 1–36, doi: 10.1016/S0929-1199(02)00023-8.

Andriuskevicius, K. (2015), "Opportunities and challenges of value creation through merger and acquisitions in cyclical economies", *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 213, pp. 764–769, doi: 10.1016/j.sbspro.2015.11.471.

Beck, T. and Laeven, L. (2006), "Institution building and growth in transition economies", *Journal of Economic Growth*, vol. 11, no. 2, pp. 157–186, doi: 10.1007/s10887-006-9000-0.

Bowman, D., Londono, J. and Sapriza, H. (2015), "U.S. unconventional monetary policy and transmission to emerging market economies", *Journal of International Money and Finance*, vol. 55, pp. 27–59, doi: 10.1016/j.jimonfin.2015.02.016.

Bruner, R., Conroy R., Estrada, J. et al. (2002), "Introduction to 'valuation in emerging markets'", *Emerging Markets Review*, vol. 3, no. 4, pp. 310–324, doi: 10.1016/S1566-0141(02)00039-0.

Chousa, J., Tamazian, A. and Chaitanya, V. K. (2008), "Does growth & quality of capital markets drive foreign capital? The case of cross-border mergers & acquisitions from leading emerging economies", *William Davidson Institute Working Paper*, no. 911, 26 p., doi: 10.2139/ssrn.1147187 [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=1147187> (Accessed Jan. 20, 2020).

Cohen, S. (2007), *Multinational corporations and foreign direct investment: Avoiding simplicity, embracing complexity*, Oxford University Press, NY, US.

Dabla-Norris, E., Honda, J., Lahreche, A. et al. (2010), "FDI flows to low-income countries: global drivers and growth implications", *IMF Working Paper*, no. 10/132, 39 p., doi: 10.5089/9781455201150.001 [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=1620251> (Accessed Jan. 9, 2020).

Efendic, A. and Pugh, G. (2015), "Institutional effects on economic performance in post-socialist transition: a dynamic panel analysis", *Actaeconomica*, vol. 65, no. 4, pp. 503–523, doi: 10.1556/032.65.2015.4.1.

Filippov, S. and Kalotay, K. (2009), "Foreign direct investment in times of global economic crisis: Spotlight on new Europe", *UNU-MERIT Working Paper*, no. 2009-21, 29 p., doi: 10.2139/ssrn.1401379 [Online], available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1401379 (Accessed Jan. 15, 2020).

Garita, G. and Marrewijk, C. (2007), "Macroeconomic determinants of cross-border mergers and acquisitions", 49 p. [Online], available at: <https://www.etsg.org/ETSG2007/papers/garita.pdf> (Accessed Jan. 22, 2020).

Kaufmann, D., Kraay, A. and Mastruzzi, M. (2010), "The worldwide governance indicators: methodology and analytical issues", *World Bank Policy Research Working Paper*, no. 5430, 31 p. [Online], available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/3913> (Accessed Feb. 1, 2020).

Kengelbach, J., Keienburg, G., Gell, J. et al. (2019), "Downturns are a better time for deal hunting", The 2019 M&A report, Boston Consulting Group, 36 p. [Online], available at: https://image-src.bcg.com/Images/BCG-Downturns-Are-a-Better-Time-for-Deal-Hunting-September-2019_tcm27-230008.pdf (Accessed Dec. 10, 2019).

Lautier, M. and Moreau, F. (2012), "Domestic investment and FDI in developing countries: The missing link", *Journal of Economic Development*, vol. 37, no. 3, pp. 1–23, doi: 10.35866/caujed.2012.37.3.001.

Lobanova, J., Kracun, A. and Kavkler, A. (2018), "Effects of cross-border mergers and acquisitions on GRP per capita and domestic investment in transition countries", *Journal of Business Economics and Management*, vol. 19, no. 1, pp. 124–137, doi: 10.3846/16111699.2017.1408677.

Oded, S. and Ceulen, D. (2018), "Anti-bribery due diligence in M&A transactions: Have you got it covered?", *International Journal of Managerial Studies and Research*, vol. 6, no. 7, pp. 14–19, doi: 10.20431/2349-0349.0607002.

Rao, N. V. and Reddy, K. S. (2015), "The impact of the global financial crisis on border-crossing mergers and acquisitions: A continental and industry analysis", *Eurasian Business Review*, vol. 5, no. 2, pp. 309–341, doi: 10.1007/s40821-015-0028-y.

Restrepo, F. and Subramanian, G. (2017), "The effect of prohibiting deal protection in M&A: Evidence from the United Kingdom", *The Journal of Law and Economics*, vol. 60, no. 1, pp. 75–113, doi: 10.1086/692585.

Sauvant, K. P., Maschek, W. A. and McAllister, G. (2010), "Foreign direct investment by emerging market multinational enterprises, the impact of the financial crisis and recession, and challenges ahead", in Sauvant, K. P., McAllister, G. and Maschek, W. A. (eds.), *Foreign direct investments from emerging markets. The challenges ahead*, Palgrave Macmillan, NY, US, pp. 3–29, doi: 10.1057/9780230112025_1.

Singh, L. and Jain, V. (2009), "Emerging pattern of India's outward foreign direct investment under the influence of state policy: A macro view", *MPRA Paper*,

no. 13439, 19 p. [Online], available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/13439/1/MPRA_paper_13439.pdf (Accessed Jan. 5, 2020).

Wu, L., Xiangshuo, Y., Li, C. et al. (2013), "Trade and investment among BRICS: Analysis of impact of tariff reduction and trade facilitation based on dynamic global CGE model", 24 p. [Online], available at: <https://www.gtap.agecon.purdue.edu/resources/download/6554.pdf> (Accessed Dec. 5, 2019).

Zhong, Z. (2016), "Empirical analysis in the political connection and the performance of merger and acquisition", *Journal of Service Science and Management*, vol. 9, no. 1, pp. 1–9, doi: 10.4236/jssm.2016.91001.

Информация об авторе

Васюков Евгений Александрович – аспирант кафедры международной экономики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», 119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-1131-7447

ResearcherID: AAD-7140-2020

Электронный адрес: vasyukov.e@gmail.com

Статья получена 9 февраля 2020 года

UDC 339.727.22

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-253-269

COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL ECONOMIES ATTRACTIVENESS FACTORS FOR CROSS-BORDER MERGERS AND ACQUISITIONS

Evgeny A. Vasyukov

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1,
Moscow, 119991, Russia

ORCID: 0000-0002-1131-7447

ResearcherID: AAD-7140-2020

E-mail: vasyukov.e@gmail.com

For citation:

Vasyukov, E. A. (2020), "Comparative analysis of national economies attractiveness factors for cross-border mergers and acquisitions", *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 253–269, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-253-269.

Introduction: with the increasing globalization of the world economy, cross-border mergers and acquisitions have begun to play an important role in the economic development of the world's regions. The article analyzes the key characteristics of national economies, which are crucial in deciding on mergers and acquisitions deals.

Objectives: to make recommendations for increasing the proportion of mergers and acquisitions deals in the national economies of the BRICS countries.

Methods: the study is based on the data analysis of value and volume of cross-border mergers and acquisitions in BRICS countries and developed countries, macroeconomic forecasts of key institutions (World Bank, IMF, etc.), as well as data on the quality of political institutions by consulting companies and non-governmental agencies.

Results: key factors that determine the influx of investors for mergers and acquisitions are highlighted: the dynamics of economic growth, the development of political institutions, restrictions on the movement of capital, the development of the local financial market. A comparative analysis is carried out for developed and developing countries and recommendations are given for tackling the main issues.

Conclusions: the article contains comprehensive recommendations for the development and implementation of policies to attract foreign investment in the form of cross-border mergers and acquisitions, as well as measures aimed at developing international economic integration.

Keywords: growth rate; capital flows; mergers and acquisitions; investments; economic development; political institutions; financial markets

Received Feb. 9, 2020

УДК 332.1:330.342

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-270-290

ОЦЕНКА ВКЛАДА СЕКТОРА ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ РАЗЛИЧНОЙ СТАДИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

П. А. ИВАНОВ

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия

Для цитирования:

Иванов П. А. Оценка вклада сектора домашних хозяйств в социально-экономическое развитие территорий различной стадийной принадлежности // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 270–290. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-270-290.

Введение: в статье представлена оценка вклада сектора домохозяйств в социально-экономическое развитие территорий с учетом стадий их жизненного цикла, а также показателей экономической безопасности, характеризующих финансовое состояние домашних хозяйств регионов Приволжского федерального округа (ПФО).

Цель: оценка и анализ степени участия сектора домохозяйств в экономике регионов ПФО во взаимосвязи с экономической безопасностью и стадийным развитием данных территорий.

Методы: системный метод, статистический метод анализа показателей системы национальных счетов, методы группировки, нормирования, шкалирования, стадийно-уровневый подход.

Результаты: проведена оценка и анализ вклада сектора домохозяйств в валовый региональный продукт (валовую добавленную стоимость – ВДС) регионов ПФО, позволивший осуществить учет деятельности данного сектора, который связан с отраслевой структурой ВДС, показателями состояния экономической безопасности домохозяйств и стадиями жизненного цикла территорий, а также выявить факторы снижения доли домохозяйств в экономике.

Выводы: для повышения степени участия сектора домохозяйств в социально-экономическом развитии территорий предложено при разработке государственных мер поддержки малого и среднего бизнеса как ключевого источника формирования платежеспособного спроса сектора домохозяйств сделать акцент на двух направлениях: во-первых, организации эффективного контроля за своевременностью и полнотой оказания предлагаемых мер и, во-вторых, повышении роли и ответственности банковского сектора в стимулировании субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: домохозяйства; социально-экономическое развитие; стадия; жизненный цикл территории; институциональные секторы; финансовое обеспечение развития территорий; регион

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития разноразмерных территориальных образований в современных условиях финансовой нестабильности как на мировых, так и на внутренних (в силу имеющихся

вызовов и угроз экономической безопасности страны¹⁾ рынках является одной из важнейших задач в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Наряду с другими институциональными секторами экономики (государством и бизнесом) важную роль в формировании точек роста на экономическом ландшафте территорий играет сектор домохозяйств. Посредством создания и увеличения платежеспособного спроса на товары и услуги изменение состояния данного сектора, на наш взгляд, в наибольшей степени отражает динамику качества жизни населения и уровня социально-экономического развития территорий в целом. При этом, несмотря на наличие малых форм хозяйствования в рамках сектора домохозяйств, основным источником формирования платежеспособного спроса для него является бизнес-сектор, т. е. упрощенно основные роли институциональных секторов в экономике могут быть представлены как «бизнес-сектор – производство», «сектор домохозяйств – потребление», «государственный сектор – перераспределение», хотя эти направления так или иначе присутствуют во всех институциональных секторах.

В настоящее время теме оценки состояния сектора домохозяйств посвящено достаточно большое количество публикаций, которые рассматривают теоретико-методологические и практические направления его развития в различных областях знаний и сфер деятельности посредством следующих методов: оценки ресурсообеспеченности домохозяйств на основе системы национальных счетов (Кремлев и Козлова, 2019), выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (Гаджиев, 2019), кластеризации территорий по структуре доходов населения (Ильясов и др., 2019), оценки смещения данных о доходах, полученных различными методами (Черкашина, 2020). Исследуется структура нефинансовых активов домохозяйств с учетом регионально-поселенческих различий (Богомолова и Черкашина, 2015). Рассматриваются модели социально-экономического поведения домашних хозяйств во взаимодействии с другими институциональными секторами экономики (Козырева и др., 2015; Митяева и Федорова, 2015; Анимича, 2016; Ниворожкина, 2017; Зубец, 2019), сферой продовольственной безопасности (Берендеева и Ратникова, 2018), жизнеспособностью и предпринимательским потенциалом фермерских домохозяйств (Аренс и Галиев, 2019; Набиев и Головин, 2016), инвестированием домохозяйств в экономику территорий (Караев, 2018; Морозко и Коротков, 2019), в том числе через рынок ценных бумаг (Данилов, 2020) посредством выпуска государственных инфраструктурных облигаций (Расторгуев, 2019). Изучается влияние на домохозяйство территориального неравенства (Юманова, 2019), теневой экономики (Пескова и Россинская, 2018), демографических (Миронова и Прокофьева, 2018), имущественных (Шнейдерман и др., 2016) и временных (Кулькова и Неклюдова, 2019) аспектов. Систематизация и теоретический анализ эволюции научных подходов к категории «домохозяйство» (Зухба, 2018; Хачиров, 2018) и институциональная роль данного сектора экономики (Мазин, 2019) также находят отражение в специальной литературе.

¹ О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.03.2020).

В современных зарубежных публикациях, посвященных исследованию сектора домохозяйств, особое внимание ученых и экономистов уделяется вопросам повышения (сохранения) доходов населения путем роста минимальной оплаты труда как стимулирующего фактора улучшения кредитоспособности домохозяйств и увеличения их платежеспособного спроса (Cooper et al., 2020), развития в регионах малого предпринимательства и создания условий для повышения доходов самозанятых (Willis et al., 2019); оценки угроз для домашних хозяйств вследствие вероятных изменений в пенсионном обеспечении (Evans and Razeed, 2020), оценки влияния на динамику компонентов модели «потребление – сбережение» различных шоков в контексте жизненного цикла домохозяйств (Attanasio et al., 2020). Анализируются различные аспекты политики регулирования ипотечного кредитования населения (Defusco et al., 2020), а также проблемы формирования платежеспособного потребительского спроса через расширение кредитного предложения для населения (Mian et al., 2020) при учете негативных последствий реализации «рейганомии» в виде более глубоких рецессий по сравнению с расширенным воспроизводством вследствие исчерпания возможностей для обслуживания постоянно возрастающих долговых обязательств и последующего обрушения долговой пирамиды.

Тем не менее, несмотря на широкое, многоаспектное исследование сектора домохозяйств, остается малоизученным вопрос его взаимосвязи со стадиями жизненного цикла территорий (Климова, 2018), что свидетельствует о необходимости проведения дополнительных исследований в контексте оценки вклада домохозяйств в финансовое обеспечение социально-экономического развития территорий на различных стадиях их жизненного цикла. Особенностью жизненного цикла разноуровневых территориальных образований, в отличие от других объектов исследования (товара, предприятия, отрасли), является то, что, во-первых, он представляет собой объемлющую систему по отношению к жизненным циклам отраслей экономики территории, расположенным на ней предприятиям и выпускаемым ими товарам (предоставляемым услугам). Во-вторых, жизненный цикл территории отражает, прежде всего, коренные изменения в социально-экономическом ландшафте, когда определенные изменения претерпевает и сама территория в виде инфраструктурных преобразований. Исходя из этого, стадия упадка завершается не «исчезновением» территории (за исключением случаев природного характера, например, сильных землетрясений), а переходом на обновленную территориальную специализацию, формирующую достаточный для устойчивого развития и ответа на возникающие угрозы и вызовы уровень конкурентоспособности социально-экономического каркаса территории. При оценке угроз в экономике часто используются показатели экономической безопасности (Глазьев и Локосов, 2012; Сенчагов, 2011; Татаркин и др., 2001), анализ динамики которых позволяет выявить степень и характер отклонения состояния экономики (ее отдельных институциональных секторов) от минимально необходимого порогового уровня, обеспечивающего устойчивость социально-экономического развития территории.

Исходя из вышеизложенного, целью исследования является проведение оценки вклада сектора домохозяйств в социально-экономическое разви-

тие территориальных образований (регионов Приволжского федерального округа) с учетом стадий их жизненного цикла, территориальной специализации и параметров экономической безопасности, отражающих уровень благосостояния населения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать структуру валовой добавленной стоимости (ВДС) и выделить группы регионов по типу территориальной специализации;
- провести анализ финансового состояния сектора домохозяйств на основе расчета показателей экономической безопасности;
- оценить вклад домохозяйств в экономику исследуемых территорий и наличие возможной его взаимосвязи с результатами, полученными по первым двум задачам.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования предлагаемых методических положений в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления при разработке документов стратегического планирования с учетом закономерностей и особенностей стадий жизненного цикла территорий, что будет способствовать повышению результативности принимаемых управленческих решений, в том числе в сфере выработки мер финансовой поддержки сектора домашних хозяйств.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Малоизученной областью научных исследований является стадийное развитие территорий, в котором, на наш взгляд, следует выделять четыре стадии (каждая из которых имеет две фазы – начальную и конечную): образование (обособление), развитие (рост), зрелость и упадок (Климова, 2018, с. 34). Окончание стадии, как уже отмечалось выше, ознаменуется новым витком жизненного цикла территории в виде перезагрузки территориальной специализации с учетом современных вызовов и угроз.

Стадии жизненного цикла имеют свои специфические особенности, которые обобщенно выражаются в виде:

- формирования новой или обновленной (будет зависеть от того, планируется или нет проведение административно-территориальных реформ посредством укрупнения или, наоборот, разделения территории) территориальной специализации на стадии обособления;
- максимизации темпов роста большей части социально-экономических индикаторов (при опережающей динамике экономических индикаторов над социальными) и расширении рынков сбыта (диверсификации структуры ВДС) на стадии роста;
- сохранения положительной динамики ключевых показателей развития при более низких их темпах, чем на предыдущей стадии, перехода на потребительскую модель поведения (широкая распространенность кредитных продуктов, обеспечивающих опережающий рост потребления над увеличением сбережений), повышения объемов расходов по статьям социального блока

бюджетов территорий вследствие роста налоговых поступлений (выравнивание экономических и социальных показателей) на стадии зрелости;

– снижения и длительного нахождения показателей на уровне ниже пороговых значений экономической безопасности при опережающем падении экономической сферы (повышении уровня концентрации ВДС в отраслях территориальной специализации) и сохранении на прежнем уровне в течение определенного времени социальных обязательств (увеличении по некоторым направлениям за счет перенаправления ресурсов с других статей бюджета) на стадии упадка.

Методический инструментарий оценки экономической безопасности состояния сектора домохозяйств с учетом стадий жизненного цикла территорий изложен в работах автора настоящей статьи (Иванов, 2018). В основе оценки лежит:

– расчет интегрального показателя, состоящего из нормированных по определенным формулам (Сенчагов и Митяков, 2016, с. 47–48) показателей с учетом пороговых уровней экономической безопасности, выделяемых на экспертном уровне. В отличие от общепринятых методов нормирования данный способ учитывает характер изменения показателей в зависимости от их экономической сущности, что позволяет, во-первых, однозначно судить о снижении какого-либо нормированного индикатора как об ухудшении экономической безопасности и, во-вторых, при отрицательном значении индикатора делать вывод о его нахождении в рискованной зоне за пределами пороговых уровней, которые при данном способе расчета всегда равны 0;

– сопоставление значений интегрального показателя, рассчитываемого как среднеарифметическая сумма нормированных показателей, с разработанной автором шкалой, связывающей его со стадийной принадлежностью территорий (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Шкала стадийного развития территорий / The scale of the stadial development of territories

Значения интегрального показателя стадийного развития	Стадии (фазы) жизненного цикла территории
0,76–1	Начальная фаза (вторая половина) / конечная фаза (первая половина) стадии роста
0,51–0,75	Начальная фаза (первая половина) / конечная фаза (вторая половина) стадии роста
0,26–0,5	Конечная фаза стадии обособления / начальная фаза стадии зрелости
0–0,25	Начальная фаза стадии обособления / конечная фаза стадии зрелости
–0,25–0	Начальная фаза (первая половина) стадии упадка
–0,5–0,26	Начальная фаза (вторая половина) стадии упадка
–0,75–0,51	Конечная фаза (первая половина) стадии упадка
–1–0,76	Конечная фаза (вторая половина) стадии упадка

Источник: разработано автором на основе уточнения ранее изданной статьи (Иванов, 2018).

Поскольку положительные значения интегрального показателя стадийного развития могут быть отнесены к нескольким стадиям (фазам), то отличительными признаками здесь являются восходящий (для стадии обособления и начальной фазы стадии роста) или нисходящий (для конечной фазы стадии роста и стадии зрелости в целом) тренды показателя; специфические особенности стадий, описанные выше; характерные отличия стадии обособления от стадии зрелости, как более низкий уровень изношенности основных фондов при более высоком темпе инвестиций в основной капитал.

В состав нормированных показателей оценки сектора домохозяйств входят:

- соотношение денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, раз (далее – X_1) (пороговый уровень не более 7–8 раз);
- доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, % (далее – X_2) (пороговый уровень не более 6–10%);
- соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума, раз (далее – X_3) (пороговый уровень не менее 3,5 раза).

Результаты оценки экономической безопасности финансового состояния домохозяйств представляются в двух вариантах – хард- и софт-показателях, отражающих наиболее жесткие и наиболее мягкие граничные значения пороговых уровней (предлагаемые экспертами) анализируемых показателей соответственно. Это позволяет выделить в движении по стадиям жизненного цикла территории, которые обладают значительной инерционностью процессов, не жесткую границу, а интервал (в представленных показателях значение интервала относительно невелико, однако по некоторым другим показателям экономической безопасности оценки экспертов могут составлять довольно значительную разницу, например, по уровню монетизации экономики пороговый уровень варьируется от 50 % до 70 % от ВВП), устойчивое нахождение территории (по большинству показателей на протяжении нескольких отчетных периодов) за пределами которого позволяет говорить о переходе региона в кризисное состояние.

Для оценки изменений в отраслевой структуре ВДС предлагается использование коэффициента структурных различий (коэффициент D_s), расчет которого осуществляется на основе индекса Рябцева (Рябцев и Чудилин, 2001, с. 46) по формуле (1):

$$D_s = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (D_{i\ 2018} - D_{i\ 2010})^2}{\sum_{i=1}^n (D_{i\ 2018} + D_{i\ 2010})^2}}, \quad (1)$$

где D_i – доля i -го раздела отраслей в ВДС в 2010 и 2018 годах;

n – число разделов отраслей.

Значения коэффициента D_s варьируются от 0, что согласно предложенной В. М. Рябцевым шкале оценки меры существенности различий соответствует тождественности сравниваемых структур до 1 (свидетельствует о полной противоположности структур).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве объекта исследования были приняты субъекты Российской Федерации, расположенные в Приволжском федеральном округе (ПФО). Округ включает регионы с различной отраслевой структурой экономики:

1. Группа регионов с высоким вкладом в ВДС сферы обрабатывающих производств – Нижегородская, Кировская и Ульяновская области, Республика Башкортостан и Чувашская Республика.

2. Группа регионов, где значительную долю в структуре ВДС составляет сектор производства сельскохозяйственной продукции – Республики Марий Эл и Мордовия, Пензенская и Саратовская области.

3. Группа регионов, в формировании ВДС которых существенную роль играют результаты деятельности предприятий сектора добычи полезных ископаемых – Пермский край, Оренбургская и Самарская области, Республика Татарстан и Удмуртская Республика.

Основными критериями выделения регионов ПФО в данные группы являются величина и динамика доли того или иного раздела отраслей в структуре ВДС, степень трансформации которой определяется при помощи коэффициента D_s . Необходимо отметить, что значения данного коэффициента носят в определенной мере оценочный характер вследствие перехода Росстатом с 2017 года на новый общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД2) и необходимости учета данного обстоятельства при сравнении современной структуры ВДС с прежней по ОКВЭД-2007 (в этой связи пересчитанные исходные данные за 2018 год имеют некоторую погрешность). В целом отраслевая структура ВДС за анализируемый период сохранила свою идентичность, что подтверждается низкими значениями коэффициента D_s (табл. 2).

Рассмотрение в дальнейшем состояния сектора домохозяйств через призму отраслевой структуры экономик регионов, на наш взгляд, позволит более полно описать причинно-следственные связи и степень участия данного сектора в формировании сводного результата социально-экономического развития территорий в виде ВДС.

Представляет интерес подход к оценке вклада сектора домохозяйств в финансовое обеспечение социально-экономического развития территорий с позиции ресурсообеспеченности домашних хозяйств (Кремлев и Козлова, 2019), преимуществами которого являются относительная простота расчетов и открытость исходных статистических данных. Однако, на наш взгляд, для комплексной оценки вклада домохозяйств в дополнение к данному подходу целесообразно рассмотреть финансовое состояние сектора домохозяйств в контексте его экономической безопасности во взаимосвязи со стадийным развитием территории (табл. 3 и 4).

Таблица 2 / Table 2

Изменение отраслевой структуры ВАС в регионах ПФО за 2010–2018 годы, % /
Changes in the GVA sectoral structure in the Volga Federal District regions, 2010–2018, %

Регион	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Строительство	Оптовая и розничная торговля	Транспортировка и хранение	Коэффициент D , ед.
Россия	-0,1	4,4	0,3	-1,3	-3,6	0,1	0,089
ПФО	0,1	4,1	1,4	-0,9	-2,4	-1,5	0,078
Республика Башкортостан	0,0	-5,6	7,1	-0,6	-2,2	-1,9	0,128
Республика Марий Эл	3,6	0,0	3,6	-5,1	-0,4	0,0	0,101
Республика Мордовия	2,6	-0,1	0,4	-4,4	-3,4	0,9	0,092
Республика Татарстан	0,6	8,9	-1,1	-0,9	-2,7	-0,6	0,133
Удмуртская Республика	-0,6	4,2	0,6	-0,8	-3,5	-1,1	0,082
Чувашская Республика	0,7	0,0	0,9	-3,0	-0,4	0,2	0,063
Пермский край	-0,6	8,9	0,5	-1,4	-5,2	-0,1	0,132
Кировская область	-1,4	0,0	6,7	-0,4	-1,5	-2,7	0,105
Нижегородская область	-0,5	0,0	1,1	-2,8	1,5	-0,9	0,052
Оренбургская область	0,4	5,1	3,8	2,2	-2,9	-2,4	0,111
Пензенская область	4,2	-0,5	0,4	0,5	-2,6	-3,5	0,112
Самарская область	1,0	8,9	-2,7	-1,1	-3,0	-3,1	0,147
Саратовская область	-2,7	1,1	2,6	-0,1	-0,9	-1,4	0,079
Ульяновская область	0,2	-0,8	6,1	0,4	-3,4	-4,9	0,133

Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС², (Рябцев и Чудилин, 2001).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] // Офис, сайт Росстата. URL: <https://www.gks.ru/emiss> (дата обращения: 17.03.2020).

Таблица 3 / Table 3

Показатели экономической безопасности домохозяйств регионов ПФО в 2010 и 2018 году /
Indicators of households economic security in the Volga Federal District regions in 2010 and 2018

Регион	$X_1, (\leq 7-8 \text{ раз})$		$X_2, (\leq 6-10 \%)$		$X_3, (\geq 3,5 \text{ раза})$	
	2010 год	2018 год	2010 год	2018 год	2010 год	2018 год
Республика Башкортостан	17,4	15,5	12,1	12,0	3,5	3,0
Республика Марий Эл	13,0	11,5	24,0	20,4	2,1	2,1
Республика Мордовия	11,8	10,1	18,3	17,8	2,4	2,0
Республика Татарстан	16,0	14,0	7,7	7,0	4,0	3,7
Удмуртская Республика	11,8	10,5	13,7	12,2	2,7	2,4
Чувашская Республика	11,3	9,3	18,2	17,8	2,3	2,0
Пермский край	17,8	14,3	13,2	14,9	3,4	2,7
Кировская область	11,2	9,3	14,2	15,2	2,6	2,2
Нижегородская область	13,5	13,5	12,3	9,5	3,0	3,1
Оренбургская область	12,7	12,3	13,9	14,2	2,8	2,5
Пензенская область	12,4	9,9	15,2	13,5	2,6	2,3
Самарская область	20,5	12,3	15,1	12,7	3,4	2,7
Саратовская область	12,2	11,2	16,4	15,3	2,5	2,3
Ульяновская область	13,6	10,4	16,4	15,3	2,6	2,3

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС³.

³ Там же.

Таблица 4 / Table 4

Стадиальное развитие территорий в части состояния сектора домохозяйств и его вклад в ВРП регионов ПФО /
The stadial development of territories in terms of the household sector and its contribution to the GRP of the Volga Federal District regions

Регион	Интегральный показатель стадийного развития регионов ПФО, ед.				Оценка вклада домохозяйств, % от ВРП	
	Софт	Хард	Софт	Хард	2010 год	2018 год
Республика Башкортостан	-0,23	-0,38	-0,24	-0,39	87,0	68,9
Республика Марий Эл	-0,44	-0,56	-0,39	-0,52	78,9	67,3
Республика Мордовия	-0,33	-0,47	-0,32	-0,47	67,9	54,6
Республика Татарстан	-0,08	-0,22	-0,05	-0,19	64,3	51,0
Удмуртская Республика	-0,23	-0,39	-0,20	-0,35	59,9	49,7
Чувашская Республика	-0,33	-0,47	-0,31	-0,45	76,8	73,7
Пермский край	-0,26	-0,41	-0,29	-0,44	68,2	53,7
Кировская область	-0,24	-0,39	-0,25	-0,40	78,6	79,6
Нижегородская область	-0,21	-0,37	-0,14	-0,30	69,8	68,6
Оренбургская область	-0,25	-0,40	-0,27	-0,42	48,7	42,5
Пензенская область	-0,28	-0,43	-0,22	-0,37	88,1	72,0
Самарская область	-0,33	-0,47	-0,22	-0,38	79,3	56,8
Саратовская область	-0,30	-0,45	-0,28	-0,43	65,2	65,7
Ульяновская область	-0,31	-0,46	-0,27	-0,42	77,3	72,7

Источник: рассчитано автором по данным из табл. 3 на основе статей (Сенчагов и Митяков, 2016; Кремлев и Козлова, 2019) и собственных разработок.

ОБСУЖДЕНИЕ

Отраслевая структура валовой добавочной стоимости

Анализ значений коэффициента структурных различий составляющих ВДС регионов ПФО показывает, что за анализируемый период (2010–2018 годы) он соответствовал низкому и весьма низкому (в Нижегородской области и Чувашской Республике) уровню различий структур согласно шкале Рябцева (Рябцев и Чудилин, 2001). С точки зрения стадий жизненного цикла территорий это может свидетельствовать:

- об отсутствии существенных стадийальных изменений и нахождении регионов ПФО в рамках текущей стадии развития, что также подтверждается интегральным показателем стадийального развития территорий;
- соответствии современного состояния развития рассматриваемых регионов согласно описанным ранее специфическим особенностям стадийального развития территорий начальной фазе стадии упадка, что проявляется в виде наблюдаемого роста концентрации объема ВДС в отраслях территориальной специализации, в основном в секторах добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств (в сельском хозяйстве рост ее доли в структуре ВДС по сравнению с базисным годом не так велик, как после увеличения объемов государственной поддержки аграриям в ответ на введение санкций со стороны стран Запада (например, в 2015 году доля сельского хозяйства в ВДС в экономике Республики Марий Эл выросла на 6,5 %⁴ при 3,6 % ее росте в 2018 году⁵), и был практически нивелирован во многих регионах ПФО за последние годы).

Экономическая безопасность сектора домохозяйств и стадийная принадлежность регионов ПФО

За исследуемый период изменение состояния экономической безопасности сектора домохозяйств регионов ПФО характеризовалось динамикой:

- положительного характера в виде сокращения разрыва в соотношении денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения – X_1 (за исключением Нижегородской области). Наиболее сильное сокращение наблюдалось в Самарской области;
- преимущественно позитивного характера в виде снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (X_2) в 11 регионах ПФО при ее повышении только в трех субъектах Федерации (Пермский край, Кировская и Оренбургская области);
- негативного характера, проявляющейся в виде снижения соотношения среднечеловеческих денежных доходов населения и величины прожиточного минимума – X_3 (за исключением Нижегородской области).

⁴ Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД-2007 (КДЭС Ред.1.1) (2004 – 2015 гг.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab-vrp2.html> (дата обращения: 02.04.2020).

⁵ Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред.2) (2016 – 2018 гг.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab-vrp3.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Кроме того, в качестве положительного момента следует отметить сокращение дифференциации регионов по показателям (с 1,8 до 1,7 раза по X_1 , с 3,1 до 2,9 раз по X_2 и с 1,9 до 1,8 раза по X_3). Тем не менее темпы сокращения находятся на достаточно низком уровне.

Анализ изменений интегрального показателя показывает, что в течение рассматриваемого периода (2010–2018 годы) при общей низкой положительной динамике (кроме Пермского края, Республики Башкортостан, Оренбургской и Кировской областей, где интегральный показатель незначительно снизился) и с учетом софт- и хард-значений пороговых уровней показателей экономической безопасности регионы ПФО находились на начальной фазе стадии упадка (соответствует от 0 до –0,5 по шкале интегрального показателя, характеризующего стадии жизненного цикла территорий). При этом в 11 регионах основной вклад в интегральный показатель внес показатель X_2 , а в трех регионах (Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Нижегородской области), где среднедушевые доходы населения выше среднего по федеральному округу, – X_1 .

В регионах с преобладанием в отраслевой структуре ВДС сектора сельского хозяйства, где уровень заработной платы ниже, чем в других секторах экономики, наряду с показателем X_2 значительное влияние на величину интегрального показателя оказывал показатель X_3 .

Вклад сектора домохозяйств в валовую добавочную стоимость

При оценке вклада сектора домохозяйств в ВДС территории выявлено, что:

- наибольший вклад сектора домохозяйств в экономику территории (65–80 %), рассчитываемый как отношение фактического конечного потребления домашних хозяйств (согласно методическим положениям системы национальных счетов⁶ отражает совокупное приобретение потребительских товаров и услуг на территории региона) за вычетом социальных трансфертов в натуральной форме к ВРП, наблюдается в основном в регионах ПФО, имеющих относительно низкий уровень удельного производства и потребления. Исключения – Республика Мордовия, где степень участия домохозяйств в 2018 году находилось на уровне 54,6 %, а также Нижегородская область (68,6 %) и Республика Башкортостан (68,9 %), в которых относительно высокие значения как ВРП на душу населения, так и удельных расходов населения;
- за период с 2010 по 2018 год (особенно начиная с 2015 года) в регионах ПФО и Российской Федерации в целом наблюдается снижение вклада сектора домохозяйств (с 71,0 % до 59,3 % и с 59,2 % до 51,1 % соответственно)⁷. Данное снижение вызвано, с одной стороны, падением реальных располагаемых доходов населения вследствие нестабильности курса рубля и введения эконо-

⁶ Региональные показатели системы национальных счетов [Электронный ресурс]: приложение № 6 к сборнику «Национальные счета России в 2014–2018 годах» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) // Официальный сайт Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13221> (дата обращения: 30.03.2020).

⁷ Рассчитано на основе (Кремлев и Козлова, 2019) и данных Росстата по региональным показателям системы национальных счетов.

мических санкций в отношении России в 2014 году, а с другой – опережающим ростом удельного производства над удельным потреблением – в среднем по ПФО в номинальном выражении в 2,2 раза против 1,9 раза за исследуемый период (2010–2018 годы)⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа говорят о взаимосвязи между отраслевой структурой ВДС регионов ПФО, стадийными особенностями их жизненного цикла, параметрами экономической безопасности сектора домохозяйств и уровнем его вклада в ВДС. Обобщенно данную взаимосвязанность можно выразить следующим образом: повышение концентрации в отраслевой структуре ВДС доли отраслей территориальной специализации сигнализирует о переходе территорий в начальную фазу стадии упадка, что подтверждается интегральным показателем стадийного развития и данными экономической безопасности по сектору домохозяйств, а также отрицательной динамикой его вклада в экономику регионов ПФО.

В теоретико-методологическом плане новизной работы является, во-первых, включение понятия ВДС и связанных с ним аспектов в комплексное рассмотрение проблемы вклада домашних хозяйств в социально-экономическое развитие территорий с позиции триединой системы «ВДС – жизненный цикл территорий – экономическая безопасность» и, во-вторых, обеспечение учета в методическом инструментарии сдвигов в отраслевой структуре ВДС посредством коэффициента структурных различий.

Полученные в результате исследования выводы о снижении участия сектора домохозяйств в экономике и уровне стадийной принадлежности регионов ПФО свидетельствуют о необходимости актуализации и совершенствования на государственном уровне мер по укреплению экономической безопасности регионов с учетом роли сектора домохозяйств и его финансового состояния для устойчивого социально-экономического развития территорий. Это приобретает особую актуальность в условиях стремительного усиления негативного влияния на социально-экономические процессы развития территорий как в мире в целом, так и в России факторов эпидемиологического характера (распространение коронавирусной инфекции COVID-19), последствия которых пока трудно оценить.

Учитывая, что около 60 % занятых в России работают в бизнес-секторе⁹, который является основным источником для формирования платежеспособного спроса со стороны сектора домохозяйств, меры по повышению вклада сектора домохозяйств в развитие экономики территорий, на наш взгляд, должны лежать в сфере сохранения занятости населения и уровня оплаты труда путем государственной поддержки бизнеса. В этой связи разрабатываемые в настоящее время на всех уровнях управления меры по мобилизации финансовых ресурсов

⁸ Рассчитано по данным ЕМИСС.

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 143.

для повышения устойчивости экономики¹⁰ критически важно реализовывать максимально оперативно, с минимальными бюрократическими проволочками и в полном объеме, позволяя сформировать условия для минимизации роста уровня безработицы, смягчения падения и стимулирования повышения в перспективе платежеспособного спроса сектора домохозяйств как основного драйвера социально-экономического развития территорий.

По нашему мнению, реализация планируемых мероприятий в значительной мере должна осуществляться не столько за счет бюджетных средств, сколько путем совершенствования и повышения доступности для функционирования и развития бизнеса (в особенности малого и среднего, не имеющего значительных финансовых резервов) кредитно-финансовых инструментов со стороны Банка России, а также его контроля за соблюдением целевой направленности использования кредитными организациями выделяемых им на поддержку бизнеса финансовых ресурсов (организация контроля может быть осуществлена в рамках создания трехсторонней комиссии, включающей представителей Банка России, Правительства Российской Федерации и бизнес-сообщества).

В ситуации развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 необходимо в полной мере и своевременно оказать помощь предприятиям. К сожалению, практика реализации первого пакета мер государственной поддержки предпринимательства (например, возникшие проблемы с получением предпринимателями кредитов для выплаты заработной платы, выдаваемые Банком России через банковскую систему под 4% годовых с субсидированием государством до 0 % и обеспечением залога¹¹) свидетельствует об актуальности в настоящее время данных рекомендаций, в особенности по организации эффективного контроля (координации), мотивации и ответственности исполнительных структур, прежде всего исходя из фактического достижения поставленных целей и задач, а не степени реализации самого процесса достижения (при несомненной важности данного аспекта на промежуточных этапах контроля для достижения реперных точек).

Основные направления дальнейших исследований по данной тематике будут сосредоточены на выявлении и анализе взаимосвязей в системе «ВДС – жизненный цикл территорий – экономическая безопасность» в рамках других институциональных секторов экономики (бизнеса и государства) с точки зрения оценки их вклада в обеспечение социально-экономического развития территорий с учетом представленных в данной статье результатов по сектору домохозяйств.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-01211-20-01 на 2020 год.

¹⁰ Заседание Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства 27 марта 2020 года // Офиц. сайт Правительства Рос. Федерации. URL: <http://government.ru/news/39291/> (дата обращения: 31.03.2020).

¹¹ Заседание Правительства 16 апреля 2020 года // Офиц. сайт Правительства Рос. Федерации. URL: <http://government.ru/news/39510/#resh1604> (дата обращения: 16.04.2020).

Библиографический список

Анимица П. Е. Моделирование влияния домохозяйств на создание мультипликативных эффектов в регионе (на примере Свердловской области) // Управленец. 2016. № 2. С. 28–33.

Аренс Х. Д., Галиев Р. Р. Жизнеспособность фермерских домохозяйств в России: теоретические подходы и практические выводы // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 65–79.

Берендеева Е. В., Ратникова Т. А. Моделирование реакции потребительского спроса российских домохозяйств на продовольственное эмбарго // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22, № 1. С. 9–39. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-9-39.

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Регионально-поселенческие аспекты структуры нефинансового богатства российских домохозяйств // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 79–107.

Гаджиев Ю. А. Финансы домашних хозяйств: региональный анализ располагаемых ресурсов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 2. С. 105–115. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.105-115.

Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4. С. 22–41.

Данилов Ю. А. Экономическая модель компенсационного фонда в России // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 1. С. 87–104. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-87-104.

Жизненный цикл территории / Отв. ред. Н. И. Климова. Уфа: Ин-т соц.-экон. исслед. Уфим. федер. исслед. центра РАН, 2018. 114 с.

Зубец А. Н. Потребительское поведение российских домохозяйств и его влияние на темпы экономического роста России // Инновации и инвестиции. 2019. № 8. С. 173–179.

Зухба Е. Н. Генезис и развитие теоретических подходов к формированию концепции домохозяйства // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 3. С. 507–524. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.16.

Иванов П. А. Оценка финансового состояния домохозяйств в контексте жизненного цикла территорий // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2018. № 4. С. 214–218.

Ильясов Б. Г., Макарова Е. А., Закиева Е. Ш. и др. Оценка данных о доходах населения в региональном разрезе методом главных компонент // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 2. С. 601–617. DOI: 10.17059/2019-2-22.

Караев А. К. Влияние финансиализации и неравенства распределения доходов на рост экономики, инвестиционные процессы и инновации // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 6. С. 57–68. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-6-57-68.

Козырева Г. Б., Морозова Т. В., Белая Р. В. Социально-экономическое поведение домохозяйств приграничного региона как индикатор трансформации общества // Региональная экономика: теория и практика. 2015. Т. 13, № 22. С. 2–20.

Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации (вторая редакция) // Под ред. А. И. Татаркина, А. А. Куклина, А. Л. Мызина и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001. 71 с.

Кремлев Н. Д., Козлова О. А. Оценка ресурсобеспеченности и роли домохозяйств в экономике региона на основе методологии системы национальных счетов // *Ars Administradi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 4. С. 614–631. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-4-614-631.

Кулькова И. А., Неклюдова Н. П. Обеспеченность домохозяйств временем как важнейшим ресурсом и его использование // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2019. Т. 4, № 4. С. 132–138. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-132-138.

Мазин А. Л. Институциональная роль домашнего хозяйства в России // *Проблемы современной экономики*. 2019. № 1. С. 34–38.

Миринова А. А., Прокофьева Л. М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5, № 2. С. 103–121.

Митяева Н. В., Федорова Ю. В. Дисбаланс системы «потребление – сбережение» домохозяйств современной России // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2015. № 5. С. 33–37.

Морозко Н. И., Коротков А. И. Факторы сбережений домашних хозяйств и их влияние на развитие российской экономики // *Экономика и предпринимательство*. 2019. Т. 13, № 3. С. 132–135.

Набиев Р. А., Головин А. И. Аналитическая модель оценки предпринимательского потенциала сельских домохозяйств // *Бизнес. Образование. Право*. 2016. № 1. С. 67–71.

Ниворожкина Л. И. Текущие доходы и финансовое поведение домохозяйств: кто в кризис теряет больше? // *Прикладная эконометрика*. 2017. № 4. С. 85–96.

Пескова Д. Р., Россинская Г. М. Модель взаимосвязи теневой экономики и домохозяйств // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2018. № 1. С. 4–9.

Расторгуев С. В. Факторы, ресурсы, стратегии интенсивного экономического роста современной России: политический анализ // *Власть*. 2019. Т. 27, № 6. С. 21–29. DOI: 10.31171/vlast.v27i6.6795.

Региональная статистика / Под ред. В. М. Рябцева, Г. И. Чудилина. М.: МИД, 2001. 380 с.

Сенчагов В. К. Обеспечение финансовой безопасности России в условиях глобализации // *Вестник Российской академии естественных наук*. 2011. Т. 11, № 3. С. 14–19.

Сенчагов В. К., Митяков С. Н. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России // *Проблемы прогнозирования*. 2016. № 2. С. 44–58.

Хачиров Э. М. Институциональный аспект изучения термина «домохозяйство» // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. 2018. № 4. С. 41–44.

Черкашина Т. Ю. Измерение доходов населения: варианты оценки смещения // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 127–144. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-127-144.

Шнейдерман И. М., Гришанов В. И., Гузанова А. К. и др. Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств // Народонаселение. 2016. № 1. С. 42–53.

Юманова У. В. Региональные процессы социально-стратификационного неравенства населения России // Географический вестник. 2019. № 2. С. 45–56. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.

Attanasio O., Kovacs A., Molnar K. Euler equations, subjective expectations and income shocks // *Economica*. 2020. Vol. 87, № 346. P. 406–441. DOI: 10.1111/ecca.12318.

Cooper D., Luengo-Prado M. J., Parker J. A. The local aggregate effects of minimum wage increases // *Journal of Money Credit and Banking*. 2020. Vol. 52, № 1. P. 5–35. DOI: 10.1111/jmcb.12684.

Defusco A. A., Johnson S., Mondragon J. Regulating household leverage // *Review of Economic Studies*. 2020. Vol. 87, № 2. P. 914–958. DOI: 10.1093/restud/rdz040.

Evans J. R., Razeed A. A consumption v. savings analysis of increasing the superannuation guarantee levy // *Economic Papers*. 2020. Vol. 39, № 1. P. 48–57. DOI: 10.1111/1759-3441.12272.

Mian A., Sufi A., Verner E. How does credit supply expansion affect the real economy? The productive capacity and household demand channels // *Journal of Finance*. 2020. Vol. 75, № 2. P. 949–994. DOI: 10.1111/jofi.12869.

Willis D. B., Hughes D. W., Boys K. A. et al. Economic growth through entrepreneurship: Determinants of self-employed income across regional economies // *Papers in Regional Science*. 2019. Vol. 99, № 1. P. 73–95. DOI: 10.1111/pirs.12482.

Информация об авторе

Иванов Павел Андреевич – канд. экон. наук, старший научный сотрудник сектора региональных финансов и бюджетно-налоговой политики Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, Проспект Октября, 71

ORCID: 0000-0001-9880-0521

ResearcherID: O-4496-2015

Электронный адрес: ivanov-ran@mail.ru

Статья получена 16 апреля 2020 года

UDC 332.1:330.342

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-270-290

ASSESSMENT OF THE HOUSEHOLD SECTOR CONTRIBUTION TO THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE TERRITORIES OF VARIOUS STADIAL AFFILIATION

Pavel A. Ivanov

Institute of Social and Economic Researches – Subdivision
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy
of Sciences, 71 October Ave., Ufa, 450054, Russia

ORCID: 0000-0001-9880-0521

ResearcherID: O-4496-2015

E-mail: ivanov-ran@mail.ru

For citation:

Ivanov, P. A. (2020), "Assessment of the household sector contribution to the social and economic development in the territories of various stadial affiliation", *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 270–290, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-270-290.

Introduction: the article presents an assessment of the contribution household sector to the social and economic development of territories, taking into account the stages of their life cycle, as well as indicators of economic security that characterize the financial condition of households in the regions of the Volga Federal District (VFD).

Objectives: to assess and analyze the degree of household sector participation in the economy of the VFD regions in relation to economic security and the staged development of these territories.

Methods: system method, statistical method for analyzing the national accounts system indicators, grouping method, standardization method, scaling method, stage-level approach.

Results: the assessment and analysis of the household sector contribution to the gross regional product (gross value added – GVA) of the VFD regions made it possible, firstly, to take into account the activities of this sector in conjunction with the industry structure of the GVA, indicators of households economic security and life cycle stages of territories; and, secondly, to identify factors that reduce the share of households in the economy.

Conclusions: in order to increase the degree of household sector participation in the social and economic development of the territories, while developing government measures to support small and medium-sized businesses as a key source for the formation of solvent demand in the household sector it is proposed to focus on two directions: firstly, organizing effective control over the timeliness and completeness of the proposed measures and, secondly, enhancing the role and responsibility of the banking sector in stimulating small and medium-sized enterprises.

Keywords: households; social and economic development; stage; life cycle of territory; institutional sectors; financial provision of territorial development; region

Acknowledgements

The research has been funded through the Russian Ministry of Science and Higher Education state target to the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences for 2020.

References

- Animitsa, P. E. (2016), "Modelling of households' impact on creation of multiplicative effects in a region (the case of sverdlovsk oblast)", *The Manager*, no. 2, pp. 28–33.
- Ahrens, H. D. and Galiev, R. R. (2019), "Viability of farm households in Russia: Theoretical approaches and practical conclusions", *Problemy prognozirovaniya*, no. 3, pp. 65–79.
- Berendeeva, E. V. and Ratnikova, T. A. (2018), "Modeling the food embargo impact on the Russian households' consumption", *Higher School of Economics Economic Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 9–39, doi: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-9-39.
- Bogomolova, T. Yu. and Cherkashina, T. Yu. (2015), "Regional and settlement aspects in the structure of nonfinancial wealth of Russian households", *Region: Economics and Sociology*, no. 1, pp. 79–107.
- Gadzhiev, Yu. A. (2019), "Household finances: Regional analysis of disposable incomes", *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porádka*, no. 2, pp. 105–115, doi: 10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.105-115.
- Glazyev, S. Y., Lokosov, V. V. (2012). "Assessment of the critical threshold values of the indicators of the state of Russian society and their use in the socio-economic development management", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 4, pp. 22–41.
- Danilov, Yu. A. (2020), "Economic model of compensation fund in Russia", *Financial Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 87–104, doi: 10.31107/2075-1990-2020-1-87-104.
- Klimova, N. I. (ed.) (2018), *Zhiznennyy tsikl territorii* [Life cycle of territory], Publishing House of Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.
- Zubets, A. N. (2019), "Consumer behavior of Russian households and its impact on Russia's economic growth", *Innovation and Investment*, no. 8, pp. 173–179.
- Zukhba, E. N. (2018), "Genesis and development of theoretical approaches to households concept formation", *Russian Journal of Economic Theory*, vol. 15, no. 3, pp. 507–524, doi: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.16.
- Ivanov, P. A. (2018), "Assessment of the financial condition of households in the context of the life cycle of territories", *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, no. 4, pp. 214–218.
- Ilyasov, B. G., Makarova, E. A., Zakieva, E. Sh. et al. (2019), "Analysing the data on incomes in the regional context by the principal component method", *Economy of Region*, vol. 15, no. 2, pp. 601–617, doi: 10.17059/2019-2-22.

Karaev, A. K. (2018), "The impact of financialization and income inequality on economic growth, investment processes and innovation", *Economics, Taxes & Law*, vol. 11, no. 6, pp. 57–68, doi: 10.26794/1999-849X-2018-11-6-57-68.

Kozyreva, G. B., Morozova, T. V. and Belaya, R. V. (2015), "Socio-economic behavior of households of the border region as an indicator of society transformation", *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 13, no. 22, pp. 2–20.

Tatarkin, A. I., Kuklin, A. A., Myzin, A. L. et al. (eds.) (2001), *Kompleksnaya metodika diagnostiki ekonomicheskoi bezopasnosti territorial'nykh obrazovaniy Rossiiskoi Federatsii (vtoraya redaktsiya)* [Comprehensive methodology for diagnosing the economic security of territorial entities of the Russian Federation (second edition)], Publishing House of Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

Kremlev, N. D. and Kozlova, O. A. (2019), "Assessment of resource provision and the role of households in the region economy based on the methodology of the system of national accounts", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 4, pp. 614–631, doi: 10.17072/2218-9173-2019-4-614-631.

Kulkova, I. A. and Neklyudova, N. P. (2019), "Provision with time and its use as essential households resource", *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, vol. 4, no. 4, pp. 132–138, doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-132-138.

Mazin, A. L. (2019), "Institutional role of household in Russia", *Problems of Modern Economics*, no. 1, pp. 34–38.

Mironova, A. A. and Prokofieva, L. M. (2018), "Family and household in Russia: The demographic aspect", *Demographic Review*, vol. 5, no. 2, pp. 103–121.

Mityaeva, N. V. and Fedorova, Yu. V. (2015), "Imbalance of "consumption – saving" household system in modern Russia", *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, no. 5, pp. 33–37.

Morozko, N. I. and Korotkov, A. I. (2019), "Household savings factors and their influence on the development of the Russian economy", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 3, pp. 132–135.

Nabiev, R. A. and Golovin, A. I. (2016), "Analytical model for assessing the entrepreneurial potential of rural households", *Business. Education. Law*, no. 1, pp. 67–71.

Nivorozhkina, L. I. (2017), "Current incomes and financial behavior of households: Who loses more in a crisis?", *Applied Econometrics*, no. 4, pp. 85–96.

Peskova, D. R. and Rossinskaya, G. M. (2018), "The model of relation between the shadow economy and households", *Economics and Management: Research and Practice Journal*, no. 1, pp. 4–9.

Rastorguev, S. V. (2019), "Factors, resources, strategies of intensive economic growth of modern Russia: political analysis", *The Authority*, vol. 27, no. 6, pp. 21–29, doi: 10.31171/vlast.v27i6.6795.

Ryabtsev, V. M. and Chudilin, G. I. (ed.) (2001), *Regional'naya statistika* [Regional statistics], MID, Moscow, Russia.

Senchagov, V. K. (2011). "Maintenance of financial safety of Russia in the conditions of globalization", *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, vol. 11, no. 3, pp. 14–19.

Senchagov, V. K. and Mityakov, S. N. (2016), "Evaluation of economic crises using short-term indexes and average indexes of economic security of Russia", *Problemy prognozirovaniya*, no. 2, pp. 44–58.

Khachirov, E. M. (2018), "The institutional aspect of the term "household", *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, no. 4, pp. 41–44.

Cherkashina, T. Yu. (2020), "Measurement of population income: Variants of estimating biases", *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 127–144, doi: 10.32609/0042-8736-2020-1-127-144.

Shneiderman, I. M., Grishanov, V. I., Guzanova, A. K. et al. (2016), "Housing and property provision of households", *Narodonaselenie*, no. 1, pp. 42–53.

Yumanova, U. V. (2019), "Regional processes of social and stratificational inequality of the population of Russia", *Geographical Bulletin*, no. 2, pp. 45–56, doi: 10.17072/2079-7877-2019-2-45-56.

Attanasio, O., Kovacs, A. and Molnar, K. (2020). "Euler equations, subjective expectations and income shocks", *Economica*, vol. 87, no. 346, pp. 406–441, doi: 10.1111/ecca.12318.

Cooper, D., Luengo-Prado, M. J. and Parker, J. A. (2020), "The local aggregate effects of minimum wage increases", *Journal of Money Credit and Banking*, vol. 52, no. 1, pp. 5–35, doi: 10.1111/jmcb.12684.

Defusco, A. A., Johnson, S. and Mondragon, J. (2020). "Regulating household leverage", *Review of Economic Studies*, vol. 87, no. 2, pp. 914–958, doi: 10.1093/restud/rdz040.

Evans, J. R. and Razeed, A. (2020), "A consumption v. savings analysis of increasing the superannuation guarantee levy", *Economic Papers*, vol. 39, no. 1, pp. 48–57, doi: 10.1111/1759-3441.12272.

Mian, A., Sufi, A. and Verner, E. (2020), "How does credit supply expansion affect the real economy? The productive capacity and household demand channels", *Journal of Finance*, vol. 75, no. 2, pp. 949–994, doi: 10.1111/jofi.12869.

Willis, D. B., Hughes, D. W., Boys, K. A. et al. (2019), "Economic growth through entrepreneurship: Determinants of self-employed income across regional economies", *Papers in Regional Science*, vol. 99, no.1, pp. 73–95, doi: 10.1111/pirs.12482.

Received Apr. 16, 2020

УДК 338.012

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-291-313

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

В. В. КОРОВКИН

Московская школа управления СКОЛКОВО,
д. Сколково, Московская область, Россия

Г. В. КУЗНЕЦОВА

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Для цитирования:

Коровкин В. В., Кузнецова Г. В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 291–313. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-291-313.

Введение: в статье анализируются возможности и вызовы, стоящие перед российским машиностроением в контексте процессов цифровой трансформации, значение которых усилилось под воздействием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, существенным образом повлиявшей на рынки, бизнес-модели и производственные процессы.

Цель: определить, соответствует ли современный уровень развития отечественного машиностроения основным мировым трендам в области цифровой трансформации.

Методы: сравнительный анализ статистических данных, метаанализ первичных исследований кейсов российских машиностроительных компаний.

Результаты: современный ландшафт машиностроительной отрасли, определяемый в основном идеологией, выработанной в эпоху СССР, характеризуется доминированием государства и существенно зависит от государственного финансирования. Вызовы цифровой эпохи, в свою очередь, показали необходимость адаптации отрасли к новым условиям конкурентной среды, отражающей мировые тенденции цифровой трансформации.

Выводы: необходима программа конверсии отрасли, формирующая новые компетенции, ориентированные на работу на открытом рынке, в том числе в рамках глобальных стоимостных цепочек в полном цикле «разработка – производство – сервис». Это особо актуально на фоне разразившейся пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, ускорившей развитие процессов цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация; машиностроение; промышленность; экономическая политика; глобальные стоимостные цепочки; COVID-19

ВВЕДЕНИЕ

Во втором десятилетии XXI века на смену процессам, логично продолжившим автоматизацию, развивавшуюся с конца 1950-х годов, приходит цифровая трансформация. Данный процесс характеризуется не только внедрением новых технологий в производство, но и переходом к новым моделям организации бизнеса

с кардинальной перестройкой производственных и управленческих процессов, созданием иных цепочек поставок¹. Компании расширяют деятельность на базе online-платформ, аутсорсинг и офшоризацию бизнеса, что приводит к коренным изменениям в структуре и географии размещения производств, росту диспропорций, усиливающих напряженность и противоречия в экономике.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 усугубила накопившиеся противоречия. По данным аналитиков, мировой валовой внутренний продукт снизится на 3,0–2,4 %². Сложности в международной торговле, связанные с распространением вируса, коснутся многих товарных рынков. Ситуацию обостряют серьезные перебои с воздушными, морскими, автомобильными и железнодорожными грузовыми перевозками, а также перегруженность портов и хранилищ, закрытие международных транспортных центров (Долгов и Савинов, 2020). Карантинные меры нарушают глобальные стоимостные цепочки, ставят барьеры на пути передвижения товаров и услуг, спроса и предложения, порождают новую волну протекционизма. Некоторые правительства ввели запреты на вывоз определенных категорий товаров, поставили заслоны передвижению рабочей силы, принимают меры по возврату активов из наиболее пострадавших от нового коронавируса стран. Например, правительство Японии выделяет 2,2 млрд долл. в качестве поддержки компаниям, возвращающим свои производственные мощности обратно в Японию из Китая и стран Азии³.

Аналитики рассматривают V, U, L-образные сценарии дальнейшего развития экономики, исходя из того, удастся ли запустить производства в ближайшее время или простой продлится полгода и больше. На наш взгляд, в группе риска находятся страны с традиционной структурой экономики, так как они не обладают гибкой и диверсифицированной производственной и финансовой системами, включенными в процессы цифровой трансформации и способными быстро адаптироваться к новым реалиям.

Процессы цифровой трансформации (Буренин и Буренин, 2019), усиленные пандемией, определяют основные задачи, которые стоят перед отечественной промышленностью и в первую очередь машиностроением: проведение структурных преобразований, ускоренное развитие высокотехнологичных и наукоемких производств, совершенствование системы государственного управления промышленным комплексом, в том числе на основе формирования инновационной и научно-технической политики (Ткаченко, 2019, с. 80).

Реакцией на внешние вызовы стало принятие Правительством Российской Федерации законодательных норм, призванных стимулировать переход отечественной экономики на новую ступень⁴. Власть ясно дает понять, что цифро-

¹ Коровкин В. Надежда на Госплан умрет последней. Как СССР провалил компьютерную революцию [Электронный ресурс] // Republic. 2018. 28 янв. URL: <https://republic.ru/app.php/posts/89026> (дата обращения: 02.03.2020).

² Diffin E. Impact of the coronavirus pandemic on the global economy – statistics & facts [Электронный ресурс] // Statista. 2020. 4 июня. URL: <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy> (дата обращения: 05.06.2020).

³ Investment policy responses to the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс] // UNCTAD. 2020. 4 мая. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcbinf2020d3_en.pdf (дата обращения: 02.05.2020).

⁴ О государственной поддержке цифровой трансформации приоритетных отраслей экономики и социальной сферы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 05.12.2019 № 1598. URL: <http://government.ru/docs/38590> (дата обращения: 12.03.2020).

вая трансформация становится главным вектором экономической политики России. Учитывая, что ранее были приняты, но так до конца и не реализованы стратегические документы (например, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегия-2020 и др.), цели которых также были направлены на переход от сырьевой к инновационной экономике, представляется важным проанализировать состояние и готовность материально-технической базы машиностроения к цифровой трансформации

Машиностроение является отраслью, в которой цифровая трансформация создает как значимые возможности, так и существенные риски. Основные характеристики, присущие отрасли на современном этапе, можно классифицировать следующим образом:

1. Фрагментация производства, вовлечение все большего числа производителей в глобальные стоимостные цепочки, увеличение количества производственных площадок, активно конкурирующих друг с другом по цене (Кузнецова и Коровкин, 2020, с. 680). Кривая распределения добавленной стоимости начинает принимать U-образную форму. На разработку, маркетинг и сервис продукции зачастую приходится до 90 % и более общей маржи продукта, а стадия производства – при всей ее сложности – оказывается низкомаржинальной. Многие крупные компании открывают свои филиалы в странах, обеспечивающих минимальный уровень затрат, или полностью отдают стадию производства на аутсорсинг. Экосистемы крупных машиностроительных компаний, таких как *Boeing*, *Airbus*, *General Electric*, *Siemens*, *General Motors* и т. п., могут состоять из тысяч и даже десятков тысяч независимых поставщиков компонентов⁵. Среди 20 стран, лидирующих по объему автомобильного производства, девять выполняют функции производственных площадок для международных автоконцернов⁶.

Глубина сформировавшихся взаимозависимостей через глобальные стоимостные цепочки особенно отчетливо была продемонстрирована итогами первых месяцев 2020 года, когда остановившееся в Китае под влиянием пандемии производство элементной базы для мобильных устройств и компонентов для автосборки отрицательно сказалось на общих результатах работы отраслей в Европе и США. Аналогично повлияло снижение потребительского спроса. Так, компания *Apple* объявила о снижении уровня поставок iPhone в первом квартале 2020 года на 10 %. Годовой же результат, несмотря на восстановление производства, может быть еще более негативным⁷.

2. Конкуренция машиностроительных компаний, как правило, основывается на сложной комбинации потребительских свойств, качества продук-

⁵ Например, компания Boeing официально заявляет о более чем 20 тыс. поставщиков, при этом речь идет лишь о прямых поставщиках, каждый из которых, в свою очередь, может закупать продукцию у многочисленных субпоставщиков. См.: *GE aims to increase its procurement for CEE SMEs* [Электронный ресурс] // General Electric. 2017. 5 окт. URL: <https://www.genewsroom.com/press-releases/ge-aims-increase-its-procurement-cee-smes> (дата обращения: 10.03.2020).

⁶ *World's top 20 largest passenger car-producing countries in 2017 (million units)* [Электронный ресурс] // Geoworld Magazine. 2018. 20 нояб. URL: <https://ceoworld.biz/2018/11/20/worlds-top-20-largest-passenger-car-producing-countries-in-2017-million-units/> (дата обращения: 12.03.2020).

⁷ *Капитализация Apple упала ниже \$1 триллиона впервые с октября* [Электронный ресурс] // Вести. 2020. 24 марта. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3250699> (дата обращения: 15.03.2020).

ции, сопутствующего сервиса и так называемой «ценой потребления». В связи с этим успех на мировом рынке машин и оборудования требует управления весьма разнородными бизнес-процессами.

3. Продукция машиностроительного производства отличается высокой стоимостью, и ее приобретение часто осуществляется с помощью разного рода финансовых инструментов (кредитования на льготных условиях, передачи в лизинг, предоставления рассрочки платежа, выделения государственных субсидий и т. д.), что ставит отрасль в зависимость от общих циклов и ситуации на финансовых рынках, как глобальных, так и национальных.

4. Машиностроение требует большого предложения высоко- и среднеквалифицированного труда. Качество машиностроительного производства весьма чувствительно к общей производственной культуре, сложившейся в той или иной стране. Недостаточное развитие национального человеческого капитала может быть значимым барьером для развития машиностроения.

Долгое время считалось, что в силу управленческой сложности в машиностроительном производстве существуют серьезные входные барьеры, эффективно защищающие отрасль от новых игроков. Однако успешное появление таких компаний-новичков, как *Tesla* или *Space X* в самых сложных сегментах устоявшихся рынков – премиальных автомобилях и космических носителях – показывает, что в эпоху промышленной революции молодые инновационные компании часто добиваются успеха, несмотря на отсутствие опыта в индустрии.

Развивающиеся страны прилагают систематические усилия по повышению конкурентоспособности национальных машиностроительных предприятий, выводу продукции на глобальные рынки, переходу от режима производственных площадок к полному циклу «разработка – производство – сервис». Важную роль в этом процессе играет вывоз капитала и приобретение крупных международных корпораций, имеющих богатую историю, высокий технологический уровень, сложившуюся инженерную школу (Антипина, 2020, с. 14). Достаточно вспомнить приобретение китайской компанией *Lenovo* производственных мощностей *IBM*, индийской *Tata Group* – британской автомобильной компании *Jaguar Land Rover* или китайской *Geely* – компании *Volvo* и доли в *Volvo Trucks* с последующим трансфером инженерных, маркетинговых, производственных и общих управленческих компетенций (Кузнецова и Коровкин, 2020, с. 682). В результате доля развивающихся стран на глобальном машиностроительном рынке постоянно растет и в настоящий момент составляет 45 %. Данная тенденция существенно обостряет глобальную конкуренцию. Новые игроки из таких стран, как Китай или Индия, бросают серьезный вызов традиционным лидерам даже в высокотехнологичных отраслях – вроде космических запусков⁸.

Как отмечалось выше, цифровая трансформация в машиностроении означает не просто внедрение новых технологий, но прежде всего переход к новым моделям организации бизнеса. Это предполагает следующее.

⁸ Характерна динамика запусков иностранных спутников индийской ISRO: в 2016 году – 21 спутник, 2017 – 129 спутников (в частности – 104 спутника одним запуском в феврале 2017 года, это мировой рекорд), 2018 – 59 спутников, 2019 – 49 спутников. См.: *В гости к сыну Солнца. Чего ждать от индийской космической программы?* [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2019. 5 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4046336> (дата обращения: 12.03.2020).

1. На этапе разработки продукции: переход от натуральных испытаний к виртуальным, позволяющим кардинально ускорить и удешевить процессы НИОКР, расширить спектр вариантов инженерных решений, внедрить новые платформы распределенной коллаборации, обеспечивающие решение инженерно-конструкторских и дизайнерских задач на постоянной основе.

2. На этапе производства: использование технологий Индустрии 4.0 для снижения расходов и повышения качества продукции (роботизация, 3D-технологии, технологии дополненной и виртуальной реальности).

3. На этапе послепродажного обслуживания: переход к контрактам жизненного цикла и модели «актив как услуга» (примером может быть *Rolls Royce*, перешедший от продажи авиадвигателей к продаже их пробега), требующей привлечения «больших данных» (Smith-Gillespie et al., 2018, p. 30).

Стремительное развитие цифровых технологий приводит также к изменению сущности самого машиностроительного продукта: из преимущественно механической системы он превращается в систему киберфизическую – digital (от соединения digital и physical), т. е. управляемую сложными компьютерными алгоритмами. Примером может быть автомобиль *Tesla*, постоянно адаптирующийся к стилю вождения владельца и поведению его пассажиров. Его программное обеспечение является столь же важным компонентом общего продукта, как двигатель или кузов.

Следующим шагом в мировом автомобилестроении должен стать переход к полностью автономному автомобилю, над которым сейчас работают практически все крупные мировые автоконцерны: *Volkswagen*, *Daimler*, *Tesla*, *BMW Group*, *Toyota* и др. Прогнозы по продажам беспилотных автомобилей на 2020 год составляют 2 млн шт., а на 2035 год – более 30 млн. Объем рынка интеллектуальных систем помощи на дороге – ADAS (Advanced Driver Assistance Systems) в 2020 году, по оценкам экспертов, может составлять до 75 млрд долл. Похожие процессы цифровизации физического продукта происходят во всех сегментах машиностроения. Так, современный авиадвигатель содержит до пяти тыс. цифровых датчиков и генерирует во время работы более 10 Гб информации в секунду (O'Brien et al., 2020, p. 44). Машиностроительные компании, замыкающие цепочки создания стоимости, являются заказчиками цифровой трансформации и для других отраслей – металлургии, энергетики, химии, нефтехимии и т. д.

Однако цифровая трансформация создает для машиностроительных компаний не только возможности, но и вызовы. Помимо уже упомянутого изменения конкурентного ландшафта, связанного с приходом новых игроков, она оказывает существенное воздействие на конечные рынки продукции. Переход к «экономике совместного потребления» (“sharing economy”) (Чумаков, 2016), а также повышение качества сервисных процессов приводят к снижению продаж готовых изделий. Например, ожидается, что средние темпы роста мирового рынка автомобилей (в ед.) к 2030 году снизятся с нынешних 3,6 % в год до 2 %⁹. 2019 год стал вторым подряд по падению объема продаж – 77 млн ед.

⁹ *Automotive revolution – perspective towards 2030. How the convergence of disruptive technology-driven trends could transform the auto industry* [Электронный ресурс] // McKinsey&Company. 2016. Янв. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/automotive%20and%20assembly/our%20insights/disruptive%20trends%20that%20will%20transform%20the%20auto%20industry/>

против исторического максимума в 79 млн в 2017 году¹⁰.

Ответом машиностроительных компаний на этот вызов являются венчурные инвестиции в платформы, направленные на диверсификацию бизнеса. Примерами являются совместное предприятие *BMW* и *Daimler* по созданию платформы «разделенных поездок» (*ride-sharing platform*)¹¹, созданное в 2019 году; инвестиции *Jaguar Land Rover* в сервис такси *Lyft* (2017 год)¹²; инвестиции *Hyundai* в австралийскую платформу *Car Next Door* (2019 год)¹³, инвестиции *Volkswagen* в *Gett* (2016 год)¹⁴ и т. д. В целом компании машиностроительного сектора придерживаются стратегии «цифровой обертки» – получения дополнительной прибыли за счет «расширения» границ компании путем предоставления потребителю с помощью цифровых платформ дополнительных сервисных возможностей¹⁵.

Также в рамках данного стратегического направления машиностроительные компании активно внедряют технологии управления производством Индустрии 4.0, стремясь создать максимально быстрое «бесшовное» соединение процессов, объединяющих разработку, маркетинг, собственно производство и послепродажный сервис с максимальным использованием возможностей аналитики «больших данных».

Подводя итог, можно сказать, что машиностроительные компании активно включаются в цифровую трансформацию, внедряя интернет вещей, цифровое проектирование и моделирование, квантовые технологии, «большие данные», новую элементную базу, робототехнику, сенсоры и датчики, технологии аддитивного производства (3D-печать), облачные технологии и суперкомпьютерные технологии¹⁶.

auto%202030%20report%20jan%202016.ashx (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁰ Number of cars sold worldwide between 2010 and 2020 (in million units) [Электронный ресурс] // Statista. 2020. 7 мая. URL: <https://www.statista.com/statistics/200002/international-car-sales-since-1990/> (дата обращения: 09.05.2020).

¹¹ Daimler, BMW invest €1 billion in ride-sharing venture [Электронный ресурс] // Deutsche Welle (DW). 2019. 23 фев. URL: <https://www.dw.com/en/daimler-bmw-invest-1-billion-in-ride-sharing-venture/a-47648538> (дата обращения: 13.03.2020).

¹² Automakers rev up venture capital engine with 38 investments in 2017 [Электронный ресурс] // PYMNTS.com. 2019. 19 янв. URL: <https://www.pymnts.com/news/investment-tracker/2018/ridesharing-inmotion-jaguar-land-rover/> (дата обращения: 13.03.2020).

¹³ Hyundai invests into Car Next Door car-share platform, with eye on electric [Электронный ресурс] // The Driven. 2019. 19 сент. URL: <https://thedriven.io/2019/09/19/hyundai-invest-6-million-into-car-next-door-car-share-platform/> (дата обращения: 09.05.2020).

¹⁴ Volkswagen invests \$300 million in Uber competitor Gett [Электронный ресурс] // SNN Business. 2016. 24 мая. URL: https://money.cnn.com/2016/05/24/technology/volkswagen-gett-300-million/?section=money_topstories (дата обращения: 09.05.2020).

¹⁵ Как понимать цифровую трансформацию? Рабочий доклад Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS). 2017. С. 35 [Электронный ресурс]. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2017-05-18_ru.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁶ Информационно-аналитический отчет. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2017. Янв. 116 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Материалы%20в%20разделе%20Аналитика/Отраслевые%20обзоры/ЦИФРОВАЯ%20ТРАНСФОРМАЦИЯ%20ПРОМЫШЛЕННОСТИ%2013.02.2017.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

Настоящее исследование ставит перед собой цель определить, соответствует ли современный уровень развития отечественного машиностроения основным мировым трендам в области цифровой трансформации.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставленная цель требует комплексного исследовательского подхода. С одной стороны, имеющиеся официальные статистические данные (Росстат) позволяют провести детальный анализ динамики производства по основным отраслям машиностроения. С другой стороны, их недостаточно для выявления тенденций внутренней структурной перестройки отрасли как ответа на вызовы цифровой эпохи. Некоторую дополнительную информацию может предоставить корпоративная отчетность крупных российских машиностроительных предприятий, значительная часть которых являются акционерными обществами¹⁷. Публикуемые данные позволяют, в частности, оценить финансовое состояние отрасли, а развернутые пояснения для инвесторов, сопровождающие отчетность, дают определенное понимание стратегических и операционных приоритетов менеджмента компаний.

Однако процесс внедрения сложных цифровых технологий характеризуется значительным временным промежутком между началом и получением значимых экономических эффектов (Wang et al., 2016). Таким образом, текущие финансовые и статистические данные в полной мере не отражают картину цифровизации российского машиностроения. По этой причине в контексте поставленной цели важной исследовательской задачей является описание операционной деятельности машиностроительных предприятий на качественном уровне. Материалом для этого служит научная литература (российская и зарубежная), статьи бизнес-консультантов, а также публикации в средствах массовой информации.

Среди академических исследований российских ученых выделяются работы, посвященные изучению роли машиностроения в инновационном развитии экономики России (Борисов и Почукаева, 2019); международной конкурентоспособности российской промышленности (Ткаченко, 2019); методов инновационного развития российских компаний (Gershman et al., 2016), таких как форсайты и дорожные карты (Gershman and Thurner, 2018). Важным источником является доклад, анализирующий высокотехнологичный бизнес в регионах страны (Земцов, 2020). Моделям цифровизации машиностроения в России посвящена статья Ю. Туровец и К. Вишневского (Turovets and Vishnevskiy, 2019).

Важными источниками сравнительного межстранового статистического анализа и практических рекомендаций являются отчеты российского отделения международной компании *McKinsey* по вопросам становления цифровой экономики в России и инновационного развития российской промышленности¹⁸.

¹⁷ Даже предприятия, входящие в госкорпорацию «Ростех», в большинстве своем оформлены как акционерные общества и предоставляют в открытом доступе соответствующую финансовую отчетность.

¹⁸ *Инновации в России – неисчерпаемый источник роста* [Электронный ресурс] // McKinsey & Company. 2018. Июль. 110 с. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/>

Кроме того, отметим исследовательский проект Московской школы менеджмента – Института исследований развивающихся рынков СКОЛ-КОВО, основанный на глубинных интервью, который посвящен выявлению повестки директоров по цифровой трансформации ряда российских компаний с государственным участием, большая часть из которых представляла машиностроительный сектор (Коровкин, 2019).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности развития машиностроения в России

Понимание возможностей и вызовов цифровой трансформации в российском машиностроении невозможно вне исторического контекста. Нынешний ландшафт машиностроительной отрасли в России сформирован в эпоху советской плановой экономики, которая минимизировала конкуренцию на внутреннем рынке¹⁹, а также идеологическим противостоянием с «капиталистическим окружением» с учетом вероятности возникновения масштабного военного конфликта. Советская инженерная школа была ориентирована на создание простой и надежной продукции, эксплуатируемой в условиях ограниченных возможностей по ремонту и обслуживанию. Комфорт пользователя, эргономика, соответствие экологическим нормам, ресурсо- и материалосбережение никогда не рассматривались как важные факторы производства.

СССР производил чрезвычайно широкую номенклатуру машиностроительной продукции, сопоставимую в то время лишь с ассортиментом США²⁰.

Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx (дата обращения: 12.03.2020); *Цифровая Россия: новая реальность* // McKinsey & Company. 2017. Июль. 133 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁹ Плановая экономика не исключала конкуренцию вообще, особенно в рамках оборонно-промышленного комплекса, где сознательно поддерживалось соревнование между конструкторскими бюро, каждое из которых основало свою инженерную школу. Например, истребители создавались на конкурсной основе конструкторскими бюро МиГ, Сухого и Яковлева, дальние бомбардировщики – бюро Туполева и Мясищева, транспортные самолеты – Антонова и Ильюшина и т. д. В гражданском автомобилестроении продукция заводов «ВАЗ» и «АЗЛК» была близка по потребительским характеристикам и вполне могла бы конкурировать на рынке, если бы не систематический дефицит предложения.

²⁰ Характерной чертой развития отрасли было инженерное соревнование в отдельных областях с лучшими международными проектами вне зависимости от экономической обоснованности разработок. СССР создал серийную модель сверхзвукового пассажирского самолета, конкурировавшего по техническим характеристикам с англо-французским Concorde. Компании США посчитали разработку такого типа воздушного судна нецелесообразной. В условиях экономики СССР сверхзвуковые полеты не могли найти адекватного платежеспособного спроса – в отличие от бизнес-модели Concorde, рассчитанной на состоятельную бизнес-аудиторию, с предложением «визит из Парижа или Лондона в Нью-Йорк и обратно за один рабочий день». Тем не менее в СССР было произведено 16 самолетов Ту-144, хотя их эксплуатация была глубоко убыточной. Всего Ту-144 перевезли 3 284 пассажира, в то время как Concorde за свою историю перевезли более 2,5 млн чел. См.: *Крамник И. Иллюзия возможностей: зачем нужен сверхзвуковой пассажирский самолет* [Электронный ресурс] // Известия. 2019. 19 фев. URL: <https://iz.ru/846744/ilia-kramnik/illiuziia-vozmozhnoستي-zachem-nuzhen-sverkhzvukovoi-passazhirskii-samolet> (дата обращения: 12.03.2020).

Однако в отличие от капиталистических стран советская продукция не встраивалась в международные системы разделения труда: приобретались (и экспортировались) готовые изделия, а не компоненты, советские управленцы, как правило, не имели компетенций в организации сложных логистических цепочек с участием большого количества независимых поставщиков и в обеспечении сервиса.

Сейчас подавляющее большинство российских машиностроительных предприятий (за исключением некоторого количества производственных площадок международных концернов, построенных начиная с 1990-х годов) действуют в парадигме советского периода. На контрасте с кризисом 90-х годов XX столетия период 1960–1980-х годов воспринимается многими менеджерами и инженерами как эпоха «золотого века» отечественного машиностроения. Таким восприятием продиктованы многие управленческие решения как на государственном уровне, так и на уровне отдельных предприятий.

Между тем именно в период «золотого века» уходят корни современных проблем отечественного машиностроения: слабое понимание запросов рынка, отсутствие опыта поиска рыночных ниш; морально устаревший дизайн продукции с низким приоритетом таких потребительских характеристик, как комфорт, эстетичность, экологичность; обилие мелких дефектов в готовых изделиях; неразвитое послепродажное обслуживание.

В середине 2000-х годов начала формироваться государственная политика в области машиностроения, которая также определила нынешнее положение отрасли. Считаем, были возрождены некоторые подходы советской эпохи: высокий объем госзаказа, обеспечивающий сбыт ключевым предприятиям; участие государства в управлении крупными компаниями через назначение топ-менеджеров и представителей в советах директоров; разработка проектов разработки и производства определенных продуктов, призванных конкурировать с продукцией международных компаний и пользующихся масштабной государственной поддержкой (например, пассажирские самолеты *Super Jet* и *МС-21*) (Gershman and Thurner, 2018, p. 158).

Реструктуризация отрасли «сверху» была институционализирована созданием в 2007 году госкорпорации *Ростехнологии* (ныне *Ростех*), которой были переданы государственные пакеты акций нескольких сотен предприятий, преимущественно машиностроительного сектора (в частности, на базе *Ростехнологий* произошла консолидация управления группой *АвтоВАЗ*). В дальнейшем из этих предприятий были сформированы отраслевые холдинги (в настоящий момент насчитывается 14, из них 11 – военные и 3 – гражданские). Другими крупными игроками в машиностроении стали госкорпорации *Росатом* и *Роскосмос*. Произошла фактическая национализация большинства отраслей машиностроения, если не с точки зрения номинального владения (во многих случаях государство имеет в предприятиях лишь пакет акций), то с точки зрения общего управления²¹. Инструментами государственной

²¹ Значимыми примерами фактической национализации были консолидация государственного пакета акций в «АвтоВАЗ», приобретение Газпромбанком 85 % акций группы «Уралмаш – Ижора», переход под контроль государства крупных пакетов акций «Объединенной вагонной компании» в рамках санации банков «Открытие» и «Траст».

политики выступают органы исполнительной власти (Минпромторг России, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и т. д.), госкорпорации и компании с государственным участием, обеспечивающие и спрос на продукцию, и финансирование производства.

Данный комплекс мер, с одной стороны, позволил преодолеть финансовый и идеологический кризисы в отрасли: предприятия оказались обеспечены объемами гарантированного сбыта, получили средства на техническое перевооружение и целевое финансирование крупных инновационных проектов. Обратной стороной стала бюрократизация процессов управления, потеря инициативы в поиске рыночных возможностей и разработке продукции, разрушение компетенций в области маркетинга, которые все же начали зарождаться в 1990-е годы. Создание отраслевых холдингов, имевшее целью сокращение расходов за счет консолидации инженерных, производственных и управленческих процессов, разрушило систему инженерной конкуренции. Особенности ценообразования при формировании государственных заказов порой не позволяют исполнителям получить достаточно прибыли для развития, в результате чего предприятия не имеют ресурсов для разработки продуктов, конкурентоспособных на открытом рынке. Многие крупные предприятия отрасли убыточны²².

Участие частного капитала в российском машиностроении меньше, чем в других отраслях промышленности. В рейтинге 200 крупнейших частных компаний России в 2019 году, составленном *Forbes*, есть лишь шесть машиностроительных компаний, крупнейшая из них *Трансмашхолдинг* находится на 44-м месте²³.

Частный бизнес играет роль в транспортном машиностроении (*Трансмашхолдинг*, *Синара*, *ОВК*, *Русская корпорация транспортного машиностроения*), автомобилестроении (*Группа ГАЗ*, *Группа Sollers*) и производстве машин и оборудования для нефтегазового комплекса (*Группа ГМС*, *Группа Новомет*). В остальных секторах, напротив, частный капитал присутствует,

²² Например, убытки Объединенной авиастроительной компании (ОАК) составили в 2018 году 18,5 млрд руб. См.: Чистый убыток ОАК в 2018 году вырос в семь раз [Электронный ресурс] // Ведомости. 2019. 14 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/06/14/804240-chistii-ubitok-oak> (дата обращения: 18.03.2020); Ростех в отчете за 2017 год сообщил об убытках ряда входящих в него холдингов: концерн Калашников: –2,4 млрд руб., Росэлектроника: –2,8 млрд руб., Уралвагонзавод: –3,4 млрд руб. См.: Годовой отчет государственной корпорации «Ростех» за 2017 год [Электронный ресурс] // Ростех. 2018. URL: <https://rostec.ru/upload/iblock/609/60954456d3f675625e60918653ceb028.pdf> (дата обращения: 18.03.2020); при том, что госкорпорация «Ростех» в целом получила консолидированную чистую прибыль в размере 121,3 млрд руб. Финансовые результаты по подразделениям в 2018 году не разглашались. См.: Основные показатели деятельности [Электронный ресурс] // Ростех. URL: <https://rostec.ru/investors> (дата обращения: 18.03.2020); убыток Государственного космического научно-производственного центра им. М. В. Хруничева, входящего в состав госкорпорации «Роскосмос», в 2017 году составил более 23 млрд руб. См.: Бухгалтерский баланс на 31 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // АО «ГКНППЦ им. М.В. Хруничева». URL: http://www.khrunichev.ru/download/godovaa_buhgalterskaa_otcetnost__za_2017_god.pdf (дата обращения: 18.03.2020).

²³ 200 крупнейших частных компаний России [Электронный ресурс] // Forbes. 2019. URL: <https://www.forbes.ru/rating/383547-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2019-reyting-forbes> (дата обращения 20.03.2020).

скорее, в виде портфельных инвестиций, многие компании с государственным участием являются по своей организационной форме акционерными обществами и имеют пакеты акций в частном владении или в свободном обращении на бирже²⁴. В ряде сегментов заметно участие иностранного капитала, прежде всего – в автомобилестроении, где международные концерны не только создали свои предприятия, но и вошли в капитал российских производителей (*Renault* – в АвтоВАЗ, *Daimler* – в КАМАЗ).

В других отраслях можно наблюдать аналогичную картину: *Alstom* владеет 20 % акций *Трансмашхолдинга*, *Siemens* имеет совместное предприятие с *Группой Синара*, а также участвовала в капитале *Силовых машин*, *Alstom* состоит в совместном предприятии с *Атомэнергомашем*.

Положение отечественного машиностроения довольно сложное. По оценочным данным за 2018 год, Россия занимает 23-е место в мировом рейтинге машин и оборудования сразу за Сингапуром (20-е), Финляндией (21-е), Чехией (22-е), при этом значительно отстает от стран группы БРИКС – Китая (первое место в мире), Индии (девятое) и Бразилии (12-е)²⁵. По доле высокотехнологичных и среднетехнологичных видов деятельности в обрабатывающей промышленности Россия занимает 48-е место в мире (в 2016 году – 44-е место), уступая всем странам БРИКС и восточноевропейским государствам. Страна экспортирует менее 0,5 % от высокотехнологичной продукции мира, при этом большую часть ее составляет продукция оборонно-промышленного комплекса (Кузнецова и Цедилин, 2019, с. 10).

С 2014 года российская экономика вошла в новую для себя фазу продолжительной стагнации, в том числе и в машиностроении. В 2015 году индекс производства машин и оборудования снизился на 11 пунктов, в 2016 году тенденция сохранилась и только в 2017 году наметились первые признаки оживления. Однако конец 2018 года снова показал снижение динамики производства. По итогам 2019 года выпуск продукции машиностроения оказался ниже, чем в 2018 году (рис.). В 2020 году стало очевидно, что пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 и вынужденные приостановки производств усилят обозначившуюся негативную тенденцию. Согласно экспертным оценкам, в апреле 2020 года сокращение производства в обрабатывающей промышленности может составить 5–10 %, а в следующем месяце – до 7–10 %. Одна неделя карантина отнимает у промышленности около 1 пункта прироста в годовом выражении²⁶.

²⁴ Частным акционерам принадлежит 4,1 % Объединенной авиастроительной корпорации, холдинг «Mubadala» из ОАЭ владеет 12 % акций «Вертолетов России», 4 % акций компании «КАМАЗ» торгуются на Московской бирже, значительная часть акций Ракетно-космической корпорации «Энергия» контролируется менеджментом или торгуется на бирже и т. д.

²⁵ Задача машиностроения России – догнать и перегнать Финляндию [Электронный ресурс] // Deutsche Welle (DW). 2020. 20 марта. URL: [dw.com/ru/задача-машиностроения-россии-догнать-и-перегнать-финляндию/a-48029396](https://www.dw.com/ru/задача-машиностроения-россии-догнать-и-перегнать-финляндию/a-48029396) (дата обращения: 13.03.2020).

²⁶ Российская промышленность в марте резко замедлила темпы роста [Электронный ресурс] // РБК. 2020. 22 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/04/2020/5ea02ee79a794705d8404de0> (дата обращения: 24.05.2020).

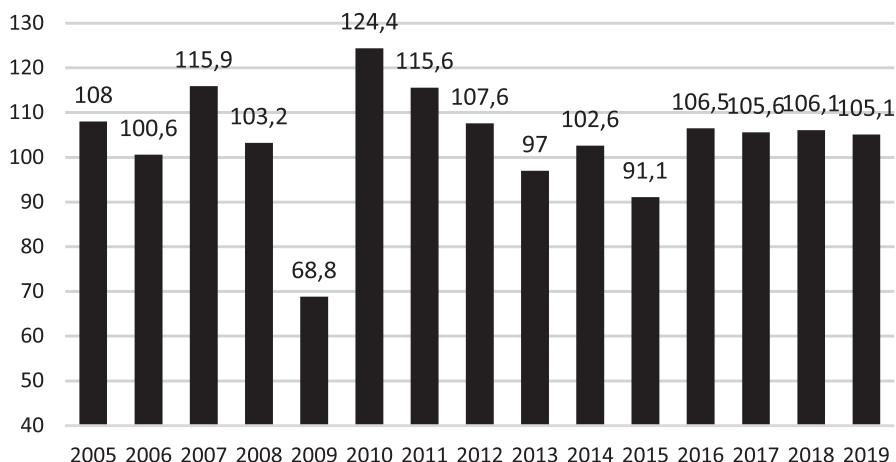

Рис. Индекс производства в машиностроительном комплексе /
Fig. Production in the machine-building complex

Источник: аналитический бюллетень «Машиностроение: тенденции и прогнозы»²⁷.

Важным внешним негативным фактором стали западные санкции, особенно затронувшие отрасль машиностроения: под ними оказались практически все предприятия, связанные с оборонно-промышленным комплексом, а также некоторые крупные гражданские частные компании, например *Группа ГАЗ*. Персональные санкции были введены в отношении ряда топ-менеджеров отрасли. Результатом стало сокращение количества международных проектов, сложности с выходом на мировой рынок и привлечением зарубежного финансирования. Снижение деловой активности и падение реальных доходов населения привели к стагнации потребительского спроса на продукцию автомобилестроения.

Таким образом, общие показатели отрасли последних лет были обусловлены как снижением инвестиционной активности, так и падением спроса на внутреннем рынке при очевидных трудностях вывода продукции на внешние рынки (Борисов и Почукаева, 2019).

Особенности цифровой трансформации российского машиностроения

С точки зрения уровня цифровизации Россия демонстрирует противоречивую динамику. С одной стороны, страна занимает восьмое место в мире по количеству пользователей сети Интернет²⁸ с достаточно высоким показателем

²⁷ Аналитический бюллетень. Машиностроение: тенденции и прогнозы. Выпуск № 37. Итоги 2019 года [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. 2020. С. 4. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/mechanical_engineering_demo.pdf (дата обращения: 29.03.2020).

²⁸ Top 20 countries with the highest number of internet users [Электронный ресурс] // Internet World Stats. 2019. 30 июня. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 12.03.2020).

телем относительного проникновения (78 %²⁹), доменная зона .ru находится на восьмом месте среди доменных зон и на нее приходится 2 % мировых Интернет-доменов (среди страновых доменных зон выше позиции только у китайской .cn и зоны .tk, которая формально принадлежит Токелау, но предоставляет возможность бесплатной регистрации доменов пользователям из любой точки мира), русский язык считается вторым в Интернете по объему созданного на нем контента³⁰. Интернет-поисковик *Yandex* является единственным примером за пределами Восточной Азии, когда национальный поисковый сервис на протяжении почти 15 лет выигрывает конкуренцию за долю рынка у международного гиганта *Google*. Почти половина (47 %) населения России зарегистрирована в социальных сетях и активно ими пользуется, 55,9 млн чел. заходят туда с мобильных устройств. По времени нахождения в социальных сетях россияне опережают американцев, канадцев и англичан: ежедневно они проводят там более двух часов, в целом среднестатистический россиянин находится в Интернете почти 6,5 часов в сутки, 85 % пользователей выходят в онлайн каждый день (см. табл.)³¹.

С другой стороны, Россия занимает довольно низкие позиции практически во всех международных рейтингах цифровизации: лучшими результатами являются 22-е место по показателю внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в рамках глобального индекса конкурентоспособности WEF³² и 29-е место в индексе готовности правительства к использованию искусственного интеллекта³³. Российские компании цифровой экономики, такие как *Yandex*, *Mail.ru*, *Ozon*, *Rambler* и т. д., занимая прочные позиции на внутреннем рынке, имеют ограниченное присутствие в глобальном Интернете, их рыночная капитализация невелика по международным меркам. Так, по состоянию на 25 января 2020 года, лидирующая российская компания *Yandex* имела рыночную капитализацию 14 млрд долл.³⁴ при том, что капитализация китайской компании *Baidu* с похожей бизнес-моделью составляет 42 млрд долл.³⁵, а компании *Naspers* из Южной Африки, активно инвестирующей в Интернет на развивающихся рынках, в том числе

²⁹ 78 % населения страны: как Интернет проникает в Россию [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2019. 18 сент. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2019/09/18/12658993/mediascope.shtml> (дата обращения: 12.03.2020).

³⁰ *Historical trends in the usage statistics of content languages for websites* [Электронный ресурс] // W3Techs – World Wide Web Technology Surveys. 2020. 18 июня. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language (дата обращения: 19.06.2020).

³¹ *Проникновение Интернета в России: итоги 2018 г.* [Электронный ресурс] // Dnative. 2019. 16 янв. URL: <https://dnative.ru/proniknovenie-interneta-v-rossii-itogi-2018-goda/> (дата обращения: 12.03.2020).

³² *The global competitiveness report 2019* / Ed. by C. Shwab [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 2019. P. 15. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

³³ *Government artificial intelligence readiness index 2019* [Электронный ресурс] // Oxford Insights. 2019. URL: <https://www.oxfordinsights.com/ai-readiness2019> (дата обращения: 19.03.2020).

³⁴ *Yandex market cap* [Электронный ресурс] // YCharts. 2020. 12 марта. URL: https://ycharts.com/companies/YNDX/market_cap (дата обращения: 12.03.2020).

³⁵ *Baidu market cap* [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2020. 19 марта. URL: <https://www.bloomberg.com/quote/BIDU:US> (дата обращения: 19.03.2020).

в России, – 78 млрд долл³⁶. Россия теряет свои позиции в мировом рейтинге суперкомпьютеров: если в ноябре 2010 года она занимала седьмое место с долей 2,2 %³⁷, то в ноябре 2019 года опустилась на 16-е с долей 0,6 %³⁸.

Таблица / Table

**Основные показатели развития цифровой экономики России /
Key development indicators of digital economy in Russia**

Показатели	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ, % от ВВП	3,0	2,6	2,7	2,6	н/д
Валовая добавленная стоимость сектора ИКТ, % к общему объему внутренних затрат на исследования и разработки	8,2	8,3	8,0	8,3	н/д
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организациями сектора ИКТ, %	5,7	6,4	6,6	8,0	н/д
Число публикаций российских авторов в области ИКТ в изданиях, индексируемых в Scopus, % от общемирового числа публикаций в области ИКТ	1,87	2,12	2,74	2,75	н/д
Индекс цифровой готовности CISCO, позиция ³⁹	н/д	н/д	н/д	н/д	45
Индекс сетевой готовности WEF, позиция	н/д	41	н/д	н/д	77
в том числе сетевой готовности бизнеса, позиция	н/д	67	н/д	н/д	90
Показатель использования ИКТ в индексе глобальной конкурентоспособности WEF, позиция ⁴⁰	н/д	н/д	н/д	25	22
Индекс цифровой конкурентоспособности IMD, позиция	41	40	42	40	38
Индекс готовности правительства к искусственному интеллекту, позиция ⁴¹	н/д	н/д	н/д	н/д	29
Индекс развития ИКТ ITU, позиция ⁴²	45	н/д	45	н/д	н/д
Компьютеры в топ-500 мировых суперкомпьютеров (позиция / % от количества)	9 / 1,4 %	9 / 1 %	18 / 0,6 %	17 / 0,6 %	16 / 0,6 %

³⁶ *Naspers market cap* [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2020. 19 марта. URL: <https://www.bloomberg.com/quote/NPSNY:US> (дата обращения: 19.03.2020).

³⁷ *List statistics* [Электронный ресурс] // TOP500.org. 2010. Nov. URL: <https://www.top500.org/statistics/list/54/countries/> (дата обращения: 22.03.2020).

³⁸ *List statistics* [Электронный ресурс] // TOP500.org. 2019. Nov. URL: <https://www.top500.org/statistics/list/54/countries/> (дата обращения: 22.03.2020).

³⁹ До 2019 года Россия не входила в индекс цифровой готовности CISCO.

⁴⁰ До 2018 года показатель использования ИКТ в индексе глобальной конкурентоспособности WEF не выделялся в отдельный подиндекс.

⁴¹ До 2019 года Россия не входила в индекс готовности правительства к искусственному интеллекту.

⁴² Индекс развития ИКТ ITU считается один раз в два года.

Показатели	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Патентные заявки, поданные российскими заявителями по направлению ИКТ, ед.	2346	1945	2223	2234	н/д
Патентные заявки, поданные российскими заявителями по направлению ИКТ, % к общему числу патентных заявок, поданных российскими заявителями	0,45	0,35	0,32	0,34	н/д
Абоненты фиксированного широкополосного доступа к Интернету в расчете на 100 чел. населения, ед.	18,3	18,6	20,9	21,6	н/д
Абоненты мобильного доступа к Интернету в расчете на 100 чел. населения, ед.	69,1	72,4	81,3	86,8	н/д

Источник: составлено авторами на основе (Абдрахманова и др., 2020).

Картина цифровой трансформации промышленности, включая машиностроение, столь же контрастна: отдельные яркие достижения соседствуют с существенными системными слабостями (Пищик и Алексеев, 2020). Так, в исследовании Московской школы менеджмента – Института исследований развивающихся рынков СКОЛКОВО (Коровкин, 2019) рассматривалось как применение конкретных технологических решений, так и отношение уполномоченных сотрудников к цифровой трансформации в машиностроении⁴³. Оно показало, что, хотя повестка цифровизации, как правило, понята и принята российскими машиностроительными компаниями (проникновение отдельных решений сдерживается лишь ресурсами), масштабная цифровая трансформация запаздывает и может столкнуться с организационным и культурным сопротивлением.

Наибольшее внимание российские машиностроительные компании уделяют редизайну производственных процессов на цифровой основе, используя технологии «цифрового двойника» и «виртуальной фабрики». Кроме того, они активно наращивают парк робототехники, который в настоящее время в России развит недостаточно: по данным на 2019 год в стране используется всего пять роботов на 10 000 работников, это в 160 раз меньше, чем в Сингапуре (831) и в 155 меньше, чем в Республике Корея (774), являющихся лидерами в проникновении робототехнических систем. В других странах показатели также в десятки раз превышают отечественный уровень: в Германии – 338 на 10 000 работников, в Японии – 327, Швеции – 247, США – 217, Китае – 140⁴⁴.

Российские компании также начали работу над киберфизическими продуктами, стремясь встроить их в цифровые сервисные платформы, служащие

⁴³ Из машиностроительного сектора в исследовании приняли участие компании «Алмаз-Антей», «НПО Энергомаш», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Океанприбор», «Росатом», ПАО «КАМАЗ».

⁴⁴ IFR press conference [Электронный ресурс] // IFR (International Federation of Robotics). 2019. 18 сент. Р. 32. URL: <https://ifr.org/downloads/press2018/IFR%20World%20Robotics%20Presentation%20-%2018%20Sept%202019.pdf> (дата обращения: 21.03.2020).

основой для перехода к новым бизнес-моделям. Так, КАМАЗ в 2015 году протестировал на полигоне беспилотный автомобиль, а в 2017 году продемонстрировал на ИННОПРОМ беспилотный автобус *Шатл*. В ноябре 2019 года компания анонсировала завершение проекта создания беспилотного седельного тягача совместно с *ВИСТ Групп*⁴⁵. Компания *Яндекс* уже второй год тестирует свою навигационную систему и провела испытания автономного автомобиля в зимних условиях Подмосковья⁴⁶. Однако автомобили собственного производства даже низких классов автономности остаются в России на уровне эксперимента. Определенные достижения есть у независимых ИТ-компаний. Так, созданная российской компанией *Cognitive Technologies* технология CSSC (Cognitive Smart Situation Capture) заняла второе место в мире в рейтинге подобных технологий. Ожидается, что на ее основе к 2022–2023 годам будет собран автомобиль с полностью автономным вождением⁴⁷.

Примеров создания российскими машиностроительными компаниями клиентоориентированных цифровых платформ немного: в русле мировых тенденций идет лишь *Группа ГАЗ*, разработавшая платформу *GAZ Connect* для владельцев легкого коммерческого транспорта. Платформа объединяет инструмент управления автопарком, сервис на дорогах в режиме 24/7/365, топливную карту, услуги по страхованию.

Важным инструментом цифровой трансформации, как известно, являются корпоративные венчурные фонды. Такие фонды были созданы некоторыми крупными российскими компаниями. В отличие от зарубежной практики, где такие фонды рождаются в ответ на запросы рынка и по частной инициативе, в России инициатором выступило государство. В 2017 году президент В. Путин дал поручение о создании корпоративных венчурных фондов пяти госкорпорациям – *Роскосмосу*, *Росатому*, *Ростеху*, *Объединенной авиастроительной корпорации* и *Объединенной судостроительной корпорации*. В 2018 году Минэкономразвития России подготовило соответствующие рекомендации для компаний с государственным участием (Гришкевич, 2018, с. 26). Однако результативность этих усилий невелика: доля фондов в общем объеме венчурных инвестиций, согласно исследованию консалтинговой компании *Strategy*, в 2018 году составила 5 %⁴⁸.

Другой инициативой правительства стал запуск Минпромторгом России государственной информационной системы промышленности (ГИСП). По замыслу эта масштабная цифровая платформа призвана стать электронной

⁴⁵ *Беспилотный тягач готов к перевозке грузов* [Электронный ресурс] // ComNews. 2019. 5 нояб. URL: <http://www.comnews.ru/digital-economy/content/202733/2019-11-05/2019-w45/bespilotnyy-tyagach-gotov-k-perevozke-gruzov> (дата обращения: 21.03.2020).

⁴⁶ *Гринкевич Д.* Еще не венчур: госкомпаниям рекомендуют инвестировать в стартапы [Электронный ресурс] // Известия. 2018. 25 дек. URL: <https://iz.ru/825782/dmitrii-grinkevich/eshche-ne-venchur-goskompaniiam-rekomenduiut-investirovat-v-startapy> (дата обращения: 18.03.2020).

⁴⁷ *Технология* российской *Cognitive* призвана повысить безопасность на дорогах [Электронный ресурс] // 3D News. 2019. 16 янв. URL: <https://3dnews.ru/964138> (дата обращения: 18.03.2020).

⁴⁸ *Ястребова С.* Корпорации не спешат создавать венчурные фонды [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 21 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/05/22/770232-korporatsii-venchurnie-fondy> (дата обращения: 18.03.2020).

торговой площадкой для отечественной промышленной продукции, а также предоставить производителям широкий набор сервисов, от аутсорсинга бухгалтерии до оформления страховых полисов, возврата долгов через суд и проектного управления⁴⁹. Эта платформа по широте заявленных функциональных возможностей практически уникальна, однако количество пользователей системы или объемы проходящих через нее торговых сделок, судя по всему, невелики, так как данные в открытом доступе отсутствуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для обеспечения эффективности использования технологий требуется время, поскольку для этого необходимы изменения в экономической, социальной и политической системах.

На пути масштабной цифровой трансформации российского машиностроения стоят серьезные культурные и организационные барьеры. Корпоративная культура машиностроительных предприятий во многом определяется наследием советских времен – концентрацией на решении инженерных и производственных задач и отрывом от конечного заказчика и пользователя продукции. Предприятия стремятся делегировать государству вопросы стратегии своего развития, поиска продуктовых ниш, источников финансирования и каналов сбыта – т. е. большей части инновационной деятельности (Гершман и др., 2015). Многие менеджеры отрасли прямо говорят о необходимости «Госплана 2.0» и данный подход часто встречает понимание в органах государственной власти и созданных ими институтах. Однако российское правительство не имеет в настоящий момент ни ресурсов, ни организационных схем для перехода к подобному управлению отраслью, даже если предположить его целесообразность. Сторонники «Госплана 2.0» забывают о примерах провала государственного планирования, выразившегося в потере СССР позиций в разработке и производстве компьютерной техники на рубеже 1960–1970-х годов.

Еще одним барьером на пути цифровой трансформации российской промышленности выступает общая идеология государства, ориентированная на получение ренты и максимального текущего финансового результата, передаваемого в государственный бюджет через дивиденды⁵⁰. В то же время международные компании – лидеры цифровой трансформации живут в иной логике, обеспечивая ценность для акционеров (shareholders value) через рост стоимости акций, часто придерживаясь политики «нулевых дивидендов», позволяющей направлять чистую прибыль на дальнейшее развитие бизнеса (Kim and Kim, 2019). Курс на получение немедленной финансовой отдачи тормозит развитие отраслей, ориентированных на инновации и нуждающихся в постоянном обновлении капитала.

⁴⁹ Государственная информационная система промышленности [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва пром-сти и торговли Рос. Федерации. URL: <https://gisp.gov.ru/goods/#/> (дата обращения: 22.03.2020).

⁵⁰ Росимущество предписало госкомпаниям выплатить дивиденды за 2017 год в 50 % от прибыли // ТАСС. 2018. 05 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5098284> (дата обращения: 22.03.2020).

Таким образом, машиностроительная отрасль в России оказывается на идеологическом перепутье: сложившаяся культура стремится, скорее, к возврату в эпоху «золотого века» советского периода, чем к созданию образа будущего, адекватного вызовам цифровой эпохи. Эта идеология определяет деятельность институтов поддержки и развития отрасли. При этом игнорируется тот факт, что при всех достижениях в решении текущих финансовых проблем отрасли опора на госзаказ поставила ее развитие в зависимость от наполнения государственного бюджета и текущих политических приоритетов, подорвала инициативу в поиске рыночных ниш, развитии глобального присутствия, разработке принципиально новой, экспериментальной продукции.

В этом контексте повестка цифровой трансформации или может стать новой платформой идеологической консолидации отрасли, или восприниматься, как излишнее, внешнее идеологическое влияние, мешающее «правильному» целеполаганию и структурированию⁵¹. В первом случае необходима фактически новая программа «конверсии» отрасли с ориентиром на открытый рынок, в том числе – глобальный, в полном цикле «разработка – производство – сервис». Во втором случае будущее отрасли будет зависеть от способности централизованных институтов предвидеть мировое технологическое развитие, быстро и точно транслировать это предвидение в разработки новых продуктов и качественно реализовывать его в производстве. Опыт СССР говорит о том, что данная ставка является более рискованной, чем рыночный подход, хотя последний и требует масштабных культурных и организационных изменений.

Библиографический список

Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. и др. Цифровая экономика: 2020: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.

Антипина О. Платформы как многосторонние рынки эпохи цифровизации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 12–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.

Борисов В. Н., Почукаева О. В. Отечественное машиностроение как фактор научно-технологического развития экономики РФ // МИР. (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10, № 1. С. 12–25. DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.12-25.

Буренин В. А., Буренин А. В. Выбор методов решения задач развития в условиях «хаордической» экономической конъюнктуры // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 73–83.

Гершман М. А., Зинина Т. С., Романов М. А. и др. Программы инновационного развития компаний с государственным участием: промежуточные итоги и приоритеты. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 128 с.

Гришкевич С. Применение AI в автомобильной индустрии // Информационная безопасность. 2018. № 5. С. 26–27.

⁵¹ Малинецкий Г. Г. Блеск и нищета «цифровой экономики» [Электронный ресурс] // Regnum. 2018. 12 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2388789.html> (дата обращения: 12.03.2020).

Долгов С. И., Савинов Ю. А. Влияние вспышки нового коронавируса на международную торговлю // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 2. С. 7–18.

Коровкин В. В. Повестка российских директоров по цифровой трансформации. М.: Моск. шк. менеджмента – Ин-т исслед. развивающихся рынков Сколково, 2019. 36 с. [Электронный ресурс]. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2019-05-31_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2020).

Кузнецова Г. В., Коровкин В. В. Цифровизация и отечественное машиностроение: перспективы и риски // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16, № 4. С. 678–694. DOI: 10.24891/ni.16.4.678.

Кузнецова Г. В., Цедилин Л. И. Импортзамещение: предварительные результаты политики за пять лет // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 10. С. 7–25.

Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». 2020 / Под ред. С. П. Земцова. М.: РАНХиГС, АИПП, 2020. 100 с.

Пищик В. Я., Алексеев П. В. Особенности инвестиционного процесса в Российской Федерации в актуальном геополитическом контексте: факторный анализ // Финансы. Деньги. Инвестиции. 2020. № 1. С. 10–15. DOI: 10.36992/2222-0917_2020_1_10.

Ткаченко Е. А. Конкурентоспособность российской промышленности и методологические проблемы формирования промышленной политики в условиях ЕАЭС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4. С. 79–84.

Чумаков Т. В. Экономика совместного потребления [Электронный ресурс] // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2016. Т. 8, № 3. С. 5–13. URL: <https://archive.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=3769&p=attachment> (дата обращения: 02.03.2020).

Gershman M., Bredikhin S., Vishnevskiy K. The role of corporate foresight and technology roadmapping in companies' innovation development: The case of Russian state-owned enterprises // Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 110(C). P. 187–195. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.11.018.

Gershman M., Thurner T. W. New development: Reinventing industrial policy – a Russian study in engineering and design // Public Money & Management. 2018. Vol. 38, № 2. P. 157–160. DOI: 10.1080/09540962.2018.1407166.

Kim H., Kim J. H. Voluntary zero-dividend paying firms: Characteristics and performance // Applied Economics. 2019. Vol. 51, № 1. P. 1–27. DOI: 10.1080/00036846.2019.1610713.

O'Brien G., Xiao G., Mason M. Digital transformation game plan. 34 tenets for masterfully merging technology and business. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2019. 364 p.

Smith-Gillespie A., Muñoz A., Morwood D. et. al. ROLLS-ROYCE. A circular economy business model case. 2019. 78 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.r2piproject.eu/wp-content/uploads/2019/05/RollsRoyce-Case-Study.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

Turovets Yu., Vishnevskiy K. Patterns of digitalisation in machinery-build-inding industries: Evidence from Russia // Engineering Management in Production and Services. 2019. Vol. 11, № 4. P. 7–22. DOI: 10.2478/emj-2019-0029.

Wang D., Zhao X., Zhang Z. The time lags effects of innovation input on output in national innovation systems: The case of China // Discrete Dynamics in Nature and Society. 2016. Vol. 8. P. 1–12. DOI: 10.1155/2016/1963815.

Информация об авторах

Коровкин Владимир Владиславович – руководитель направления «Инновации и цифровые исследования» Московской школы управления СКОЛКОВО; 143025, Россия, Московская обл., д. Сколково, ул. Новая, 100

ORCID: 0000-0002-0068-9544

ResearcherID: V-4347-2018

Электронный адрес: Vladimir_korovkin@skolkovo.ru

Кузнецова Галина Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономика ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Россия, г. Москва, Стремянной пер., 36, доцент Института отраслевого менеджмента ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82

ORCID: 0000-0001-5370-9732

ResearcherID: AAK-7331-2020

Электронный адрес: gkuznet3@gmail.com

Статья получена 6 апреля 2020 года

UDC 338.012

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-291-313

PROSPECTS FOR DIGITAL TRANSFORMATION IN RUSSIAN MACHINE BUILDING INDUSTRY

Vladimir V. Korovkin

Moscow School of Management SKOLKOVO,
100 Novaya str., Skolkovo village, Moscow Region,
143025, Russia

ORCID: 0000-0002-0068-9544

ResearcherID: V-4347-2018

E-mail: Vladimir_korovkin@skolkovo.ru

Galina V. Kuznetsova

Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny
lane, Moscow, 117997, Russia

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, 82 Vernadsky ave., Moscow,
119571, Russia

ORCID: 0000-0001-5370-9732
 ResearcherID: AAK-7331-2020
 E-mail: gkuznet3@gmail.com

For citation:

Korovkin, V. V. and Kuznetsova, G. V. (2020), "Prospects for digital transformation in Russian machine building industry", *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 291–313, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-291-313.

Introduction: the article analyzes the opportunities and challenges faced by the Russian machine building industry in the context of the global digital transformation, which impacts markets, business models and production processes, this impact being a significant factor of the recent COVID-19 pandemic.

Objectives: the research question is to assess the readiness of domestic machine building to develop in line with the global digitalization trends.

Methods: a comparative analysis of statistical data as well as a meta-analysis of primary case studies of Russian engineering companies.

Results: it is noted that the modern landscape of the machine building industry, mainly determined by the ideology developed in the era of the USSR, is characterized by the dominance of the state and substantially depends on state funding. The need to adapt to the new challenges of the digital era presents engineering with a choice: strengthening of state control in the industry versus building a competitive environment that reflects global trends in digital transformation.

Conclusions: it is concluded that the industry needs a new "conversion" program, creating the new competencies focused on working on the open market, including the global value chains in the full cycle "development – production – service" that becomes essential in the context of the current COVID-19 pandemic. This approach requires a massive cultural and organizational change.

Keywords: digital transformation; machine building; industry; economic policy; global value chains; COVID-19

References

Abdrakhmanova, G. I., Vishnevskiy, K. O., Gokhberg, L. M. et al. (2020), *Tsi-frovaya ekonomika: 2020: kratkii statisticheskii sbornik* [Digital economy: 2020: A brief statistical digest], Publishing House of Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Antipina, O. (2020), "Platforms as multi-sided markets of the digital age", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 3, pp. 12–19, doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.

Borisov, V. N. and Pochukaeva, O. V. (2019), "Domestic engineering as a factor of scientific and technological development of the Russian economy", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 10, no. 1, pp. 12–25, doi: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.12-25.

Burenin, V. A. and Burenin, A. V. (2019), "Growth problem-solving options in "chaordic" business environment", *Russian Foreign Economic Journal*, no. 11, pp. 73–83.

Gershman, M. A., Zinina, T. S., Romanov, M. A. et al. (2015), *Programmy innovatsionnogo razvitiya kompanii s gosudarstvennym uchastiem: promezhutochnye itogi i priority* [Innovative development programmes of Russian state-owned companies: Interim results and priorities], Publishing House of Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Grishkevich, S. (2018), "Application of AI in the automotive industry", *Information Security*, no. 5, pp. 26–27.

Dolgov, S. I. and Savinov, Yu. A. (2020), "The impact of the new coronavirus outbreak on international trade", *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 2, pp. 7–18.

Korovkin, V. V. (2019), *Povestka rossiiskikh direktorov po tsifrovoi transformatsii* [The agenda of Russian chief digital officers], Moscow School of Management – Skolkovo Emerging Markets Research Institute, Moscow, Russia [Online], available at: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS_Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2019-05-31_ru.pdf (Accessed Mar. 1, 2020).

Kuznetsova, G. V. and Korovkin, V. V. (2020), "Digitalization and domestic machine building: Prospects and risks", *National Interests: Priorities and Security*, vol. 16, no. 4, pp. 678–694, doi: 10.24891/ni.16.4.678.

Kuznetsova, G. V. and Tsedilin, L. I. (2019), "Import substitution: Preliminary results of the policy for five years", no. 10, pp. 7–25.

Zemtsov, S. P. (ed.) (2020), *Natsional'nyi doklad "Vysokotekhnologichnyi biznes v regionakh Rossii"* [National report "High-tech business in the Russian regions"], RANEPa, AIRR, Moscow, Russia.

Pishchik, V. Ya. and Alekseev, P. V. (2020), "Features of the investment process in the Russian economy", *Finance. Money. Investments*, no. 1, pp. 10–15, doi: 10.36992/2222-0917_2020_1_10.

Tkachenko, E. A. (2019), "Competitiveness of the Russian industry and methodological problems of industrial policy formation under the conditions of EAEU", *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, no. 4, pp. 79–84.

Chumakov, T. V. (2016), "Sharing economy", *Scientific researches of faculty of economics. Electronic magazine*, vol. 8, no. 3, pp. 5–13 [Online], available at: <https://archive.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=3769&p=attachment> (Accessed Mar. 2, 2020).

Gershman, M., Bredikhin, S. and Vishnevskiy, K. (2016), "The role of corporate foresight and technology roadmapping in companies' innovation development: The case of Russian state-owned enterprises", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 110(C), pp. 187–195, doi: 10.1016/j.techfore.2015.11.018.

Gershman, M. and Thurner, T. W. (2018), "New development: Reinventing industrial policy – a Russian study in engineering and design", *Public Money & Management*, vol. 38, no. 2, pp. 157–160, doi: 10.1080/09540962.2018.1407166.

Kim, H. and Kim, J. H. (2019), "Voluntary zero-dividend paying firms: Characteristics and performance", *Applied Economics*, vol. 51, no. 1, pp. 1–27, doi: 10.1080/00036846.2019.1610713.

O'Brien, G., Xiao, G. and Mason, M. (2020), *Digital transformation game plan. 34 tenets for masterfully merging technology and business*, O'Reilly Media, Sebastopol, CA, US.

Smith-Gillespie, A., Muñoz, A., Morwood, D. et. al. (2019), ROLLS-ROYCE. A circular economy business model case [Online], available at: <http://www.r2piproject.eu/wp-content/uploads/2019/05/RollsRoyce-Case-Study.pdf> (Accessed Mar. 12, 2020).

Turovets, Yu. and Vishnevskiy, K. (2019), "Patterns of digitalisation in machinery-building industries: Evidence from Russia", *Engineering Management in Production and Services*, vol. 11, no. 4, pp. 7–22, doi: 10.2478/emj-2019-0029.

Wang, D., Zhao, X. and Zhang, Z. (2016), "The time lags effects of innovation input on output in national innovation systems: The case of China", *Discrete Dynamics in Nature and Society*, vol. 8, pp. 1–12, doi: 10.1155/2016/1963815.

Received Apr. 6, 2020

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 342.53

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-314-341

СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ МАЛЫХ ГОРОДОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В. С. КОВИН

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь, Россия
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия

Р. И. ПЕТРОВА

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь, Россия
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Ковин В. С., Петрова Р. И. Соотношение формальных и неформальных практик взаимодействия муниципальных депутатов (на примере представительных органов власти малых городов Удмуртской Республики) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 314–341. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-314-341.

Введение: неформальные отношения, складывающиеся в локальных политических пространствах, представляют особенный исследовательский интерес для понимания природы неформального в политике и характера его соотношения с формальным. В деятельности представительных органов власти на местном уровне неформальное может проявляться в структурном аспекте, при появлении в депутатском корпусе неформальных групп, которые не совпадают с формальным партийно-политическим делением депутатов по фракциям, комитетам и комиссиям, а также процессуальном аспекте, когда депутаты прибегают к использованию неформальных практик, которые выходят за рамки формальных процедур, зафиксированных в регламентах работы представительных органов.

Цель: определение неформальных депутатских практик, сложившихся в представительных органах власти и встроенных в систему отношений между депутатами, а также их взаимодействия с главой города, местными и региональными чиновниками. По каким принципам происходит неформальное структурирование в депутатском корпусе? Какую роль играют неформальные практики и как они соотносятся с формальными процедурами?

Методы: глубинные интервью, концепция неформальных институтов Хелмеке и Левитски.

Результаты: определены формальные и неформальные структуры в городских думах и выявлены неформальные практики, которые используются депутатами дум, местными чиновниками.

Выводы: структурная формальная партийно-политическая и организационная фрагментация городских дум и советов усложняется наличием неформальных групп. Формальные и неформальные практики могут по-разному сочетаться в различных формальных структурах в рамках одного представительного органа. Неформальные практики могут дополнять работу формальных; поддерживать существующие формальные процедуры, но при этом не улучшать их качество. Существуют неформальные практики, которые становятся альтернативой формальным.

Ключевые слова: неформальные практики; локальная политика; муниципальные депутаты; представительные органы власти; Удмуртская Республика

ВВЕДЕНИЕ

Феномен неформальных практик является весьма распространенным явлением в политических пространствах локальных сообществ. Несмотря на то, что неформальные взаимодействия существуют фактически в каждом политическом институте и проявляются на каждом уровне власти, неформальные отношения, складывающиеся в локальных политических пространствах, представляют особенный исследовательский интерес для понимания природы *неформального* в политике и характера его соотношения с *формальным*. В условиях физически ограниченной территории локального политического пространства возникают тесные персонифицированные отношения, основанные на личных связях, что становится основанием для попыток обойти формальные (бюрократические) процедуры, прибегнув к неформальным практикам (Юркова, 2016, с. 50).

Другая особенность локального политического пространства связана с его зависимостью от политических пространств более высокого уровня – регионального и федерального. Несмотря на тенденции иерархизации и попытки центра унифицировать политические отношения по вертикали, локальные политические акторы зачастую сохраняют определенные возможности для маневров при принятии некоторых решений. На сохранении относительной автономии локальной политики сказывается усиливающийся разрыв между тремя уровнями власти и ограниченными возможностями «партии власти» влиять на местную политику (Подвинцев, 2010; Wollmann and Gritsenko, 2008; Golosov et al., 2016). Возможность маневрирования создает дополнительный потенциал для использования неформальных практик и взаимодействий на локальном уровне.

В данном исследовании под *формальными* практиками вслед за Г. Хелмеке и С. Левитски понимаются регламентированные правила, нормы и процедуры, «которые создаются, становятся известными и насаждаются через каналы, общепризнанные в качестве официальных». В свою очередь, *неформальные* практики – это «принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов» (Хелмеке и Левитски, 2007, с. 192).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В целом исследование неформальных политических практик, неформального в политике является одним из перспективных направлений в зарубежной и отечественной политической науке.

Одними из первых к проблеме роли *неформального* в социально-экономических процессах обратились западные экономисты – это работы представителей так называемой «неформальной экономики», в которых изучались ее границы и формы проявления (Аллен, 1999; Гершуни, 1999; Кастельс, 2000; Tokman, 1978; Weeks, 1975; Сото де, 2007). В политической науке исследования неформальных институтов и практик связаны с именами неонституционалистов. Так, Д. Норт рассматривал влияние институтов, в том числе неформальных, на экономические процессы (Норт, 1997). Немецкие ученые В. Меркель и А. Круассан анализировали роль формальных и неформальных политических институтов в процессе трансформации политической системы. При этом они оценивали «неформальность» исключительно как дефектный элемент политических процессов (Меркель и Круассан, 2002). Попытку преодолеть односторонний подход к пониманию неформального сделали Г. Хелмеке и С. Левитски, которые выделили четыре типа неформальных институтов и возможных моделей соотношения формального и неформального (Хелмеке и Левитски, 2007).

Представляют интерес и исследования российских ученых, которые анализируют неформальные практики и взаимодействия российских элит разного уровня. Механизмы функционирования властных элит, применяемые ими неформальные практики находятся в фокусе внимания А. Б. Даугавет (Даугавет, 2003; Даугавет и др., 2016), Ж. Т. Тощенко (Тощенко, 1999), В. Я. Гельмана (Гельман, 2003; Гельман и Рыженков, 2010; Гельман, 2019), О. В. Гаман-Голутвиной (Гаман-Голутвина, 2016), Н. В. Колесник (Колесник, 2017). Изучению неформальных политических практик постсоветской элиты посвящены работы А. В. Леденевой (Леденева, 1997), которая дает определение такой неформальной практики, как «блат». М. Н. Афанасьев рассматривает «клиентелизм» как неформальную практику, оставшуюся от советской государственности и проявившуюся в современной политической системе (Афанасьев, 2000).

Особенности неформальных практик на региональном и локальном уровне с фокусом на исследовании патрон-клиентарных отношений, лоббирование интересов бизнеса, неформальных социальных сетей анализируются в работах А. Е. Чириковой, В. Г. Ледяева (Чирикова, 2014; Чирикова, 2015; Чирикова и Ледяев, 2017; Чирикова и Ледяев, 2019; Ledyayev and Chirikova, 2019; Ledyayev and Chirikova, 2020), А. В. Дахина, А. С. Макарычева (Дахин и Макарычев, 2006), И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозовой (Мирошниченко и Морозова, 2017) и др.

Потенциал и причины распространения неформальных практик в системе муниципального управления на локальном уровне рассматривали белгородские ученые В.П. Бабинцев и О.Н. Юркова (Бабинцев и Юркова, 2017; Юркова, 2016). По результатам социологических исследований, проведенных в городских округах и районах Белгородской области, они пришли к выводу,

что наиболее часто неформальные практики применяются в сфере кадровой политики, где широко используется протекция при приеме на муниципальную службу. Основными причинами, способствующими распространению неформальных практик, они считают попытки обойти бюрократические процедуры и поиск возможностей эффективно решать местные вопросы (Бабинцев и Юркова, 2017, с. 12–14).

Несмотря на то, что феномен неформальных практик является актуальным направлением исследований в современной отечественной политической науке, неформальные практики на местном уровне редко становятся предметом анализа. Акцент делается на выявлении неформальных механизмов функционирования власти на ее национальном и региональном уровне. Изыскания, посвященные самой локальной политике, в логике ответа на исследовательский вопрос «Кто правит?» в большей степени ориентированы на изучение феномена исполнительной власти – глав муниципалитетов: их кадрового состава, последствий применения тех или иных способов замещения должностей, а также характера их отношений с региональной властью, степени самостоятельности и т. д. (Шкель и др., 2019; Панов и Петрова, 2019). Органы местной представительной власти, в силу их, безусловно, меньшей значимости и влияния на протекание политических процессов и принятие решений, интересуют исследователей в основном со своей чисто формальной стороны – партийно-политического и профессионального состава как отражения процессов политической динамики, происходящих на более высоком уровне.

Таким образом, данное исследование призвано выявить и подвергнуть концептуальному анализу те неформальные практики, которые складываются внутри представительных органов власти муниципального уровня.

Следует уточнить, что *неформальное* в деятельности представительных органов власти на местном уровне может проявляться в структурном и процессуальном аспектах. В первом случае речь идет о формировании в депутатском корпусе неформальных групп, которые не совпадают с формальным партийно-политическим и организационным делением депутатов по фракциям, комиссиям и рабочим группам. Во втором – о выработке неформальных механизмов взаимодействия между самими депутатами и между депутатами и иными властными акторами (главами, регионалами), которые выходят за рамки формальных процедур, зафиксированных в регламентах работы представительных органов.

Фокус нашего исследования направлен на определение неформальных депутатских практик (неформальных депутатских структур и механизмов взаимодействий), сложившихся в представительных органах власти и встроенных в систему отношений между депутатами, а также их отношений с главой города, местными и региональными чиновниками. По каким принципам, с точки зрения самих депутатов, происходит неформальное структурирование в депутатском корпусе? Наряду с использованием формальных процедур взаимодействия и согласования интересов, правил проведения сессий и комитетов, какие неформальные практики и взаимодействия складываются, к которым прибегают местные депутаты и чиновники? Какую роль играют

неформальные практики и как они соотносятся с формальными процедурами?

В качестве теоретической рамки исследования наиболее удачной нам видится концепция, предложенная Г. Хелмеке и С. Левитски (Хелмеке и Левитски, 2007). В отличие от преобладающего в этой исследовательской области понимания неформального как реакции на неэффективное или нестабильное функционирование системы, указанные авторы предлагают более разносторонний подход к проблеме определения и соотношения формальных / неформальных институтов и практик.

Хелмеке и Левитски оценивают соотношение формального и неформального с помощью двух измерений (Хелмеке и Левитски, 2007, с. 195). Первое измерение – это определение последствий работы формальных и неформальных институтов, оценка степени совпадения результата работы формального и неформального. Следуя дуалистической логике понимания местного самоуправления (Лаптева, 1998, с. 145) как институции, которая обеспечивает эффективное двустороннее взаимодействие между обществом и государством, образуя тем самым единое пространство публичной власти, мы считаем, что результатом работы депутатов, местных чиновников как посредников является принятие общественно важных решений на благо местных жителей. В этом плане основной смысл всех формальных процедур заключается в принятии мер для обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. Если он не нарушается, то, соответственно, результат работы формального и неформального совпадает. Это значит, что при использовании как формальных процедур, так и неформальных практик результатом взаимодействий представителей местной власти будут приняты во благо местных жителей решения.

Второе измерение связано с эффективностью формальных процедур, которое выражается через соблюдение на практике принятых на бумаге процедур и правил. Эффективным признается процедура, где формальные правила не нарушаются. А значит, в нашем случае эффективной работой депутата будут проведенные сессии и комитеты, которые проходят без нарушения процедуры и не противоречат букве формальных правил.

Исходя из четырех возможных комбинаций этих двух измерений, по-разному складываются варианты взаимоотношения формального и неформального. Это дает основания выделить четыре возможных типа неформальных практик (Хелмеке и Левитски, 2007, с. 195–199). Первый тип – *дополняющие*. Такого рода практики гармонично работают совместно с формальными процедурами и даже в какой-то степени поддерживают их существование. При этом работа формальных процедур признается эффективной, а это значит, что все официальные правила соблюдаются, а результат от работы формального и неформального совпадает. Дополняющие неформальные практики повышают эффективность формальных процедур, мотивируя соблюдать правила, существующие на бумаге. Второй тип – *аккомодационные* неформальные практики, которые обеспечивают сочетание эффективных формальных институтов и несовпадающих последствий от применения неформальных процедур. Иначе, когда формальный институт признается эффективным,

а результат от использования формального и неформального не совпадает. Подобные институты не всегда повышают эффективность формальных практик, но в то же время «могут укрепить их, заглушая призывы к переменам» (Хелмеке и Левитски, 2007, с. 196). Не нарушая формальных правил, неформальные практики, таким образом, поддерживают постоянство системы. Неэффективные формальные процедуры и несовпадающие последствия образуют третий тип – *конкурентные* неформальные практики. Формальные правила и нормы выполняются несистематически, что приводит к их нарушению теми или иными акторами. В подобном случае неформальные практики начинают соперничать с формальными. К таким практикам относятся клиентелизм, патримониализм, клановая политика и коррупция. И, наконец, четвертый тип – *замещающие* неформальные практики. Неформальные практики в этом случае работают вместо формальных процедур, т. е. обеспечивают необходимый результат, который в силу неэффективности формального института не может быть достигнут.

Эмпирической базой исследования стали представительные органы малых городов Удмуртской Республики, где в августе – сентябре 2019 года была проведена серия (всего 25) глубинных полуструктурированных интервью у не менее, чем трех местных депутатов в каждом поселении, а также экспертных интервью у удмуртских ученых, журналистов, политиков. Выбор территории для полевого исследования объясняется тем, что всего в Удмуртской Республике существует пять так называемых «малых городов» (Глазов, Сарапул, Воткинск, Можга, Камбарка), что позволяет в рамках одного исследования охватить феномен представительного органа власти в поселениях определенного типа. Для подобного рода малых промышленных городов характерно, с одной стороны, наличие крупных градообразующих предприятий, с другой – разнообразие и гетерогенность социально-экономического состава территории (малый и средний бизнес, бюджетная сфера, сфера услуг, общественные институты и т. п.), что находит свое отражение в неоднородном составе местного представительного органа¹. Причем эти города обладают определенным рода ресурсами, которые позволяют местной элите рассчитывать на сохранение некоторой степени самостоятельности в решении коренных вопросов локальной политики или по крайней мере на учет ее мнения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

До последнего времени принятое административно-территориальное деление республики (пять городских округов – Ижевск, Глазов, Сарапул, Воткинск, Можга и 25 муниципальных районов, к 2015 году статус городского поселения сохранила только Камбарка) отличалось стабильностью и оставалось почти неизменным (Бехтерева, 2012). В 2018–2019 годах с приходом новой администрации ситуация стала меняться. Уже объявлено о начале объединения городского округа Можга и Можгинского муниципального района.

¹ Подробнее о методологии полевого исследования и характеристике малых городов Удмуртской Республики см. (Ковин, 2019).

Ведутся разговоры об объединении других городских округов и районов. В Можге и Камбарке председатели думы уже переведены на работу на неосвоенной основе.

Формальные и неформальные структуры в городских думах малых городов Удмуртии

«Власть» и «оппозиция», «фракции» и «индивидуалы»

Формально-политическая фрагментация среди депутатского корпуса малых городов Удмуртии, сложившаяся в них после местных выборов 2015 года, выглядит весьма типично для многих российских муниципалитетов. Абсолютное большинство в думах городских округов имеет партия «Единая Россия» как за счет депутатов, избранных по мажоритарным округам, так и за счет лидерства, полученного по партийным спискам. Выдвиженцы оппозиционных партий проходят в легислатуры в основном за счет голосования избирателей по пропорциональной части. Некоторые отличия партийного представительства в городах связаны с их историческими и электоральными традициями, активностью местных и региональных отделений партий, наличием или отсутствием протестной повестки и харизматичных активистов.

«Единую Россию», безусловно, можно считать «партией власти» в малых городах республики. В Сарапуле ей принадлежит 22 из 28 мест в думе, в Воткинске – 22 из 25, Глазове – 19 из 26, Можге – 17 из 26. Из парламентских оппозиционных партий наибольшей поддержкой у избирателей пользуется КПРФ – по два места в Сарапуле, Воткинске и Можге и пять мест в Глазове. ЛДПР – по одному месту в Сарапуле, Глазове и Воткинске и три места в Можге. «Справедливая Россия» представлена лишь одним депутатом и только в Сарапуле. Среди непарламентских партий в малых городах Удмуртской Республики представлены: депутат от «Патриотов России» в Сарапуле; депутат, избранный от «Коммунистов России», в Глазове; два депутата от «Родины» в Можге. В последнем случае в раскрутку местного отделения партии «Родина» вложилась неформальная группа местных бизнесменов и активистов, которые заявляют о своих амбициях стать ведущей оппозиционной силой в городе.

Самовыдвиженцев крайне мало среди депутатов малых городов Удмуртии: два в Можге и один в Сарапуле. В Камбарке лишь два депутата формально представляют партию «Единая Россия», остальные избраны в качестве самовыдвиженцев, что связано с кризисом власти 2018 года, который привел к досрочному роспуску предыдущего состава совета депутатов.

Проведенные в городах интервью с депутатами из разных фракций и экспертами свидетельствуют, что реальная картина партийно-политической фрагментации в малых городах Удмуртии выглядит более сложной, что осознается и самими депутатами. Единство и сплоченность депутатов «Единой России» формально проявляется при голосовании по наиболее значимым вопросам (принятие и корректировки бюджета, кадровые назначения – избрание главы города и спикера собрания, судьба муниципальной собственности) и обеспечивается фракционной дисциплиной. Однако среди единомыслителей существуют группировки, различия в позициях, которые могут носить не менее, а иногда и более острый характер, чем с депутатами из других фракций. Как правило,

эти различия гасятся внутри фракции и комитетов за счет вырабатываемых компромиссов и не выплескиваются на пленарные заседания. Но это удается не всегда. И тогда возможно блокирование между членами фракции «Единая Россия» и депутатами от других партий. С другой стороны, единство и «опозиционность» других фракций также относительны. Мера оппозиционности депутатов, избранных от одной и той же партии, может весьма существенно отличаться в зависимости от целей их избрания, статуса и амбиций.

Среди представительных собраний малых городов Удмуртии наиболее фрагментированными, более конкурентными и дискуссионными площадками представляются легислатуры Глазова и Можги, а более монолитными – Воткинска и Сарапула. Для депутатов-единороссов основным консолидирующим институтом является фракция и фракционная дисциплина: *«Но если мы провели заседание фракции, допустим, мое мнение не прошло, но большинство приняло другое решение, то понятно, что мы голосуем консолидировано. Так и должно быть, если ты от партии шел на выборы... когда из 28 депутатов 22 депутата от “Единой России” больших разногласий быть не может»* (Сарапул)²; *«Мы же собираемся своей фракцией, голосуем, сколько за – против. Если большинство за, то мы уже выходим с решением нашей фракции, что “Единая Россия” за принятие этого решения»* (Можга). При этом нередко фракционным собраниям предшествуют предварительные неформальные консультации для выработки позиции: *«В партии (“Единая Россия”), например, проводятся какие-то (предварительные) собрания, меня туда не всегда зовут, потому что я бью туда, куда им не нравится. Когда надо принять определенное решение, они быстро всех собирают»* (Воткинск).

Однако и среди единороссов, особенно из числа молодых предпринимателей, встречаются те, которые могут себя вести относительно независимо: *«Я могу с оппозицией против своих идти, без проблем. Буквально недавно, когда продажа электросетей стояла, нас собрали на фракцию. Вроде как бы давайте “Единой Россией” проголосуем консолидировано – я не стал... Я буду голосовать так, как я хочу»* (Воткинск).

Монолитность «Единой России», согласно высказываниям респондентов, весьма относительна. Фракции правящей партии состоят из представителей очень разных групп интересов. Консолидация мнения единороссов является главным способом, но и главной проблемой при принятии нужных местной и региональной администрации решений: *«Я не всегда бываю сторонником фракционного голосования, я говорю, что это неправильно»* (Глазов). Если не удастся достичь большинства на стадии работы в комитетах и на заседании фракции «Единая Россия», то вопрос, как правило, снимается с рассмотрения на сессии и отправляется на доработку. Открытые расколы среди членов правящей партии в городских думах, как правило, были связаны с непроработанными кадровыми и инфраструктурными решениями, предложенными региональной властью. Так, например, случилось в Можге во время выборов главы города, когда республиканская администрация, как считается, продавливала кандидата из числа депутатов-коммунистов госсобора;

² Здесь и далее приведены цитаты из интервью респондентов из лич. арх. авт.

в Воткинске во время выборов председателя думы. Среди единороссов часто встречаются разногласия в выборе наиболее эффективного способа управления муниципальным имуществом, например водоканалом, электросетями.

Нужно учитывать, что депутатами от «Единой России» зачастую являются предприниматели и топ-менеджеры предприятий, привыкшие к самостоятельности и инициативности в своем бизнесе. Некоторые из них с трудом приемлют командно-административные и строго формализованные методы руководства местным отделением партии и, соответственно, партийной фракцией в думе, установленные некоторыми главами городов, как, например, это произошло в Можге. По словам респондента из числа депутатов-предпринимателей, *«ранее была нормальная деятельность партии “Единая Россия” в Можге... какие-то инициативы были, собрания, было интересно. Вроде как это такой кружок... При нынешнем мэре, который, разумеется, стал председателем “Единой России”, заседание политсовета проходит... за пять минут – не рассказать, что будет, не предложить какие-то инициативы. Во всех остальных городах идет очень серьезная инициатива по “Единой России”... интересно жить, а здесь ничего не делается, здесь все заняты проблемами ЖКХ»*. Неформальные, «кружковые» взаимоотношения для подобного рода депутатов оказываются не менее значимыми, чем формальный депутатский статус, и исключение их из неформальных взаимодействий снижает интерес к депутатской деятельности вообще. Неформальные взаимодействия внутри правящего большинства, предваряющие фракционную работу, оказываются как способом поддержания фракционного единства для «партии власти», так и механизмом поддержания статусности для ее депутатов.

Респонденты отмечают, что наиболее оппозиционную роль во всех думах играют депутаты от КПРФ, причем эта роль стала привычной и зачастую оценивается другими депутатами как малопродуктивная: *«всегда голосуют против»* (Сарапул), *«наша работа в думе – это какая-нибудь грязь от коммунистов, причем коммунисты пытаются вытащить стороны, всем известные... и об эффективности управления заговорить...»* (Можга).

В свою очередь, депутаты-коммунисты отмечают, что им приходится нелегко в думе. С ними редко кто консолидируется, к неформальным встречам не привлекают: *«я КПРФ, поэтому я по этим причинам либо сознательно не вхожу в эти течения (группы интересов среди депутатов), либо меня не приглашают. Я всегда старался голосовать без каких-либо влияний, опираясь только на свою точку зрения. Очень часто я голосую против и мой голос единственный»* (Воткинск).

В силу низкой представленности оппозиционных партий в составах городских дум, между ними крайне редко возникают коалиции. Объединение оппозиции ничего не даст и не сможет поколебать большинства «Единой России», поэтому они предпочитают действовать самостоятельно. Как выразился один из депутатов-оппозиционеров в Воткинске, *«надо чтобы системные оппозиционные партии составляли хотя бы 50 процентов, чтобы в противовес “партии власти” хоть что-то могли сказать»*.

Депутаты-«индивидуалы» из числа оппозиционеров разрывают связь с фракциями по причине неэффективности своего участия в данном инсти-

туте. Фракция зачастую принимает противоположное им решение. Поэтому они предпочитают заявлять о своей позиции индивидуально и напрямую на других формальных площадках – в комитетах и на пленарках.

Составы оппозиционных фракций также разнородны, поскольку отделениям партий, нуждающимся в ресурсах, приходится еще и идти на сотрудничество с местными предпринимателями и группами интересов в обмен на предоставление им мест в списках, о чем респонденты говорят весьма неохотно. Они отмечают либо «странности» в голосовании таких «индивидуалов» по вопросам, затрагивающим прежде всего распределение бюджетных средств, либо их излишне «скромное» поведение в думе, не свойственное остальным представителям оппозиционной фракции.

Появление в думе активных «внефракционных» депутатов, например из числа самовыдвиженцев, может привести к формальному переструктурированию легислатуры, поскольку депутаты-«индивидуалы» обладают значительно меньшими формальными возможностями в сравнении с фракциями. Так произошло в Глазовской думе пятого созыва, где по инициативе таких внефракционных депутатов была зарегистрирована депутатская группа «горожане», в противовес другой «межфракционной» группе – «заводчане», объединившей депутатов из разных партий, связанных с Череповецким металлургическим заводом.

«Старожилы» vs «новички»

Если деление на партийные фракции и, как следствие, на «власть» и «оппозицию», «фракционных» и «нефракционных» депутатов имеет под собой формальную основу, то интервью также позволили выделить чисто неформальную фрагментацию депутатов на «старожилов» и «новичков». Причем речь идет не только о противопоставлении переизбравшихся инкубентов из предыдущего созыва, но и «опытных» местных политиков вообще (бывших глав, чиновников, депутатов позапрошлых созывов, директоров муниципальных предприятий и т. д.) и условно «молодых» или «неопытных» политиков вне зависимости от их возраста – тех депутатов, которые впервые успешно заявили о своих политических амбициях.

Преемственность и стабильность действующих составов городских дум находится примерно на одном уровне: 35–45 % избранных депутатов были депутатами предыдущего созыва (Сарапул – 12 чел., Глазов – 9, Воткинск – 10, Можга – 10)³. Отличие Камбарки проявляется в том, что на досрочных выборах 2018 года произошло практически полное обновление депутатского корпуса. Только один депутат входил в состав предыдущего, распущенного, городского собрания. В каждом собрании имеется два–три депутата, которые переизбираются на протяжении нескольких созывов.

Больше половины составов действующих депутатов – «новички», что считается нормальным уровнем ротации для местных легислатур. В интервью респонденты отмечали наличие предыдущего опыта депутатской деятельности в качестве значимого фактора и проводили различия между «старожилами» и «новичками».

³ Для сравнения: в 1998 году повторно избрались 21 % депутатов в городах Удмуртской Республики, в 2002 – 35 % (Зубкова, 2010, с. 58).

Анализ ответов респондентов из числа депутатов городских legislатур позволяет предположить, что большинство из числа «старожилов» выступают за поддержание сложившейся ситуации в городе, сохранение статус-кво. Это касается как распределения власти среди правящей в городе коалиции, так и второстепенного места городского собрания в локальной политической системе. Большая часть «опытных» депутатов ориентирована либо на мнение главы города и администрации, либо на позицию градообразующего предприятия и крупного бизнеса. Такие депутаты, по мнению своих «молодых» коллег, избираются, как правило, не по личной инициативе, а по предложению городского или заводского «начальства». На заседаниях комитетов, комиссий и во время сессий они в основном пассивны и поддерживают предложения администрации.

Респонденты из числа «старожилов» согласны, что опыт и возраст имеют значение, правда с обратным значением. Они якобы способствуют большей активности депутатов. Отмечалось, что возраст, опыт и прежний статус позволяют некоторым депутатам занимать более активную позицию по сравнению с многими «новичками» из числа бизнесменов, которые, обладая финансовой независимостью, могли бы вести себя более активно: *«Я бы сначала поделила депутатов на возрастные (группы). Возраст имеет значение... У нас в Глазовской городской думе есть солидные по возрасту депутаты»* (директор школы, бывший мэр, пенсионер, ветеран завода), которые позволяют *«себе высказывать все откровенно главе. ... Это возраст, в котором уже нечего терять. Они более открытые, откровенные и не боятся высказывать свои мысли. Может, не всегда по делу, но сам факт остается – у них есть какое-то мнение. Оно личное и индивидуальное»*.

В то же время в каждой из legislатур есть небольшая, но очень пестрая по составу группа депутатов, которые, как правило, были избраны первый или второй раз, но которых не устраивает сложившийся в городе и городской власти порядок вещей. Они выступают за его обновление, более интенсивное и эффективное экономическое развитие.

Естественно, что в каждом созыве городских советов появляются депутаты, избравшиеся впервые. Однако общая динамика эволюции состава депутатов органов местного самоуправления с конца 1990-х по конец 2010-х годов несколько нивелировала статусные различия между «старожилами» и «новичками». Как отмечается в различных исследованиях, в 2000-е годы заметную роль в местных legislатурах играли бонзы крупных градообразующих предприятий (Витковская и Рябова, 2011, с. 58; Рябова, 2019, с. 105). Как вспоминал свой первый созыв один из нынешних «старожилов» глазовской думы, а тогда простой учитель: *«Зашел в зал (заседаний думы), там были начальники цехов, предприятий, производственники»*. Сейчас заводской директорат, как правило, делегирует в горсоветы представителей среднего управленческого звена, а большинство «новичков» зачастую сами являются владельцами малого бизнеса. Значительной разницы по социопрофессиональному составу между «старожилами» и «новичками» в настоящее время уже не отмечается, хотя среди переизбранных депутатов чаще фигурируют выходцы из администрации, крупных предприятий, муниципальных учреждений и лидеры

фракций. Более высокая ротация отмечена среди местных предпринимателей и рядовых партийцев. Среди новоизбранных немало молодых предпринимателей и «общественников».

Некоторые респонденты, особенно среди предпринимателей, отмечали явный поколенческий разрыв среди депутатов. «Молодые» депутаты, по собственному мнению, как правило, более активны и инициативны, склонны к поддержке новых форм работы с избирателями и властями (общественные проекты, гранты, инициативное бюджетирование), более критично настроены к предложениям администрации, в том числе кадровым. Депутаты-«старожилы» имеют более тесные связи с администрацией, критично настроены к активности «молодых» коллег, меньше склонны к новациям, привыкли получать ресурсы на решение проблем в своем округе через личные связи в администрации или за счет собственных средств. Как отметил один из «молодых» депутатов: *«... в их голове сидит подсознание: а мы делали вот так и мы не хотим делать по-другому. Они думают, что так, как они делали всю жизнь, что так и должно быть, но так не бывает, мир меняется, он не стоит на месте»* (Можга). Причем именно среди «новичков» больший отклик находят «технократические» методы управления, предлагаемые новым руководством республики во главе с А. Бречаловым: *«Появился новый стиль управления, тогда такого не было»* (Глазов).

В Воткинске респонденты также отметили наличие поколенческого разрыва среди депутатов. Здесь он, скорее, связан с более критическим отношением молодых депутатов к стилю управления думой со стороны ее руководства, а также к деятельности администрации, которая опирается на депутатов-«старожилы»: *«Они (администрация и глава города) по старинке работают, поэтому ничего в муниципалитете не меняется. Нужна новая молодая кровь, понимающая, как работают все бизнес-процессы, как относиться к рабочему процессу»*.

С другой стороны, «старожилы» весьма скептически относятся к активности «новичков»: *«В начале созыва да (есть различия), у них горят глаза, шашками наголо, но (затем) они сталкиваются с трудностями и амбиции утихают. Начинается понимание, когда надо работать, как представить интересы своего округа. Понимают всю реальность или то, что деньги найти на реализацию целей просто нереально»* (Сарапул).

Одно из значимых «стилистических» различий между «молодыми» и «опытными» депутатами отмечается в методах работы с избирателями. Особенно часто об этом упоминали депутаты-предприниматели, обладающие определенными финансовыми ресурсами. Многие респонденты с сожалением отмечали, что избиратели очень часто обращаются к ним с материальными просьбами, просят денег, иногда даже на личные нужды. Они видят в этом особенность именно малых городов, где население живет более бедно и существует более тесная связь между избирателями и депутатами: *«В больших городах этого нет, а в малых городах это да, присутствует.... Они (избиратели) почти всех нас знают. Хотя мы, когда встречаемся с жителями, объясняем суть нашей работы (что нет личных средств на ремонт дорог)»* (Можга). Депутаты-«старожилы», которые привыкли к таким просьбам, считают

их одной из составляющих депутатской деятельности и стараются помочь, зачастую из собственных средств: *«Надо кому-то дрова, кому-то денег не хватает человеку... Да, конечно, приходилось, помогали. Я для этого и депутат. Я должен помогать»* (Сарапул).

Депутаты из числа молодых предпринимателей крайне негативно высказывались о такой практике. Считают, что это старшие коллеги способствовали развитию такого «потребительского» отношения к депутатам среди избирателей. Деньги на решение личных проблем избирателей предпочитают не давать, за исключением особых групп (инвалидов, больных детей). Просьбы, связанные с благоустройством территорий и другими общими проблемами, стараются переправлять в администрацию либо способствовать организации избирателей для их решения через подготовку социальных проектов или заявок на конкурсы по софинансированию: *«Где-то на полсрока было желание закончить депутатство... потому что есть такие вопросы, которые задают мои избиратели: "А дайте банку краски, нам подъезд надо покрасить, давайте трактор вызовем, а давайте дерево спилим". Понимаете, у людей до такой степени в голове, что если депутат, то он просто обязан, должен. А фактически мы должны заниматься законотворческой деятельностью, представлять интересы своих избирателей своего округа в городской думе, ну никак не давать банку краски, пилить дерево, косить траву»* (Можга).

В целом респонденты отмечают, что в каждой думе есть небольшая по численности и разная по партийному составу группа наиболее активных депутатов, как правило, это молодые мелкие предприниматели или местные общественники. Их не устраивает роль статусных статистов, которую, по их мнению, играют большинство депутатов. Эта группа также не хочет быть «спонсорами» или «благодетелями» по отношению к избирателям. Основную свою функцию они видят в создании правил и условий для развития города, его экономического роста. Поэтому потенциально они могли бы стать опорой при трансформации городских режимов из режимов поддержания статус-кво, какими, по факту, являются большинство режимов в малых городах республики, в режимы роста (Чирикова и Ледяев, 2017, с. 157). При этом они достаточно четко отделяют себя от «неконструктивной оппозиции», роль которой в городских думах, как правило, играют депутаты от КПРФ и которая всегда голосует против любых предложений администрации.

Формальные процедуры и неформальные практики

Работа представительного органа власти предполагает несколько официальных форм, определенных соответствующими регламентами. Это функционирование постоянных профильных комиссий (по экономической политике, бюджету; образованию, науке, культуре, спорту, делам молодежи и национальной политике; социальной защите населения и т. д.), а также постоянных или временных рабочих групп, где готовятся и обсуждаются вопросы, рассматриваемые на заседаниях думы. Действуют также депутатские фракции, куда входят депутаты, избранные от соответствующей политической партии. Помимо сессий, проводимых непосредственно на заседаниях думы, создается президиум думы с целью координации деятельности с другими органами

местного самоуправления и органами государственной власти. Как правило, заседания комиссий и думы проходят раз в месяц.

Однако депутатами и местными чиновниками применяются и неинституциональные формы работы и взаимодействия. Так, предварительное обсуждение выносимых на комитеты и сессию вопросов часто носит неформальный характер. О чем депутаты представительных органов малых городов Удмуртии сообщали как о вполне привычной практике: *«Сначала все решается предварительно, в неформальной обстановке. Фактически с кем-то разговариваешь по телефону, потом на двоих, троих, четверых. Затем встречаемся все вместе, приходим к консенсусу. Обычно на заседаниях думы уже вопросов не возникает, если все проработано и согласовано»* (Глазов). Респондент оценивает данный механизм как проявление большей консолидации действующего шестого созыва думы в противовес предыдущему, где разрозненность интересов избранных депутатов даже привела к формальному возникновению и регистрации двух депутатских групп – «заводских» и «городских» (очень редкое явление для местных советов).

В действующем созыве *«есть категория людей, которые находятся “около власти”». Это такие товарищи, как...* (далее идет перечень фамилий нескольких депутатов). *Они, чисто внешне, к власти очень близки. Они тоже имеют свое мнение и периодически высказывают его корпоративно и коллегиально. Не знаю, где они его обговаривают, в бане или не в бане, но они, выработав свое единое общее мнение, активно его лоббируют»* (Глазов).

В одной из территорий неформальное обсуждение и согласование вопросов получило название «депутатский час». В ходе него депутаты предварительно прорабатывают и обсуждают вопросы, которые в дальнейшем выносятся на решение президиума: *«Это неофициальное собрание, ни протокола, ничего. Мы собрались, обсудили, каждый высказал свои предложения, потом это все выносится на президиум»* (Камбарка). Подобная практика используется депутатами, чтобы иметь возможность заранее до официальной встречи в конструктивном диалоге выслушать все стороны и изучить все грани вопросов, а также вынести их обсуждение и согласование за пределы своей комиссии: *«Мы два месяца проработали и пришли к выводу, что давай введем и будем сидеть общаться, не то, что на сессии мы сидим ругаемся, то есть фактически на сессию уже выносится готовое решение, все обсуждено»* (Камбарка). *«Комиссия у нас пять человек, мы с собой это обсудили, приняли решение. Но это решение может быть оспорено другими депутатами на сессии. Чтобы этого не произошло, одеяло чтобы на себя не тянуть – собираемся, говорим, что комиссия выдвинула такое-то решение, приходим к консенсусу»*. Появление такой неформальной практики отчасти связано с событиями, которые предшествовали формированию действующего состава городской думы Камбарки. Предыдущий состав был распущен губернатором в результате политического конфликта между бывшим главой города, его сторонниками в думе и частью депутатов, который привел к срыву заседаний думы в течение трех месяцев. Новый глава города был избран из состава обновленного депутатского корпуса. При этом в думе межличностные противоречия не были полностью устранены, и, чтобы не допустить возможного срыва из-за них

формальных процедур, был выработан такой механизм предварительного неформального обсуждения.

Кроме того, практика депутатского часа используется и для урегулирования проблем, возникающим по линии город – район: *«Вот нас приглашают районные депутаты, они нас приглашают, мы их приглашаем, на депутатский час. Когда идет общение неформальное, вопросы снимаются. Вот острые такие вопросы»* (Камбарка). С другой стороны, по мнению депутатов, не вошедших в этот общий неформальный круг, возник некий «клуб по интересам, один общий круг – два главы и чиновники, некоторые депутаты», который и контролирует освоение бюджетных средств.

В Глазове, где «Единая Россия» и КПРФ являются двумя крупнейшими фракциями, также появилась не предусмотренная регламентом неформальная процедура – совместное заседание фракций. *«Вообще мы с Игорем Анатольевичем (председатель думы) с 2015 года применили новую форму работы – это совместные заседания фракции. Есть какая-то цель, проблема (концессии, ветхое жилье). Приезжают люди из Ижевска, прокуратура. Если так надо, (собираемся) чтоб не приглашать два раза. Мы готовы открыто поговорить с представителями, которых они пригласили. В самой думе мы уже распределяемся на два помещения (по фракциям) и решаем, как голосовать: коллегиально, фракционно или нет. У нас такая практика совместной работы есть»*.

Интересно обратить внимание на то, что депутаты, находящиеся в меньшинстве или высказывающие недовольство работой администрации, стремятся максимально использовать в своих интересах формальные процедуры. Они строже, чем остальные коллеги, следят за соблюдением регламентов и сроками предоставления того или иного документа, чтобы по формальным причинам постараться отклонить не устраивающее их решение. Апеллируют к общественному мнению, пользуясь телевизионными или интернет-трансляциями сессий, чтобы публично продемонстрировать свое несогласие: *«Вопросы у коммунистов в основном появляются по принятию бюджета, по распределению денег, но они не прочитывают документы, не посмотрят, и у них начинаются вопросы и прямо уже на сессии, на телевидении они уже начинают какие-то вопросы свои...»* (Можга). Представители оппозиционных партий отмечают, что в городах отсутствуют независимые СМИ, какие-либо иные, кроме городской думы, публичные площадки, где бы они смогли представить свою позицию. Такие депутаты стараются максимально использовать те формальные процедуры, которые предоставляет им законодательство и тем самым компенсировать свою исключенность из неформальных практик, которые играют ключевую роль при выработке решений среди «партии большинства». Попытки оппозиционных депутатов опереться на неформальные договоренности, по их собственному признанию, редко приводят к успеху: *«В прошлом депутатском созыве было больше согласованности. Можно было договориться, позвонить. А сейчас согласишься вроде бы, за ночь человек передумает, а завтра принимает абсолютно иное решение»* (Глазов).

Молодые депутаты, а также депутаты из числа мелких предпринимателей, как правило оппозиционеры, не включены в неформальные отношения, которые за долгие годы или несколько созывов сложились между депутатами-

«старожилами», чиновниками администрации, руководством города и городской думы, местной бизнес-элитой. Они, как правило, не входят в неформальный круг лиц, где предварительно обсуждаются варианты решений. То же самое касается и депутатов из числа «общественников». Поэтому они оказываются более щепетильными в соблюдении формальных правил и процедур, регулирующих депутатскую деятельность, требуя от руководства думы строгого соблюдения регламента, а от администрации – сроков предоставления документов и информации по рассматриваемым вопросам: *«Администрация по регламенту должна выносить (документ) за 30 дней и ранее, потому что надо провести экспертизу аппарату, надо депутатам ознакомиться, а там бывает за пять дней до сессии... Я все прекрасно понимаю, но где вы были раньше?... Я просто начал читать регламент и понял, что это такой правильный документ, по нему гораздо лучше работать, и будет максимальный эффект»* (Воткинск); *«в дальнейшем я так и сделал, что пересмотрели регламент думы и сделали так, как я хотел (чтобы каждый депутат курировал определенный вопрос)»* (Глазов).

При этом некоторые респонденты с сожалением отмечают, что таких активных депутатов явное меньшинство, к сессиям готовятся единицы: *«Я думаю, что из нашего созыва человека два-три. А если ты к сессии не готовишься, как можно взвешенное решение принять – это тяжело»* (Воткинск); *«(Для большинства) прошла сессия и, слава Богу! Зато я депутат, зато у меня статус. Ничего святого!»* (Камбарка); *«Депутаты у нас приходят на заседания, комиссии, сессию, откровенно не знают, за что голосуют и зачем голосуют. Некоторые сидят на тех же комиссиях, не задавая ни одного вопроса ... не готовые к (сессии), тут меня это стало корежить, это отработано годами, я пришел и пытаюсь это сломать...»* (Глазов).

Согласно ответам интервьюируемых, достаточно четко прослеживается разделение депутатов по отношению к формальным и неформальным процедурам. Депутаты, входящие в правящий круг лиц, близкие к администрации города, предпочитают проводить сессии в ускоренном режиме, без длительного обсуждения вопросов, а все острые углы принимаемых решений сглаживать на стадии обсуждений в комитетах или во время неформальных личных или групповых предварительных обсуждений. Депутаты, относящиеся к оппозиции, либо ситуативно несогласные с предлагаемым решением, предпочитают не участвовать в неформальных или предварительных обсуждениях, а основную критику и контраргументы предъявлять во время самих сессий, стремясь превратить их в публичные дискуссионные площадки: *«...у меня возникало море вопросов на самой сессии и на меня смотрели как на саботажницу, как только я поднимала руку ... а у меня другого выхода не было, если я не проработала этот вопрос, то я его прорабатываю на сессии. Хорошая сессия считается какая – хорошо проработанный вопрос, полчаса – сорок минут и все, сессия закрыта, хорошо подготовленная сессия, а тут была вечно я, один независимый депутат»* (Глазов). Руководство дум, как правило, не заинтересовано в этом и старается заблаговременно снять с обсуждения дискуссионные вопросы, по которым не было достигнуто консолидированного мнения среди «партии большинства».

Депутаты, составляющие так называемое «болото», а они, как отмечают респонденты, имеются в каждом представительном органе и очень разные, но зачастую индифферентны как к формальным, так и неформальным процедурам: *«Есть у нас (Глазов), конечно, и люди, которые “болото”... В целом они все только массу создают при голосовании»*. Подобного рода депутаты, которые формально присутствуют практически во всех фракциях, по мнению собеседников, как правило, руководствуются сугубо частными или корпоративными интересами, поэтому их включенность в формальные или неформальные практики носит ситуативный характер в случаях, когда эти интересы затрагиваются. Некоторые из них, как считается респондентами, просто «досиживают» свой срок, поскольку нахождение в гордуме потеряло для них целесообразность – субъективный интерес, в соответствии с которым они избирались, либо оказался уже удовлетворен, либо депутатство никак этому не способствовало. Представляется, что указанную индифферентность такого рода депутатов следует рассматривать как своеобразное проявление агентности, их субъективной позиции.

В неформальном ключе нередко складываются отношения не только внутри думы (между депутатами), но и взаимодействия между депутатами и главой города, представителями администрации. Так, например, распространены случаи негласной и неформальной зависимости депутатов от главы города / чиновников из администрации. Депутат, получая вакантную должность в городе (например, директора школы), взамен обеспечивает лояльное голосование по важным городским вопросам, даже если его личное мнение оказывается совершенно противоположным. *«Видно, вот разговариваешь с человеком в закулисье, он “да, да, плохо, да”. И тут же голосует, глаза закрывает и голосует. Я говорю, ну почему ты голосовал-то так – а что я сделаю, он меня год назад директором назначил, ты хочешь, чтобы меня через месяц сняли? Вот и все. У нас это очень просто»* (Глазов).

В наибольшей степени эта зависимость проявляется у части депутатов, которых принято называть «бюджетниками». Их выдвижение, как правило, инициировано местной администрацией и согласовано с ней. По мнению их коллег, они менее заинтересованы в реальном обсуждении вопросов, их основной задачей является трансляция через голосование позиции администрации: *«Я так понимаю, она (роль “бюджетников”) заключается в том, чтобы прийти на сессию и поднять руку»* (Можга); *«Бюджетники – это хорошо, но если их много и они принимают решение, которое выгодно администрации – это не очень хорошо»* (Воткинск)⁴.

Респонденты фактически указывают на сложившуюся в городских думах неформальную практику дирижирования со стороны городской администрации голосованием определенной группы депутатов, находящихся в формальной зависимости от органов городского управления (главы и сотрудники

⁴ Подробнее о четырех моделях управления городскими легислатурами («бюджетная модель» – Глазов, «бизнес-заводская» – Сарапул, «равновесная» – Воткинск, «бизнес-административная» – Можга), которые сложились в малых городах Удмуртии и заданы конфигурацией трех основных неформальных групп депутатов («заводских», «бюджетников», «бизнесменов») см. (Ковин, 2019).

муниципальных бюджетных учреждений, муниципальных унитарных предприятий) или городских ресурсов (получатели муниципальных подрядов), так называемого «голосования по указке»: *«директор школы, например, говорит, что не смогу голосовать так, как просите, ибо боюсь, что меня уволят»; «муниципальный служащий и директор МУП зависим, реально зависим, но ведь и независимых нет»* (Глазов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, социально-политическая дифференциация депутатского корпуса представительных органов малых промышленных городов представляет собой более сложную картину.

Структурная формальная партийно-политическая (фракционная) и организационная (комиссии, рабочие группы) фрагментация городских дум и советов усложняется наличием неформальных внутрифракционных, межфракционных и внефракционных мини-групп, ситуативных группировок депутатов, а также депутатов, проявляющих определенную долю самостоятельности («индивидуалов»). Неформальные разногласия, как правило, приводят к формальным расколам только среди оппозиционных фракций (КПРФ), обусловленных разными индивидуальными и общественными целями депутатов, вошедшими в партийный список. Фракции единороссовского большинства обычно сохраняют свое формальное единство, однако некоторые депутаты, не удовлетворенные эффективностью своего участия в их деятельности, прибегают к неформальным способам неучастия или отстранения от фракционной деятельности.

Помимо этого, формируется неформальная фрагментация депутатов по социально значимым признакам (например, «бюджетники», «заводские», «бизнесмены»), а также по политическому или «депутатскому» опыту («старожилы» / «новички»). Для последнего характерен поколенческий разрыв, который проявляется в разных стилях работы как внутри думы, так и с избирателями. «Старожилы», как правило, выступают носителями неформальных практик, а «новички» стремятся к более строгому и формальному выполнению регламентных процедур, а также к формализации отношений с избирателями в пределах установленных законом депутатских полномочий и прекращению неформальных практик «потребительских» взаимодействий с ними.

Именно на этой основе – придания большего значения при принятии решений формальным процедурам и сокращения влияния неформальных практик – происходит сближение позиций между активными депутатами из числа оппозиции, «индивидуалами» и единороссами из числа «новичков».

Анализ ответов респондентов, на наш взгляд, указывает на весьма интересный феномен: формальные и неформальные практики могут по-разному сочетаться в различных формальных структурах в рамках одного представительного органа. Если для фракции «Единой России» в большей степени характерны неформальные практики, которые дополняют существующие формальные структуры и процедуры, подкрепляя их, то для оппозиции

само использование неформальных практик становится проблематичным. Они из них либо совсем исключены, либо формальные процедуры (например, фракционное голосование) перечеркивают все усилия по их использованию. В результате «правящее большинство» делает акцент на неформальных процедурах, а формальные лишь легитимизируют принятые там решения, поэтому они должны проходить «быстро и четко». Контролируемое большинство депутатов гарантирует эффективность формальных процедур, при этом последние не должны быть чрезмерно обременительны, поэтому частью формальных процедур (сроками, регламентом) можно пренебречь. Оппозиция, исключенная из неформальных взаимодействий, напротив, стремится усилить значение формальных процедур при принятии решений за счет требований строгого соблюдения всех принятых правил и придания этим формам большей публичности и дискуссионности. При этом она готова отказаться от тех промежуточных формальных процедур (фракции), чьи решения оказываются еще менее эффективными в сложившейся для депутатского меньшинства ситуации.

В некоторых случаях (например, в Можге в момент избрания нового главы) возможно ситуативное появление конкурентных практик (неформальных внефракционных и частично внепарламентских групп влияния) в представительном органе, которые оказались способны опрокинуть решения, предлагаемые формальными структурами.

Хелмеке и Левитски оценивают соотношение формального и неформального, используя два критерия – эффективность формальных процедур (эффективным признается институт, где не нарушаются правила) и совпадение результатов от использования формального и неформального (Хелмеке и Левитски, 2007, с. 195). Результаты эмпирического исследования показывают, что эффективность работы представительного органа власти не ставится под сомнение респондентами. Несмотря на использование в своей работе неформальных практик, формальные правила и процедуры не нарушаются. Вариации в соотношении формального и неформального появляются при оценке результатов от их использования, т. е. речь идет о соблюдении или нарушении основного смысла работы депутатов и местных чиновников – это принятие общественно важных решений на благо жителей, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан.

Так, например, практика предварительного неформального обсуждения вопросов депутатами помогает не только оптимизировать процесс принятия решений на заседании думы, но и досконально проработать эти вопросы заранее, поскольку эти встречи и обсуждения жестко не ограничены ни временем, ни местом, ни регламентом. При этом некоторые респонденты отмечают явный недостаток времени, который предоставляется депутатам для ознакомления с подготовленными администрацией документами и тщательной проработки предлагаемых решений. Такого рода неформальные практики, как депутатский час, гармонично работают совместно с формальными процедурами и даже в какой-то степени дополняют, поддерживают их существование. Такие практики, следуя логике Хелмеке и Левитски, можно назвать *дополняющими*.

Другая неформальная практика – «голосование по указке» вследствие зависимости депутата-«бюджетника» от городской администрации / главы города – вступает в противоречие с основной миссией депутата и принципами его деятельности, согласно которым он при принятии решений должен руководствоваться своей свободной волей и самостоятельно понимаемым им общим благом. В результате решения принимаются не в интересах жителей, а для выгоды определенного круга местной или региональной элиты или в интересах региональной власти. Такую практику можно назвать *аккомодационной*. Аккомодационные неформальные практики, таким образом, сохраняют стабильность формальной процедуры (де-юре процедура голосования проходит без нарушений), не повышая при этом степень ее эффективности. Совместное же заседание фракций может быть рассмотрено как *замещающая* практика. Такие заседания фактически становятся альтернативой собраниям фракций, которые они проводят затем по отдельности.

В целом изучение соотношения формальных и неформальных практик в деятельности представительных органов власти дает более полное и комплексное представление о функционировании данных органов власти и ее российской специфике. Высокая, если не определяющая, роль в их деятельности неформальных процедур уже не вызывает серьезных сомнений. В дальнейшем вектор исследований может быть направлен на систематизацию данных о конкретных формах и видах неформальных практик, а также на изучение факторов и степени их устойчивости в сравнении с формальными процедурами.

Библиографический список

Аллен Т. От «неформальных секторов» к «реальным экономикам» Африки // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина; пер. и ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. М.: Логос, 1999. С. 412–436.

Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 318 с.

Бабинцев В. П., Юркова О. Н. Специфика неформальных практик в исполнительно-распорядительных органах местного самоуправления // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 9–16. DOI: 10.24158/spp.2017.10.1.

Бехтерева Л. Н. Политическое устройство и административное деление Удмуртии в XX веке // Удмуртская республика: историко-этнографические очерки / Науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2012. С. 26–30.

Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. 259 с.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 6–25. DOI: 10.17976/jpps/2003.04.02.

Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.

Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 4. С. 130–151.

Гершуни Д. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Неформальная экономика. Россия и мир/ Под ред. Т. Шанина; пер. и ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина. М.: Логос, 1999. С. 343–355.

Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты (апробация когнитивного подхода) // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 26–38. DOI: 10.17976/jpps/2003.04.03.

Даугавет А. Б., Дука А. В., Тев Д. Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 121–186. DOI: 10.31119/pe.2016.3.5.

Дахин А. В., Макарычев А. С. Региональная власть как субъект на выборах: различные модели легитимации полномочий глав исполнительной власти // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб. ст. / Отв. ред.-сост. Н. Ю. Беляева. М.: ТЕИС, 2006. С. 131–156.

Зубкова О. Г. История становления и развития местного самоуправления в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2010. 232 с.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Ковин В. С. При помощи каких депутатов правят? Состав представительных органов малых городов Удмуртской Республики глазами самих депутатов // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 4. С. 44–57. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-44-57.

Колесник Н. В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. Т. 4. С. 10–30. DOI: 10.31119/pe.2017.4.1.

Лантева Л. Е. Российское самоуправление в контексте мирового опыта // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования / Под ред. К. Ф. Шеремета, И. И. Овчинникова. М.: Ин-т государства и права РАН, 1998. С. 140–151.

Леденева А. В. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост) советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 113–124.

Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 6–17. DOI: 10.17976/jpps/2002.01.02.

Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.06.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экон. книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.

Панов П. В., Петрова Р. И. Конкурсы по избранию глав местного самоуправления: коррупционная составляющая // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2019. С. 473–487. DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.473487.

Подвинцев О. Б. «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? // Pro et Contra. 2010. Т. 14, № 3. С. 97–105.

Рябова О. А. Роль градообразующих предприятий в формировании политического поля в малых промышленных городах (на примере Пермского края и Кировской области) // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 4. С. 103–111. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-103-111.

Сото Э. Иной путь. Экономический ответ терроризму / Пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум, 2007. 408 с.

Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.

Хелмеке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика. Основные направления исследований / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.

Чирикова А. Е. Власть в России в неформальной проекции: регионы и малые города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 1. С. 5–25.

Чирикова А. Е. Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг? // Вестник Института социологии. 2014. Т. 5, № 2. С. 81–100.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2017. 414 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Конфигурация основных акторов в малом российском городе и лидерство: векторы перемен // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 216–238. DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.10.

Шкель С., Бедерсон В., Семенов А. и др. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 4. С. 74–106. DOI: 10.17323/1728-192X-2019-4-74-106.

Юркова О. Н. Причины распространения неформальных практик в системе муниципального управления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 36, № 10. С. 49–52.

Golosov G. V., Gushchina K., Kononenko P. Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: Incentives for the survival of local democracy // Local Government Studies. 2016. Vol. 42, № 4. P. 507–526. DOI: 10.1080/03003930.2016.1154848.

Ledyayev V., Chirikova A. Business in the power structure of small Russian towns // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72, № 4. P. 686–711. DOI: 10.1080/09668136.2019.1626349.

Ledyayev V., Chirikova A. Governors and local elites in Russia: Patterns of interaction // *European Politics and Society*. Vol. 20, № 3. P. 315–332. DOI: 10.1080/23745118.2018.1534041.

Tokman V. E. An exploration into the nature of informal-formal sector relationships: The case of Santiago // *World Development*. 1978. Vol. 6, № 9–10. P. 1065–1075. DOI: 10.1016/0305-750X(78)90063-3.

Weeks J. Policies for expanding employment in the informal urban sector of developing economics // *International Labour Review*. 1975. Vol. 111, № 1. P. 1–13.

Wollmann H., Gritsenko E. Local self-government in Russia: Between decentralization and recentralization // *Federalism and local politics in Russia* / Ed. by C. Ross, A. Campbell. L.: Routledge, 2008. P. 227–247. DOI: 10.4324/9780203891513.

Информация об авторах

Ковин Виталий Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13а, доцент кафедры истории России, всеобщей истории и археологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

Электронный адрес: kovinvt@gmail.com

Петрова Регина Игоревна – младший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13а, старший преподаватель кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-7494-3608

ResearcherID: AAN-3028-2020

Электронный адрес: rance.regina@mail.ru

Статья получена 4 мая 2020 года

UDC 342.53

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-314-341

**CORRELATION OF FORMAL AND INFORMAL INTERACTION
PRACTICES BETWEEN MUNICIPAL DEPUTIES
(BASED ON THE EXAMPLE OF REPRESENTATIVE AUTHORITIES
OF THE UDMURT REPUBLIC SMALL TOWNS)**

Vitaliy S. Kovin

Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin str.,
Perm, 614990, Russia

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24 Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

E-mail: kovinvt@gmail.com

Regina I. Petrova

Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin str.,
Perm, 614990, Russia

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-7494-3608

ResearcherID: AAN-3028-2020

E-mail: rance.regina@mail.ru

For citation:

Kovin, V. S. and Petrova, R. I. (2020), "Correlation of formal and informal interaction practices between municipal deputies (based on the example of representative authorities of the Udmurt Republic small towns)", *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 314–341, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-314-341.

Introduction: informal relations taking shape in local political spaces are of a particular research interest in understanding the nature of the informal in politics and the nature of its relationship with the formal. In the activities of representative authorities at the local level, the informal can manifest itself in the structural aspect – when informal groups appear in the deputy corps not reflecting the formal party and political division of deputies into fractions, committees and commissions, as well as the procedural aspect – when deputies resort to using informal practices that go beyond the formal procedures set forth in the regulations of the representative bodies.

Objectives: to determine informal deputy practices that have developed in representative bodies of power and are embedded in the system of relations between deputies, as well as their interaction with the head of the city, local and regional officials. What are the principles of informal structuring in the deputy corps?

What role do informal practices play and how do they relate to formal procedures?

Methods: in-depth interviews, the concept of informal institutions by Helmke and Levitsky.

Results: formal and informal structures in city councils were identified and informal practices that were used by city council deputies and local officials were identified.

Conclusions: the structural formal party-political and organizational fragmentation of city councils is complicated by the presence of informal groups. Formal and informal practices can be combined in different ways in different formal structures within one representative body. Informal practices can complement the work of the formal ones, maintain existing formal procedures, but do not improve their quality. There are informal practices that become an alternative to formal ones.

Keywords: informal practices; local policy; municipal deputies; representative authorities; Udmurt Republic

References

Allen T. (1999), "From informal sectors to real economies, changing conceptions of Africa's hidden livelihoods", in Shanin, T. (ed.), *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the world], Translated by Davydova, I., Kovalev, E. and Nikulin, A., Logos, Moscow, Russia, pp. 412–436.

Afanasiev, M. N. (2000), *Klientelizm i rossiiskaya gosudarstvennost'. Issledovanie klientarnykh otnoshenii, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiiskoi gosudarstvennosti, ikh vliyaniya na politicheskie instituty i deyatel'nost' vlastvuyushchikh grupp v sovremennoi Rossii* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia], 2nd ed., Moscow Public Science Foundation, Moscow, Russia.

Babintsev, V. P. and Yurkova, O. N. (2017), "Informal practices in executive and administrative bodies of local government", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 10, pp. 9–16, doi: 10.24158/spp.2017.10.1.

Bekhtereva, L. N. (2012), "Political structure and administrative division of Udmurtia in the XX century", in Zagrebin, A. E. (ed.), *Udmurtskaya respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurt Republic: Historical and ethnographic essays], Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

Vitkovskaya, T. B. and Ryabova, O. A. (2011), *Monogoroda srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy* [Monotowns of the Middle Urals: Local elites and political processes], Publishing Department of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

Gaman-Golutvina, O. V. (2016), "Political elites as an object of research in national political science", *Political Science (RU)*, no. 2, pp. 38–73.

Gelman, V. Ya. (2003), "Institutional construction and informal institutions in modern Russian politics", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–25, doi: 10.17976/jpps/2003.04.02.

Gelman, V. Ya. (2019), *The politics of bad governance in contemporary Russia*, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia.

Gelman, V. Ya. and Ryzhenkov, S. I. (2010), "Local regimes, urban governance and the "vertical of power" in modern Russia", *Political expertise: POLITEX*, vol. 6, no. 4, pp. 130–151.

Gershoni, J. (1999), "Budgets time and informal economic activity", in Time budgets and informal economic activity", in Shanin, T. (ed.), *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal economy. Russia and the world], Translated by Davydova, I., Kovalev, E. and Nikulin, A., Logos, Moscow, Russia, pp. 343–355.

Daugavet, A. B. (2003), "Informal practices of the Russian elite (an approbation of cognitive approach)", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 26–38, doi: 10.17976/jpps/2003.04.03.

Daugavet, A. B., Duka, A. V. and Tev, D. B. (2016), "The regional power groups: Main socio-structural characteristics and innovation potential", *Power and Elites*, vol. 3, pp. 121–186, doi: 10.31119/pe.2016.3.5.

Dakhin, A. V. and Makarychev, A. S. (2006), "Regional power as a subject in elections: Various models of legitimizing the powers of the heads of the executive branch", in Belyaeva, N. Yu. (ed.), *Publichnaya politika v sovremennoi Rossii: sub'ekty i instituty* [Public policy in modern Russia: Subjects and institutions. Collection of articles], TEIS, Moscow, Russia, pp. 131–156.

Zubkova, O. G. (2010), *Istoriya stanovleniya i razvitiya mestnogo samoupravleniya v gorodakh Udmurtskoi Respubliki v period 1994–2003 gg.* [The history of foundations and development of local governments in the Udmurt Republic towns, 1994–2003], Publishing House of Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia.

Castells, M. (2000), *Informacionnaya epoha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: Economy, society and culture], Translated by Shkaratan, O. I., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Kovin, V. S. (2019), "What deputies are used to rule? The composition of the representative bodies of the Udmurt Republic towns through the eyes of the deputies", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 13, no. 4, pp. 44–57, doi: DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-44-57.

Kolesnik, N. (2017), "Practices of the reproduction of the Russian elite: The informal aspect", *Power and Elites*, vol. 4, pp. 10–30, doi: 10.31119/pe.2017.4.1.

Lapteva, L. E. (1998), "Russian local government in the context of world experience", in Sheremet, K. F. and Ovchinnikov, I. I., *Mestnoe samoupravlenie: sovremennyyi rossiiskii opyt zakonodatel'nogo regulirovaniya* [Local government: Modern Russian experience in legislative regulation], Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 140–151.

Ledeneva, A. V. (1997), "The informal sphere and blat: Civil society or (post) Soviet corporatism?", *Pro et Contra*, vol. 2, no. 4, pp. 113–124.

Merkel, B. and Croissant, A. (2002), "Formal and informal institutions in defective democracies (1)", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 6–17, doi: 10.17976/jpps/2002.01.02.

Miroshnichenko, I. V. and Morozova, E. V. (2017), "Network public policy: Outlines of subject field", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 82–102, doi: 10.17976/jpps/2017.02.06.

North, D. (1997), *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance], Translated by Nesterenko, A. N., Fund of the economic book "Nachala", Moscow, Russia.

Panov, P.V. and Petrova, R. I. (2019), "Contest model" of the municipality's head recruitment: Corruption component", in Rudenko, V. N., *Aktual'nye problem nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii. Sbornik nauchnykh trudov po itogam Tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (26–27 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)* [Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian federation. Collection of research papers of the 3-rd All-Russian Scientific Conference with international participation (October 26–27, 2018, Ekaterinburg)], Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, pp. 473–487, doi: 10.17506/articles.anticorruption.2018.473487.

Podvintsev, O. B. (2010), "Clay feet" of the party in power. What caused the loss of "United Russia" in local elections 2008–2010: Crisis in society or its nature?", *Pro et Contra*, vol. 14, no. 3, pp. 97–105.

Ryabova, O. A. (2019), "Role of town-forming enterprises in the formation of the political field in small industrial towns (a case study of the Perm and Kirov regions)", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 13, no. 4, pp. 103–111, doi: DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-103-111.

Soto de, H. (2007), *Inoi put'. Ekonomicheskii otvet terrorizmu* [The other path: The economic answer to terrorism], Translated by Pinsker, B., Sotsium, Chelyabinsk, Russia.

Toshchenko, Zh. T. (1999), "Elite? Clans? Castes? Clicks? What are the names of those who rule us?", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 123–133.

Helmke, G. and Levitsky, S. (2007), "Informal institutions and comparative politics: A research agenda", Translated by Edelman, N., *Prognosis*, no. 2, pp. 188–211.

Chirikova, A. E. (2015), "Power in Russia in informal projection: Regions and towns", *Tambov University Review. Series Social Sciences*, no. 1, pp. 5–25.

Chirikova, A. E. (2014), "Interaction of local authorities in small Russian cities: Pressure, manipulation, bargaining?", *Vestnik instituta sotziologii*, vol. 5, no. 2, pp. 81–100.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2017), *Vlast' v malom rossiiskom gorode* [Power in a small Russian town], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2019), "Leadership and power in a small Russian town: Vectors of change", *Power and Elites*, vol. 6, no. 1, pp. 216–238, doi: 10.31119/pe.2019.6.1.10.

Shkel, S., Bederson, V., Semenov, A. et al. (2019), "The vertical constraints: Centralization and management effectiveness in urban Russia", *Sociological Review*, vol. 18, no. 4, pp. 74–106, doi: 10.17323/1728-192X-2019-4-74-106.

Jurkova, O. N. (2016), "The spread of informal practices in municipal government", *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, vol. 36, no. 10, pp. 49–52.

Golosov, G. V., Gushchina, K. and Kononenko, P. (2016), "Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: Incentives for the survival of local democracy", *Local Government Studies*, vol. 42, no. 4, pp. 507–526, doi: 10.1080/03003930.2016.1154848.

Ledyaev, V. and Chirikova, A. (2020), "Business in the power structure of small Russian towns", *Europe-Asia Studies*, vol. 72, no. 4, pp. 686–711, doi: 10.1080/09668136.2019.1626349.

Ledyaev, V. and Chirikova, A. (2019), "Governors and local elites in Russia: Patterns of interaction", *European Politics and Society*, vol. 20, no. 3, pp. 315–332, doi: 10.1080/23745118.2018.1534041.

Tokman, V. E. (1978), "An exploration into the nature of informal-formal sector relationships: The case of Santiago", *World Development*, vol. 6, no. 9–10, pp. 1065–1075, doi: 10.1016/0305-750X(78)90063-3.

Weeks, J. (1975), "Policies for expanding employment in the informal urban sector of developing economics", *International Labour Review*, vol. 111, no. 1, pp. 1–13.

Wollmann, H. and Gritsenko, E. (2008), "Local self-government in Russia: Between decentralization and recentralization", in Ross, C. and Campbell, A. (ed.), *Federalism and local politics in Russia*, Routledge, London, UK, pp. 227–247, doi: 10.4324/9780203891513.

Received May 4, 2020

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366

ОСНОВЫ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Я. В. ВАРНАЦКАЯ

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Для цитирования:

Емельянов А. И., Варнацкая Я. В. Основы прямой демократии в Латинской Америке // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 342–366. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366.

Введение: раскрываются особенности демократических институтов в государствах Латинской Америки через анализ форм и механизмов прямой демократии и исследование индекса прямой демократии в латиноамериканских государствах.

Цель: изучение демократических институтов и определение возможностей и границ механизмов прямой демократии в государствах Латинской Америки.

Методы: анализ документов, в том числе конституций латиноамериканских государств, бихевиористский, структурно-функциональный, системный, институциональный методы, сравнительный анализ.

Результаты: выявлены основные механизмы прямой демократии в Латинской Америке, вычислен индекс прямой демократии в латиноамериканских государствах, показаны рост и перспективы развития прямой демократии в Латинской Америке.

Выводы: определено, что значение прямой демократии в Латинской Америке возрастает. Роль механизмов прямой демократии становится особенно заметной на местном уровне, где, ввиду частоты плебисцитов, чаще происходят смещения с выборных должностей, проводятся различные предварительные всенародные обсуждения или реализуются народные инициативы. В странах с авторитарной традицией и высокой концентрацией власти в руках президента исполнительная власть чаще придает импульс всенародному волеизъявлению. В странах, которые, напротив, делают ставку на разделение властей и переговоры, механизмы прямой демократии используются гражданами и политическими партиями намного чаще и благодаря этому проявления как прямой, так и представительной демократии усиливаются.

Ключевые слова: прямая демократия; демократический институт; Латинская Америка; национальный референдум; плебисцит; индекс прямой демократии

ВВЕДЕНИЕ

Народное представительство является основой любого демократического государства, а также индикатором недовольства общества тем или иным политическим курсом. Причем данное явление можно наблюдать не только в Европе, но и в странах Латинской Америки. Эффект и формы выражения общественных запросов граждан дают представление о социальных потребностях в отдельно взятом государстве и помогают понять мобилизационный потенциал различных акторов, принимающих участие во внутренней политике.

Так, результаты выборов в Эквадоре и Доминиканской Республике 1978 года считаются отправной точкой в новой волне демократизации Латинской Америки. Согласно терминологии Сэмюэля Хантингтона (Хантингтон, 2003), именно переходные процессы в данных государствах послужили началом великой политической трансформации в регионе, соединившись с «третьей волной» демократизации (Sáez, 2019). Однако из-за общественного давления «снизу», как в Аргентине, Боливии и Эквадоре, или из-за особенностей политического развития, как в Бразилии или Парагвае, политический процесс постоянно сводился к преждевременной отставке избранных президентов. В Венесуэле, Гондурасе и Эквадоре государственная власть препятствовала смене элит, тем не менее возврат к прежним военным диктатурам не происходил. Хотя данный процесс перехода от авторитарного к демократическому правлению в Латинской Америке отличался неравномерностью и протяженностью, он был завершен к 1990-м годам.

В этой связи целью данного исследования является изучение демократических институтов и определение возможностей и границ механизмов прямой демократии в государствах Латинской Америки. Употребляя термин «прямая демократия», авторы рассматривают его как собирательное понятие для «референдума», «законодательной народной инициативы» и «плебисцита».

Демократические процессы, анализируемые в настоящей статье, рассмотрены с начала политической трансформации 1978 года.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующих задач:

- изучить поправки и реформы конституций латиноамериканских государств в период демократизации;
- проанализировать учет интересов всех членов общества (инклюзивность), участие граждан в политической жизни государств Латинской Америки посредством форм прямой демократии;
- рассмотреть механизмы участия граждан, инициируемые государством (например, плебисциты);
- изучить индексы прямой демократии в государствах Латинской Америки.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Начиная с 1978 года в результате «третьей волны» демократизации все латиноамериканские конституции были пересмотрены. В некоторых странах конституционные реформы стали частью процесса демократизации и привели к непосредственному расширению гражданских прав. В других, напротив, работали как ограничение или попытка установить преемственность власти глав государств, увеличить срок их полномочий или же усилить исполнительную ветвь власти.

Закрепление в конституциях юридических рамок о правах и свободах помогает представить демократические преобразования в регионе как результат широкого и негласного взаимодействия традиционных политических акторов в политической или социальной сфере. Так, аргентинский политический философ и юрист Карлос Нино обращает внимание, что конституция, с одной стороны, может пониматься как самый главный в любом государстве документ, а с другой стороны, должна эволюционировать как результат непрерывного общественного процесса (Nino, 2014, p. 54). Томас Джефферсон, третий президент США, утверждал, что «ни одно общество не может создать вечную конституцию или даже вечный закон. Земля всегда принадлежит живущему поколению, а не ушедшему <...>. По истечении 19 лет любая конституция или закон естественно теряет силу»¹.

Таким образом, текст конституции позволяет понять содержание прав и свобод человека и гражданина в том или ином обществе (а также в сравнении с другими обществами), судить о легитимности и легальности фактических политических решений, направленных на ущемление этих прав и свобод. В этом контексте конституционные реформы могут рассматриваться как показатель наличия общественно-политических проблем и попыток их решения политической элитой или же населением в целом. Наблюдение за реформами помогает осмыслить, насколько обширно, учитывая интересы всех членов социума, проходят дебаты о конституционных преобразованиях в какой-либо стране (табл. 1).

Помимо того, что конституции являются ответами на правовые, политические и социальные вопросы, в них выражаются господствующие в обществе политические концепции представительства и демократии. Когда участие граждан, например в президентских и парламентских выборах, ограничивается, то речь идет о минимальной концепции представительной демократии, идущей в русле трактовки Йозефа Шумпетера (Schumpeter, 2008). Широкое участие общества в выборах, однако, помимо коллективных возможностей для воздействия, позволяет гражданам не только выбирать и контролировать их представителей (подчеркивая их обязанность отчитываться по вертикали власти), но и вводить в политический дискурс новые запросы, что подтверждается моделью «черного ящика» Дэвида Истона (Easton, 1965). Вопросы представительства и демократии могут быть отражены в программах партий

¹ To James Madison from Thomas Jefferson, 6 September 1789 [Электронный ресурс] // National archives. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Madison/01-12-02-0248> (дата обращения: 10.10.2019).

Таблица 1 / Table 1

Новые конституции и поправки к конституциям в странах Латинской Америки, 1978–2019 годы² /
New constitutions and constitutional amendments in Latin America countries, 1978–2019

Страна	Год принятия конституции	Реформы или поправки к конституции ³
Аргентина	1853	1994
Боливия	2009	2016
Бразилия	1988	1990, 1992, 1993, 1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009
Венесуэла	1999	2009
Гватемала	1983	1993
Гондурас	1982	1982, 1986, 1989, 1990, 1994, 1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2012
Доминиканская Республика	2010	1994, 2002
Колумбия	1991	1993, 1995, 1996, 1997, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2007, 2009
Коста-Рика	2008	1981, 1982, 1984, 1987, 1989, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003
Мексика	1917	1978, 1981, 1982, 1983, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014
Никарагуа	1987	1995, 2002, 2005, 2014
Панама	1972	1978, 1983, 1993, 1994, 2004
Парагвай	1992	–
Перу	1993	1995, 2000, 2002, 2004, 2005
Сальвадор	1983	1991, 1992, 1994, 1996, 1999, 2000, 2014
Уругвай	1997	1989, 1994, 1996, 2004
Чили	1980	1989, 1991, 1997, 1999, 2000, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009, 2011
Эквадор	2008	2011, 2018

Источник: составлено авторами.

² Поправки вне указанного периода не учитываются.

³ В некоторых странах за один год было проведено больше поправок к конституции и реформ. Список неполон.

или политиков, тем самым способствуя дебатам между различными общественными и политическими силами. Актуализация темы участия населения в управлении может способствовать созданию дополнительных институтов, в рамках которых требования граждан будут услышаны, что будет способствовать развитию прямой демократии в стране (Мартынов, 2001, с. 56).

Проанализируем учет интересов участников политического процесса (инклюзивности), распространенность форм прямой демократии, а также институционализацию участия граждан в управлении. Для этого авторы настоящей статьи обозначают механизмы прямой демократии, чтобы определить и охарактеризовать конституции и поправки к ним на примере 18 латиноамериканских стран. Прежде всего, необходимо выяснить, что является источником прямой демократии – народ или законодательная / исполнительная ветвь власти (рис. 1). Некоторыми специалистами это явление обозначается как прямая демократия сверху» (Altman, 2005; Zovatto and Henríquez, 2008) или прямая демократия «снизу».

Чем больше в распоряжении граждан оказывается механизмов прямой демократии, с помощью которых они могут выразить свои потребности, тем больше возможностей контролировать представительную демократию по вертикали. Эта гипотеза лишь усиливается в контексте, который описал Пьер Розанвайон (Rosanvallon, 2008). Всемерное ограничение легитимного значения выборов ведет к нехватке легитимности представительной демократии во всем мире, что выражается в растущей дистанции между представителями и представляемыми. Таким образом, демократия трансформируется в неоолигархию, когда формально власть принадлежит гражданам, а на деле народным избранникам. Это подтверждается таким индикатором, как растущее политическое равнодушие граждан. Но наряду с этим появляется все больше нетрадиционных форм участия в политической жизни, таких как уличные протесты, сбор петиций, а также проявление солидарности в социальных сетях (Дабагян, 2017).

Латинская Америка так же, как страны Европы и Северной Америки, является регионом, в котором всеобщие выборы институционализированы и широко распространены. Однако данный регион особенно интересен теми формами прямой демократии, которые исходят от граждан и социальных движений, формируя политический дискурс в рамках теории делиберативной демократии, где государственно-правовая сфера максимально открыта и подвижна, а принимаемые решения являются результатом публичного обсуждения (Хелд, 2014, с. 410). Удачное сочетание желания граждан и возможностей властей способствует, таким образом, сближению представителей и представляемых. Распространение форм народного представительства может быть ответом прямой демократии на потерю доверия к политическим партиям.

По результатам анализа политической ситуации в Латинской Америке нам представляется разумным выделить следующие механизмы прямой демократии (рис. 1).

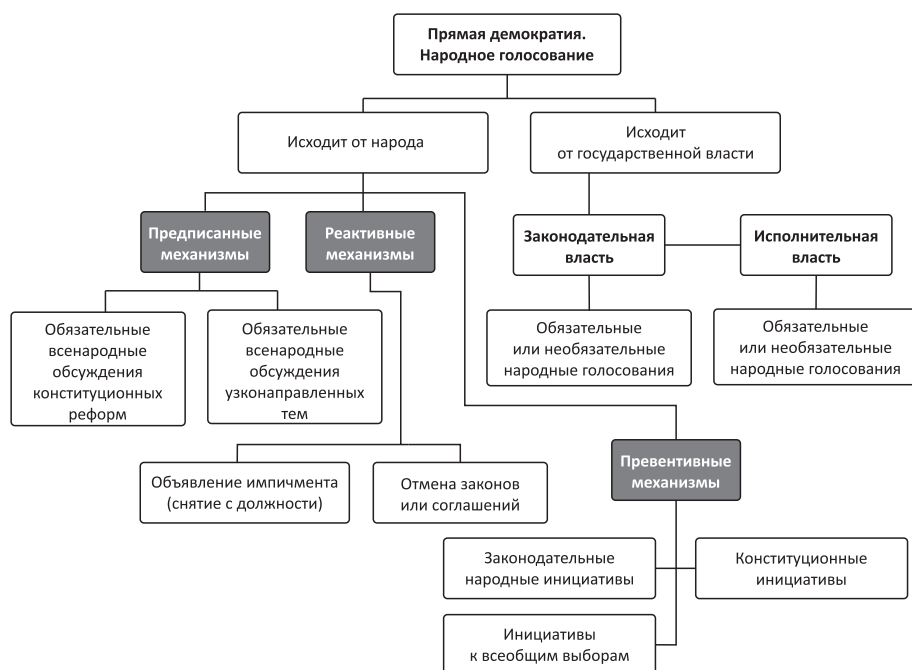

Рис. 1. Механизмы прямой демократии в странах Латинской Америки /
Fig. 1. Mechanisms of direct democracy in Latin America countries

Превентивные механизмы прямой демократии определяют готовность граждан к реализации их права предлагать законы, выдвигать законодательские инициативы или конституционные реформы, а также законными средствами призывать к всеобщим выборам.

Эти механизмы предоставляют возможность включения граждан в процесс принятия политических решений, укрепления связей с избираемыми властями, а также дальнейшего движения вперед на пути демократизации политической системы латиноамериканского региона. Благодаря им культурные и этнические меньшинства получают возможность выдвигать свои предложения и выводить на первый план значимые для них вопросы, обозначая конкретные интересы в политической жизни страны.

Однако законодательная народная инициатива предполагает высокий уровень организации и образованности граждан, т. е. наличие у них сильной мотивации, знаний о политических процессах, достаточных материальных ресурсов. Как правило, инициатива исходит от политических партий, которые могут поддерживать гражданские и общественные предложения. От лидеров партий требуется определенная доля популизма, чтобы привлекать граждан участвовать в политической борьбе или создавать иллюзию таковой, что зачастую приводит к власти соответствующие политические силы. Таким образом, гипотеза, согласно которой влияние политических партий при прямой демократии ослабляется или вовсе исчезает, опровергается реалиями в странах Латинской Америки.

Однако существует риск того, что законодательные народные инициативы институционализируются, чтобы добиться сомнительных общественных выгод. Мощные общественные организации, депутаты от крупных политических партий, обладающие властными ресурсами и возможностями для мобилизации населения, могут использовать этот механизм прямой демократии в интересах отдельно взятых лоббистских групп, олигархических структур и т. п., что не раз можно было наблюдать в странах региона.

Кроме того, принимая во внимание законодательное изменение механизмов прямой демократии, можно наблюдать определенный дисбаланс в странах региона. В большинстве государств часто проходит много лет между принятием конституционных поправок о возможности всенародного обсуждения до реализации на практике указанных положений. Это можно расценить как показатель незначительной политической воли и неготовности действующих правительств легализовать народные волеизъявления.

Реактивные механизмы прямой демократии обозначают отмену законов и возможность объявления импичмента (снятия с должности). Они служат защитой против принятия непопулярных законов и могут привести к импичменту тех лиц, которые потеряли поддержку своих избирателей по различным причинам. Преимущества этих механизмов очевидны, но при этом существуют и определенные риски, когда ими злоупотребляют или используют их для оказания давления на народных представителей. Степень влияния реактивных механизмов зависит от особенностей национального законодательства, от того, какие, к примеру, условия должны быть выполнены, чтобы заявить об импичменте.

Такой реактивный механизм, как отмена законов, имеет ограниченное влияние на политический процесс в рамках представительной демократии. До сих пор данная мера использовалась только в Уругвае (Lissidini, 2012, p. 241). Что касается снятия с должностей, стоит обратиться к опыту Перу. Некоторые источники указывают на негативное воздействие подобных мер на представительную демократию (Tuesta Soldevilla, 2014, p. 46); другие подчеркивают тяжесть последствий и вероятность кризисов, которые повлияют на институциональные структуры и участвующих в политике акторов (Welp and Serdult, 2014, p. 179–180). Конкретные воздействия этого механизма прямой демократии могут быть рассмотрены только в зависимости от национального контекста.

Предписанные механизмы являются классическими формами прямой демократии, которые применяются в различных странах, прежде всего, в виде референдумов. В латиноамериканском регионе обязательные всенародные обсуждения становятся необходимыми, когда реформы требуют одобрения граждан посредством плебисцита. Это касается, прежде всего, конституционных реформ, а также узконаправленных тем, таких как территориальные границы, политическая структура государства, международные договоры или процессы мирного урегулирования. Кроме того, это может касаться вопросов, заинтересованность в которых выражают определенные этнические группы или коренные народы.

С одной стороны, предписанные механизмы прямой демократии содержат потенциальный риск парализовать внутренний политический про-

цесс: ведь политические акторы предпочитают не предлагать непопулярные реформы, поскольку боятся поражения, если их инициатива не получит поддержку в ходе народного голосования. При этом также существует опасность, что принятие или отклонение той или иной реформы будет необъективным, если участие граждан сопряжено лишь с вотумом доверия партии или определенным политическим акторам. В подобном случае мы узнаем мнение граждан не о законопроекте, а об уровне поддержки политического курса страны.

С другой стороны, предписанные механизмы побуждают политических акторов к реформам, которые удовлетворяют интересы большинства граждан. Политические элиты вынуждены сообщать о проектах реформ и их значении, привлекать к обсуждению общественность. Все это сильнее, чем при голосовании на выборах, втягивает граждан в процесс принятия решений. Реформы, которые принимаются подобным образом, обладают, несомненно, высокой демократической легитимностью.

Отличительной чертой обязательных всенародных обсуждений в Латинской Америке является их инициирование и активное в них участие многоэтнического, мультикультурного и многоязычного населения региона. Национальные меньшинства пользуются этим правом на основании конституций, а также конвенции Генеральной конференции Международной организации труда от 1989 года⁴ и официального заявления ООН от 2007 года «О правах коренных народов»⁵. Однако, несмотря на существование международных соглашений, остается неясным, кто должен инициировать обязательные всенародные обсуждения, в каких условиях и с какими правовыми последствиями это должно происходить, что приводит к появлению многочисленных жалоб.

Стоит отметить еще один механизм прямой демократии – *обязательные или необязательные народные голосования, исходящие от государственной власти* (законодательной или исполнительной ее ветви). Они часто сопряжены с политическим злоупотреблением в демагогических, партийных или авторитарных целях. Так, опасаясь отрицательного голосования по законопроекту в парламенте, глава государства может вынести законопроект на референдум и уйти от обсуждений и прений с депутатами. Кроме того, народные голосования могут рассматриваться национальным лидером как источник повышения популярности, в случае если выносимый на обсуждение вопрос несет социальные или политические выгоды гражданам. Таким образом, если власть использует референдумы в своих целях без конкретного законодательного намерения, это может привести к ослаблению механизмов прямой демократии в целом.

В целом, в странах латиноамериканского региона в последние годы происходит расширение механизмов прямой демократии. Их введение связано,

⁴ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Электронный ресурс]: принята Генер. конф. Междунар. орг. труда на ее семьдесят шестой сессии от 27.06.1989 № 169. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml#a1 (дата обращения: 11.01.2020).

⁵ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов [Электронный ресурс]: принята резолюцией 61/295 Генер. Ассамблеи от 13.09.2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 11.01.2020).

Таблица 2 / Table 2

Индекс прямой демократии. Составные части и показатели / Direct democracy index. Components and indicators

Механизмы прямой демократии	Измерение	Величина	Классификация	Частичный индекс	Индекс прямой демократии
«Снизу»	Предентивные механизмы	Законодательные народные инициативы. Конституционные инициативы. Инициативы к всеобщим выборам	0-3	0-7	0-9
	Реактивные механизмы	Отмена законов или соглашений. Объявление импичмента (снятие с должности)	0-2		
	Предписанные механизмы	Обязательные всенародные обсуждения конституционных реформ. Обязательные всенародные обсуждения узконаправленных тем	0-2		
«Сверху»	Полномочия исполнительной власти или президента	Обязательные или необязательные народные голосования	0-1	0-2	
	Полномочия законодательной власти	Обязательные или необязательные народные голосования	0-1		

Источник: составлено авторами.

с одной стороны, с инициативами общественных и политических акторов, которые требуют подотчетности и особенно транспарентности власти, а также контроля общественных расходов для борьбы с коррупцией. С другой стороны, с необходимостью правительств реагировать на критику населения и жалобы на коррупцию, учитывая общее усиление оппозиции и роль граждан в общинах и административных округах.

С помощью выявленных механизмов прямой демократии был установлен индекс прямой демократии для латиноамериканских стран (табл. 2). В законодательстве каждой из 18 представленных латиноамериканских стран осуществлялся поиск механизмов прямой демократии. Если в стране имеется один из механизмов, то она получает 1 балл, если же соответствующий механизм не найден, то 0 баллов. Промежуточные баллы свидетельствуют о неполном их наличии.

В индексе прямой демократии «снизу» показатели различаются между 0 (полное отсутствие прямой демократии «снизу») и 7 (в наличии имеются все описанные выше механизмы прямой демократии «снизу»), в индексе прямой демократии «сверху» – от 0 (полное отсутствие прямой демократии «сверху») до 2 (в наличии имеются все описанные выше механизмы прямой демократии «сверху»). Таким образом, сумма признаков прямой демократии составляет от 0 до 9.

Подсчеты выполнены на основе экспертного опроса отечественных экспертов-латиноамериканистов. Опрос проводился по электронной почте в октябре-ноябре 2019 года. Всего было опрошено 32 человека. В табл. 3 представлено среднее значение суммарной оценки респондентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс прямой демократии

Основываясь на описанной выше методологии исследования, был установлен индекс прямой демократии для каждой латиноамериканской страны (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Индекс прямой демократии в странах Латинской Америки /
Direct democracy index in Latin American countries

Страна	Прямая демократия «снизу»	Прямая демократия «сверху»	Индекс прямой демократии
Аргентина	1,5	1,5	3
Боливия	6,16	2	8,16
Бразилия	1,83	1	2,83
Венесуэла	6,5	2	8,5
Гватемала	3,33	2	5,33
Гондурас	5	1,5	6,5
Доминиканская Республика	3,16	2	5,16

Страна	Прямая демократия «снизу»	Прямая демократия «сверху»	Индекс прямой демократии
Колумбия	5,5	1,5	7
Коста-Рика	4,83	1,5	6,33
Мексика	3	2	5
Никарагуа	2	2	4
Панама	5	0	5
Парагвай	2,5	1,5	4
Перу	5,66	0	5,66
Сальвадор	0,33	0	0,33
Уругвай	5	0	5
Чили	0,83	0,5	1,33
Эквадор	7	2	9

Источник: составлено авторами.

По данным табл. 3, Эквадор, Венесуэла, Боливия и Колумбия являются странами с самым высоким индексом прямой демократии. В первых трех странах расширение механизмов прямой демократии обусловлено, прежде всего, деятельностью левых правительств, в последней – работой учредительных собраний. Эти четыре страны являются частью так называемого нового конституционализма, или конституционного новообразования в Латинской Америке, открывшего новые горизонты перед прямой демократией в регионе.

В 1990 году в Колумбии созыв учредительного собрания стал следствием студенческих протестов, в которых также участвовали представители общественных организаций и среднего класса. При этом формально протесты были связаны с результатами выборов в парламент и советы общин, протестующие требовали дополнительного всеобщего голосования. Граждане добились того, чтобы в ходе выборов с так называемым седьмым бюллетенем⁶ отдать свой голос «за» или «против» созыва учредительного собрания – Конституционной ассамблеи (Asamblea Nacional Constituyente). В ответ правительство ограничило полномочия последнего и установило юридические границы и перечень вопросов, которые могли формировать повестку дня его заседаний. Все это, а также методы работы политических партий Колумбии оказало влияние на развитие демократических институтов в стране (Mainwaring et al., 2008, p. 322) и способствовало принятию новой конституции в 1991 году.

В Боливии начала 2000-х годов важнейшие социальные движения и движения за права коренных народов требовали провозглашения институциональной системы, которая должна была изменить все законодательство с помощью демократических процессов. На этом основании при учете особенной связи автохтонных народов с землей и территорией (почвой), важности единства и обращения к прошлому разрабатывалась новая конституция, проложившая дорогу прямой демократии (Soto Barrientos, 2014, p. 401).

⁶ Остальные шесть голосов были предназначены для выборов в сенат, палату представителей, региональные собрания, городские парламенты, а также губернаторов и мэров.

В Эквадоре созыв учредительного собрания состоялся по инициативе президента Рафаэля Корреа в 2007 году. Целями его созыва, согласно Альберто Акосте⁷, были: 1) разработать новый текст конституции, чтобы построить активную, радикальную, совещательную (*deliberativa*) демократию, которая должна объединить и гарантировать гражданские, политические, социальные и коллективные права; 2) продвигать модель участия, при которой все граждане смогут осуществлять власть, участвовать в принятии общественных решений и контролировать действия своих политических представителей; 3) определить инструменты, нормы и способы, с помощью которых могут контролироваться и проверяться действия государственной администрации и ее подотчетность; 4) создать децентрализованное государство, которое передает не только компетенции, но и ресурсы и полномочия по принятию решений для улучшения качества жизни граждан, стимулирования местной экономики и прекращения исключительного и неэффективного централизма; 5) демонтировать неолиберальное гиперпрезидентство, закрепленное в Конституции 1998 года, а также те механизмы, которые поддерживали шантаж и мафиозные практики в парламенте и распространялись на контролирующие органы республики»⁸.

Учредительное собрание, в котором 80 из 130 мест получила левоцентристская социал-демократическая политическая партия Рафаэля Корреа, разработало новую конституцию. И хотя участие оппозиции в работе этого органа было минимальным, но различные организации гражданского общества играли там важную роль и способствовали расширению прав человека и гражданского участия. Новая конституция была одобрена избирателями на конституционном референдуме в сентябре 2008 года.

Во многих государствах региона посредством народного голосования, инициированного исполнительной властью, была утверждена возможность избирать президента более двух сроков, что первоначально не было предусмотрено конституциями.

Можно предположить, что в странах с сильными политическими лидерами существует вероятность нарушения баланса между ветвями власти, превращения плебисцитов в процесс принятия решений без голосования (аккламацию). Альберто Акоста о случае Эквадора писал, что нужно воспрепятствовать неограниченному переизбранию не только президента и вице-президента, но и мэров, префектов, депутатов. Требование народа о завершении господства партийных «князей» впервые прозвучало не в Монтекриси⁹, а гораздо ранее, когда речь зашла об участии граждан¹⁰.

⁷ Альберто Акоста был сооснователем партии «Alianza PAIS», которая поддерживала кандидатуру Рафаэля Корреа и составителя программы правительства этой партии. Он был министром энергетики и горного дела и на тот момент являлся председателем Конституционного собрания, в 2009 году ушел в отставку из-за расхождения во мнениях с партией и особенно с президентом Рафаэлем Корреа.

⁸ Acosta A. Migración y Constitución en Montecristi // [Электронный ресурс] // Rebelión. 2009. 21 марта. URL: <https://rebelion.org/migracion-y-constitucion-en-montecristi/> (дата обращения: 01.11.2020).

⁹ Маленький город на Тихоокеанском побережье, где с ноября 2007 по июль 2008 года заседало учредительное собрание Эквадора.

¹⁰ Acosta: se está configurando un gobierno caudillesco [Электронный ресурс] // Ecuavisa. 2014. 6 нояб. URL: <https://www.ecuavisa.com/articulo/noticias/contacto-directo/87818-acosta-se-esta-configurando-gobierno-caudillesco> (дата обращения: 01.11.2019).

Однако не все народные голосования, инициированные государственной властью, обречены на успех и безоговорочно поддержаны населением. Так, конституционная реформа 2007 года в Венесуэле, основным вопросом которой стала возможность расширения полномочий президента, несмотря на наличие сильного лидера в лице Уго Чавеса, встретила неприятие граждан, что отразилось на результатах референдума (с небольшим перевесом поправки не были приняты). Данный случай можно назвать истинным проявлением прямой демократии.

Боливийский случай сложнее, в том числе учитывая антиправительственные акции протеста 2019 года, которые в основном стали результатом недавности президента Эво Моралеса, вынужденного покинуть родину. Так, Пабло Стефанони¹¹ утверждает, что в Боливии дискурс о коммунитарном социализме (“socialismo comunitario”) сопровождается новыми формами гражданского участия¹², которые влияют на политический процесс в стране.

Можно увидеть, что в противоположность росту гражданского участия, индекс прямой демократии «сверху» во многих латиноамериканских странах, таких как Уругвай, Перу, Панама, Сальвадор, Колумбия и Чили, равен 0–0,5 (табл. 3).

В целом следует заметить, что конституции стран с самым высоким индексом прямой демократии признают полиэтническое и мультикультурное разнообразие обществ. Они расширяют социальные права граждан и механизмы защиты этих прав, основывают институты, целью которых является больший общественный контроль. Однако новые основные законы сформировали в Андских странах условия для недостаточного вовлечения оппозиции в процесс принятия политических решений. Альтернативное мнение не звучит в парламенте, что, в свою очередь, формирует протестный потенциал, в том числе в социальных сетях, и создает почву для вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику.

Обращают на себя внимание Чили и Сальвадор, где индекс прямой демократии самый низкий (1,33 и 0,33 соответственно). В Чили конституция принята еще в период военной диктатуры. Тем не менее в 2005 году состоялись конституционные реформы, призванные ликвидировать авторитарное наследие. Однако для этого не созывалось учредительное собрание, механизмы прямой демократии не были расширены, возможным следствием чего являются регулярные массовые акции протеста (Дьякова, 2016, с. 59). В Сальвадоре, напротив, учредительное собрание созывалось, но было не слишком демократичным, поскольку общественные организации и представители системной политической оппозиции были незначительно вовлечены в его работу. Находившиеся у власти в стране правящие элиты вели переговоры друг с другом

¹¹ *Stefanoni P.* Evo, el “modernizador” [Электронный ресурс] // *Rebelión*. 2014. 18 окт. URL: <http://rebelion.org/noticia.php?id=190970> (дата обращения: 19.10.2019)..

¹² Оппозиционная партия “MovimientosinMiedo” («Движение без страха», MSM) представляла парламенту два законопроекта: первый стремился усилить институты прямой демократии и участия, такие как референдумы, законодательные народные инициативы, возможность объявления импичмента, общинные советы и обязательные всенародные обсуждения; согласно второму, закон от 30.06.2010 № 026 «О выборном законодательстве» должен был быть изменен, чтобы позволить сдавать пустые бюллетени в случае голосования против всех. Оба предложения не получили поддержки.

за закрытыми дверями, что несло в себе отпечаток конфликта между FMLN¹³ и правыми партиями, поддерживаемыми США. Таким образом, как в Сальвадоре, так и в Чили представительная монополия сосредоточивалась в руках политических партий, новые механизмы прямой демократии не вводились.

Референдумы как механизм прямой демократии в странах Латинской Америки

Авторами были рассмотрены все национальные референдумы в странах Латинской Америки начиная с 1978 года. Указанные в табл. 4 результаты базировались на следующих пунктах: «Кто начал обсуждение – законодательная или исполнительная власть, или граждане; проходили референдумы в демократических или авторитарных системах»; «Какова была идеологическая позиция акторов, проводивших референдум». Основанием данной классификации являются мнения экспертов из указанных стран, а также позиция участвовавших в референдумах партий и общественных организаций, которые были найдены в различных источниках, таких как медиа и официальные документы.

В результате удалось установить, что на национальном уровне с 1978 года было проведено в общей сложности 54 референдума (табл. 4). При этом референдумы проводятся и проводились в 85,2 % случаев в демократических системах и лишь 14,8 % – в авторитарных. Страна с большим количеством общенациональных голосований в условиях диктатуры – Чили, где прошли четыре референдума в 1978, 1980, 1988 и 1989 годах. После них был проведен еще один, однако имеются определенные сомнения по поводу его легитимности (Вольский, 1991, с. 102–103). Поражение военного правительства на референдуме 1988 года – по результатам голосования, в котором приняли участие более 96 % избирателей, положило начало системному демократическому переходу, что было удивительным для подобного рода правоцентристских диктатур, хотя и не исключением в латиноамериканском контексте (Ивановский, 2014; Ивановский, 2015).

Подобный референдум прошел в Уругвае в 1980 году: тогда всеобщее голосование привело страну к началу демократических перемен (Чумакова, 2012). Военный режим в Уругвае (1973–1984 годы) попытался конституционно узаконить свое положение, запустив механизм плебисцита с расчетом на то, что население одобрит конституционную реформу, объявлявшую различные гражданские права недействительными.

Почти в то же время военная хунта Аугусто Пиночета начала конституционную реформу в Чили – при помощи плебисцита, преследуя цели, подобные тем, что имели уругвайские военные. В итоге чилийский авторитарный плебисцит оправдал надежды членов хунты, а в Уругвае закончился отклонением предложенных конституционных реформ. Причины разных исходов народных голосований кроются, прежде всего, в серьезном закреплении демократических ценностей в политической культуре Уругвая и центральной роли партий, которые выступали в качестве оппозиции правящему режиму (Lisidini, 2015).

¹³ Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional (FMLN) – Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Таблица 4 / Table 4

Референдумы в странах Латинской Америки с 1978 года / Referendums in Latin America countries since 1978¹⁴

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
Президент	Демократический	Аргентина	1984	Рауль Альфонсин
		Боливия	2004	Карлос Меса
		Венесуэла	1999	Уго Чавес
			2000	Уго Чавес
		Гватемала	2018	Джимми Моралес
		Колумбия	1997	Эрнесто Сампер
			2003	Альваро Урибе
			2016	Хуан Мануэль Сантос
		Коста-Рика	2007	Оскар Ариас
		Мексика	2018	Андрес Мануэль Лопес Обрадор
		Парагвай	2011	Фернандо Луго
		Перу	2018	Мартин Вискара
		Эквадор	1986	Леон Фебрес-Кордеро
			1994	Сиксто Дуран-Бальен
			1995	Сиксто Дуран-Бальен
			1997	Фабиан Аларкон
			2006	Альфредо Паласио
			2007	Рафаэль Корреа
			2011	Рафаэль Корреа
			2018	Ленин Морено

¹⁴ Местные обсуждения, референдумы вне указанного периода не учитываются. Данные указаны по состоянию на 01.01.2020.

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
Президент	Авторитарный	Панама	1983	Рикардо де ла Эсприэль
		Перу	1993	Альберто Фухимори
		Уругвай	1980	Военная хунта
		Чили	1978	Аугусто Пиночет
			1980	Аугусто Пиночет
			1988	Аугусто Пиночет
			1989	Аугусто Пиночет
		Эквадор	1978	Военная хунта
Парламент	Демократический	Боливия	2008	Эво Моралес
			2016	Эво Моралес
		Бразилия	2005	Луис Инасиу Лула да Силва
		Венесуэла	2017	Николас Мадуро
		Колумбия	2018	Иван Дукэ Маркес
		Уругвай	2019	Табаре Васкес
		Эквадор	2015	Рафаэль Корреа
		Бразилия	1993	Итамар Франку
Граждане	Демократический	Боливия	2009	Эво Моралес
		Венесуэла	1999	Уго Чавес
			2007	Уго Чавес
			2009	Уго Чавес
		Гватемала	1994	Рамиро Леон Карпио
			1999	Альваро Арсу
		Мексика	1998	Эрнесто Седильо

Инициатор референдума	Тип политической системы	Страна	Год	Глава государства
		Панама	1992	Гильермо Эндара
			1998	Эрнесто Перес Бальядарес
			2006	Мартин Торрихос
		Перу	2010	Алан Гарсиа
			1994	Луис Альберто Лакалье
			1996	Хулио Мария Сангинетти
		Уругвай	1999	Хулио Мария Сангинетти
			2009	Табаре Васкес
			2014	Хосе Мухика
		Эквадор	2008	Рафаэль Корреа
			2017	Рафаэль Корреа

Источник: составлено авторами.

В Панаме одобрение изменений в конституцию на референдуме 1983 года способствовало демократической открытости, в частности демократизации избирательного права. В Перу подобный референдум 1993 года, наоборот, привел к существенному расширению полномочий президента Альберто Фухимори. Народное голосование одобрило новую конституцию с большинством в 52 %. Согласно изменениям, парламент сокращался до одной палаты, что уменьшало его численность и ослабляло авторитет, одновременно давая зеленый свет авторитарным стремлениям президента. Тем самым была подготовлена возможность перехода к президентской диктатуре (Ткаченко, 2002, с. 164).

Отметим, что большая часть народных референдумов (51,8 %) была инициирована действующими президентами, 35,2 % – путем предложения со стороны граждан. Остальные референдумы были созданы по инициативе законодательной власти – 13 %. Данные дают ясное представление о том, что в половине случаев народная инициатива в Латинской Америке проявлялась «сверху» и нередко выступала лишь инструментом политики президентов для укрепления власти.

Диаграмма связывает общее число плебисцитов с государствами, в которых они проводились (рис. 2). На ней отражено, что 22,2 % случаев проведения референдумов приходится на Эквадор, однако их инициаторами выступали в основном президенты страны, что наделяет народные голосования одобрительными чертами. Это же касается и Венесуэлы, на которую приходится 11,1 % плебисцитов (третье место среди стран региона). На втором месте находится Уругвай (13 %), при этом пять из семи референдумов в стране прошли по инициативе граждан, гражданских объединений или политических партий, а не исполнительной власти, как во многих других странах. Уругвай является своего рода исключением в Латинской Америке, так как народные голосования проводились там с давнего времени (первое датируется 1917 годом) и инициатива их организации принадлежала народу.

Авторами настоящей статьи также выделил три типа референдумов в зависимости от преследуемых целей их проведения (рис. 3). Почти половину (48 %) из них можно считать *прогрессивными*. Народные голосования расширяли определенные права граждан, способствовали дальнейшему демократическому развитию политических систем. Подобные референдумы прошли в ряде центральноамериканских стран. *Нейтрально-неоднозначными* (29 %) считаем те референдумы, в ходе которых решались как прогрессивные, так и консервативные задачи. Например, референдум 2003 года в Колумбии при президенте Альваро Урибе. Наконец, 23 % плебисцитов носят *реакционный* характер, преследуют цель, как правило, предоставить президенту возможности неограниченного переизбрания и существенно расширить его полномочия. К таким референдумам относятся, например, те всенародные голосования, которые прошли в Чили в 1980 году. Правда, следует вспомнить и плебисциты в Уругвае, направленные против обвинений в адрес военных, нарушивших права человека, и судов над ними. В этом случае референдумы отменяли выдвинутые обвинения.

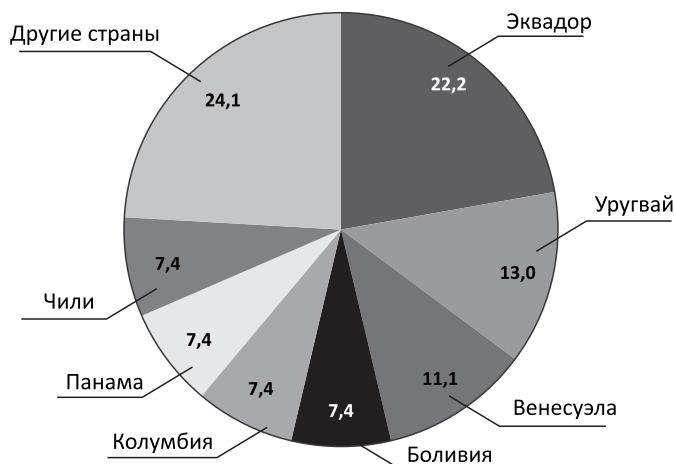

Рис. 2. Распределение референдумов по странам Латинской Америки, % /
Fig. 2. Referendums distribution by Latin America countries, %

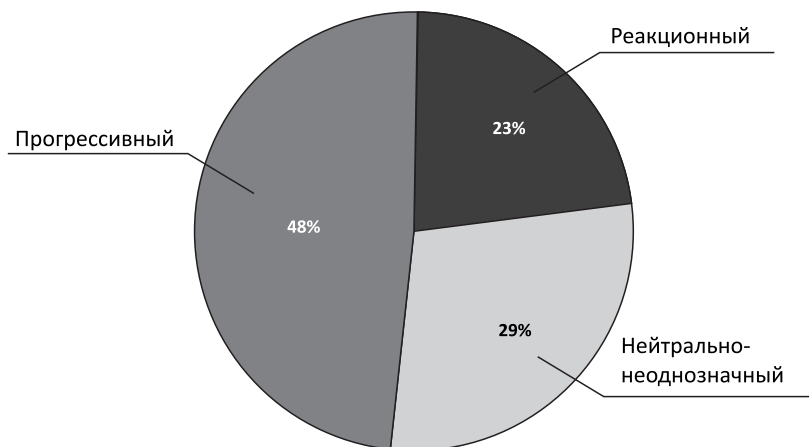

Рис. 3. Распределение референдумов по типам, % /
Fig. 3. Referendums distribution by types, %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из анализа общих правовых условий и опыта проведения пре-бисцитов, можно сделать вывод, что значение прямой демократии в Латинской Америке в последние годы возросло. В исследовании авторы учитывают референдумы национального уровня, которые в последнее время часто приводят к смещению политических лидеров с должностей, а также всенародные обсуждения и законодательные народные инициативы. Все это указывает на растущее значение механизмов прямой демократии.

Прямая демократия позволяет охарактеризовать политическую структуру общества, а также показывает уровень его развития. Следует отметить, что в странах с авторитарной традицией и высокой концентрацией власти

в руках президента исполнительная власть часто дает импульс к народному голосованию. В странах, которые, напротив, делают ставку на разделение властей и переговорный процесс, механизмы прямой демократии используются гражданами и политическими партиями, и благодаря этому как прямая, так и представительная демократия усиливаются.

К этому стоит добавить и институциональное оформление референдумов, которое играет важную роль в рамках прямой демократии. В странах с президентской традицией всенародное волеизъявление усиливает не законодательную, а исполнительную власть, т. е. центр принятия решения переносится из парламентов в офисы президентов, как это можно увидеть в Боливии и Эквадоре. При этом в целом стоит рассматривать воздействие прямой демократии в Латинской Америке в большинстве своем как прогрессивное и поддерживающее демократию явление.

В последнее время количество народных инициатив на национальном уровне снизилось в первую очередь по причине незнания гражданами общих конституционных прав. Еще одна причина – сложность реализации инициатив или их искусственное осложнение посредством различных бюрократических процедур, большого числа необходимых подписей, временных условий и пр. Другими возможными причинами могут быть невысокое доверие к институционализированным формам демократического участия, а в некоторых странах – дороговизна проведения подобных мероприятий. Тем не менее недооценка подобных мер может привести к еще большим расходам после ликвидации последствий неформальных форм политического участия, например уличных протестов и гражданских беспорядков (Боливия).

Можно предположить, что современные правительства Латинской Америки и партии не особо доверяют прямому участию граждан «снизу» и, скорее, решают выбрать контролируемое участие¹⁵. Во многих случаях партии выступают, когда граждане хотят ограничить политический курс правительства или не допустить реализации проектов, которые приведут к ухудшению окружающей среды или чрезмерной эксплуатации полезных ископаемых¹⁶. Являются ли данные ограничения законодательных народных инициатив «детской болезнью», которая исчезнет в процессе демократизации латиноамериканских стран, покажет будущее. Однако народные волеизъявления не должны отделяться от политического ландшафта континента и заслуживают поддержки со стороны властей как наиболее демократическая норма для выражения мнения и отстаивания своих интересов в рамках правового поля.

¹⁵ Zibechi R. Correa contra los movimientos sociales. Temor a la sociedad organizada [Электронный ресурс] // Miradoriu.org. 2014. 20 дек. URL: <http://www.miradoriu.org/spip.php?article530> (дата обращения: 30.10.2019).

¹⁶ См., напр., жалобу жителей аргентинской провинции Чубут: *Exigimos la derogacion de la ley prominera, el urgente tratamiento legislativo de la genuina ley de iniciativa popular y la investigaci3n judicial* [Электронный ресурс] // Blogger. 2014. 3 дек. URL: <http://iniciativapopularchubut.blogspot.com> (дата обращения: 30.10.2019).

Библиографический список

Дабагян Э. С. Массовые социальные протесты как политический фактор // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З. В. Ивановский. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2017. С 185–203.

Дьякова Л. В. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 52–61.

Ивановский З. В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры: справочник. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2014. 126 с.

Латинская Америка: дилемма демократического развития / Отв. ред. Б. Ф. Мартынов. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2001. 202 с.

Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З. В. Ивановский. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2015. 274 с.

Ткаченко В. А. Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия. М.: Ин-т Латин. Америки РАН, 2002. 228 с.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

Хелд Д. Модели демократии / Пер. с англ. М. Рудакова. М.: Дело, 2014. 544 с.

Чили от диктатуры к демократии / Отв. ред. В. В. Вольский. М.: Наука, 1991. 181 с.

Чумакова М. Л. Политические перемены и перспективы демократии в Латинской Америке // Латинская Америка. 2012. № 3. С. 5–20.

Altman D. Democracia directa en el continente americano: ¿Autolegitimación gubernamental o censura ciudadana? // Política y Gobierno. 2005. Vol. 12, № 2. P. 203–232.

Easton D. A systems analysis of political life. NY: John Wiley, 1965. 532 p.

La dosis hace el veneno. Análisis de la revocatoria del mandato en América Latina, Estados Unidos y Suiza / Ed. by Y. Welp, U. Serdult. Quito: Instituto de la Democracia, 2014. 272 p. DOI: 10.13140/2.1.1851.7447.

Lissidini A. A 35 años del plebiscito convocado por los militares uruguayos (y chilenos). Saber decir NO y repetirlo [Электронный ресурс] // Sin Permiso. 2015. 12 дек. URL: <https://www.sinpermiso.info/textos/a-35-anos-del-plebiscito-convocado-por-los-militares-uruguayos-y-chilenos-saber-decir-no-y-repetirlo> (дата обращения: 20.10.2019).

Lissidini A. Democracia directa en Uruguay y en Venezuela: nuevas voces, antiguos procesos // Nuevas Instituciones de democracia participativa en América Latina: la voz y sus consecuencias / Ed. by M. A. Cameron, E. Hershberg, K. E. Sharpe. Ciudad de México: FLACSO, 2012. P. 235–272.

Mainwaring S., Bejarano A. M., Leongymez Pizzaro E. La crisis de la representación democrática en los países andinos. Bogotá: Editorial Norma, 2008. 515 p.

Nino C. S. Una teoría de la justicia para la democracia. Hacer justicia, pensar la igualdad y defender libertades. Buenos Aires: Siglo XXI Editora Iberoamericana, 2014. 301 p.

Reforma política y electoral en América Latina 1978–2007 / Ed. by D. J. Zovatto, J. O. Henríquez. Ciudad de México: Universidad Nacional Autónoma de México; IDEA Internacional, 2008. 1101 p.

Rosanvallon P. Counter-democracy: Politics in an age of distrust / Пер. с фр. A. Goldhammer. NY: Cambridge University Press, 2008. 348 p.

Sáez M. A. Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina // *Revista de Derecho Electoral*. 2019. № 28. P. 1–24. DOI: 10.35242/RDE_2019_28_1.

Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. 3rd ed. NY: Harper Perennial Modern Classics, 2008. 431 p.

Soto Barrientos F. Asamblea constituyente: la experiencia latinoamericana y el actual debate en Chile // *Estudios Constitucionales*. 2014. Vol. 12, № 1. P. 397–428.

Tuesta Soldevilla F. La revocatorias en el Peru: entre la participación y la gobernabilidad local // *Una onda expansiva: Las revocatorias en el Peru y en América Latina* / Ed. by F. Tuesta Soldevilla. Lima: PUCP, 2014. P. 45–66.

Информация об авторах

Емельянов Антон Игоревич – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

ORCID: 0000-0001-7076-0273

ResearcherID: –

Электронный адрес: anton.politolog@ya.ru

Варнацкая Ярослава Владимировна – магистрант I курса кафедры политологии института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4416-3018

ResearcherID: –

Электронный адрес: yaroslava_varnackaya@mail.ru

Статья получена 24 января 2020 года

UDC 324

DOI: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366

BASICS OF DIRECT DEMOCRACY IN LATIN AMERICA

Anton I. Emelyanov

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

ORCID: 0000-0001-7076-0273

ResearcherID: –

E-mail: anton.politolog@ya.ru

Yaroslava V. Varnatskaya

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka str.,
Moscow, 119034, Russia

ORCID: 0000-0002-4416-3018

ResearcherID: –

E-mail: yaroslava_varnackaya@mail.ru

For citation:

Emelyanov, A. I. and Varnatskaya, Ya. V. (2020), “Basics of direct democracy in Latin America”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 342–366, doi: 10.17072/2218-9173-2020-2-342-366.

Introduction: the paper reveals the main features of democratic institutions in Latin America through the analysis of the forms and mechanisms of direct democracy, as well as through the study of the direct democracy index in Latin American states.

Objectives: the paper is to explore democratic institutions in Latin America and to identify the possibilities and boundaries of direct democracy mechanisms in the states under research.

Methods: analysis of documents (including constitutions of Latin American states), behavioral method, structural-functional method, system analysis, institutional method, comparative analysis.

Results: the main mechanisms of direct democracy in Latin America were identified; the direct democracy index in Latin American states was calculated; the raise of direct democracy in Latin America as well as the prospects for its development in the region were shown.

Conclusions: the increasing importance of direct democracy in Latin America is becoming apparent. Thus, the role of direct democracy mechanisms becomes especially noticeable at the local level, where, due to the frequency of plebiscites, there are much more displacements from elected posts, various preliminary popular discussions or popular initiatives. In countries with an authoritarian tradition and a high concentration of power in the hands of the president, executive power more often gives impetus to the popular will. In the countries that, on the contrary, rely on separation of powers and negotiations, direct democracy mechanisms are used by citizens and political parties much more often and, due to this fact, the manifestation of both direct and representative democracy is intensified.

Keywords: direct democracy; democratic institution; Latin America; national referendum; plebiscite; direct democracy index

References

Dabagyan, E. S. (2017), “Mass social protests as a political factor”, in Ivanovskii, Z. V. (ed.), *Politicheskie konflikty v Latinskoi Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new

opportunities], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 185–203.

Dyakova, L. V. (2016), “Chile: challenges to democracy”, *Latinskaia Amerika*, no. 5, pp. 52–61.

Ivanovskiy, Z. V. (2014), *Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury: spravochnik* [Latin America: Electoral legislation and the power structures. A guide], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Martynov, B. F. (ed.) (2001), *Latinskaya Amerika: dilemma demokraticeskogo razvitiya* [Latin America: The dilemma of democratic development], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ivanovskiy, Z. V. (ed.) (2015), *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama* [Latin America: Electoral process and the political panorama], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Tkachenko, V. A. (2002), *Fenomen Fukhimori: avtoritarizm versus demokratiya* [Fujimori phenomenon: Authoritarianism versus democracy], Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Huntington, S. (2003), *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The third wave. Democratization in the late 20th century], Translated by Pantina, L. Yu., ROSSPEN, Moscow, Russia.

Held, D. (2014), *Modeli demokratii* [Models of democracy], Translated by Rudakov, M., Delo, Moscow, Russia.

Volskiy, V. V. (ed.) (1991), *Chili ot diktatury k demokratii* [Chile: from dictatorship to democracy], Nauka, Moscow, Russia.

Chumakova, M. L. (2012), “Political changes and outlook for democracy in Latin America”, *Latinskaia Amerika*, no. 3, pp. 5–20.

Altman, D. (2005), “Democracia directa en el continente americano: ¿Autolegitimación gubernamental o censura ciudadana?”, *Política y Gobierno*, vol. 12, no. 2, pp. 203–232.

Easton, D. (1965), *A systems analysis of political life*, John Wiley, NY, US.

Welp, Y. and Serdult, U. (eds.) (2014), *La dosis hace el veneno. Análisis de la revocatoria del mandato en América Latina, Estados Unidos y Suiza*, Instituto de la Democracia, Quito, Ecuador, doi: 10.13140/2.1.1851.7447.

Lissidini, A. (2015), “A 35 años del plebiscito convocado por los militares uruguayos (y chilenos). Saber decir NO y repetirlo”, *Sin Permiso*, Oct. 12 [Online], available at: <https://www.sinpermiso.info/textos/a-35-anos-del-plebiscito-convocado-por-los-militares-uruguayos-y-chilenos-saber-decir-no-y-repetirlo> (Accessed Oct. 20, 2019).

Lissidini, A. (2012), “Democracia directa en Uruguay y en Venezuela: nuevas voces, antiguos procesos”, in Cameron, M. A. Hershberg, E. and Sharpe, K. E. (eds.), *Nuevas Instituciones de democracia participativa en América Latina: la voz y sus consecuencias*, FLACSO, Ciudad de México, México, pp. 235–272.

Mainwaring, S., Bejarano, A. M. and Leongymez Pizzaro, E. (2008), *La crisis de la representación democrática en los países andinos*, Editorial Norma, Bogotá, Colombia.

Nino, C. S. (2014), *Una teoría de la justicia para la democracia. Hacer justicia, pensar la igualdad y defender libertades*, Siglo XXI Editora Iberoamericana, Buenos Aires, Argentina.

Zovatto, D. J. and Henríquez, J. O. (eds.) (2008), *Reforma política y electoral en América Latina 1978–2007*, Universidad Nacional Autónoma de México, IDEA Internacional, Ciudad de México, México.

Rosanvallon, P. (2008), *Counter-democracy: Politics in an age of distrust*, Translated by Goldhammer, A., Cambridge University Press, NY, US.

Sáez, M. A. (2019), “Los partidos y la fatiga de la democracia, especial referencia al caso de América Latina”, *Revista de Derecho Electoral*, no. 28, pp. 1–24, doi: 10.35242/RDE_2019_28_1.

Schumpeter, J. A. (2008), “Capitalism, socialism and democracy”, 3rd ed., Harper Perennial Modern Classics, NY, US.

Soto Barrientos, F. (2014), “Asamblea constituyente: la experiencia latinoamericana y el actual debate en Chile”, *Estudios Constitucionales*, vol. 12, no. 1, pp. 397–428.

Tuesta Soldevilla, F. (2014), “La revocatorias en el Peru: entre la participacion y la gobernabilidad local”, in Tuesta Soldevilla, F. (ed.), *Una onda expansiva: Las revocatorias en el Peru y en América Latina*, PUCP, Lima, Perú, pp. 45–66.

Received Jan. 24, 2020

Опечатки, замеченные в предыдущем номере журнала

В предыдущем номере научного журнала “Ars Administrandi” («Искусство управления») по техническим причинам допущены опечатки.

В содержании на русском и английском языках, на с. 25 в нижнем колонтитуле, с. 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 43 в верхнем колонтитуле, а также на с. 40 в 22 строке снизу напечатано “Kiselev O. A.”, следует читать “Kiselev A. O.”.

На с. 25 в 26 строке снизу напечатано “Kiselev, O. A.”, следует читать “Kiselev, A. O.”.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2020. Т. 12, № 1 (176–366)

Редакторы *М. А. Шемякина, Е. А. Троицкая*
Корректоры *О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов*
Компьютерная верстка *Р. И. Смолина, Н. С. Кнутовой*

Дата выхода в свет 30.06.2020. Формат 70х100 1/16
Усл. печ. л. 16,08. Тираж 500 экз. Заказ № 187640.

Редакция научного журнала «Ars Administrandi» («Искусство управления»)
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно